

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

**№ 1–2 2016
January–February**

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2016**

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

№ 1–2 2016 (January–February)

ISSN 2310-5593

Editor-in-chief

Busch Petra, Austria, Doctor of Economics

International editorial board

Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography
Adieva Aynura Abdusshalalovna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Akhmedova Raziya Abdullayevna, Russia, Doctor of Philology
Balabiev Kairat Rahimovich, Kazakhstan, Doctor of Law
Barlybaeva Saule Hatiyatovna, Kazakhstan, Doctor of History
Bogolib Tatiana Maksimovna, Ukraine, Doctor of Economics
Bolshakov Andrey Georgievich, Russia, Doctor of Political Sciences
Bondarenko Natalia Grigorievna, Russia, Doctor of Philosophy
Bulatbaeva Ayyul Abdimazhitovna, Kazakhstan, Doctor of Education
Chiladze George Bidzinovich, Georgia, Doctor of Economics, Doctor of Law
Fazekas Alajos, Hungary, Doctor of Law
Gaydin Sergey Tihonovich, Russia, Doctor of History
Gurov Valeriy Nikolaevich, Russia, Doctor of Education
Ibragimova Liliya Ahmatyanovna, Russia, Doctor of Education
Ivana Blahuna, Ukraine, Doctor of Economics
Ivannikov Ivan Andreevich, Russia, Doctor of Political Sciences, Doctor of Law
Jansarayeva Rima, Kazakhstan, Doctor of Law
Khurtsidze Tamila Shalvovna, Georgia, Doctor of Law
Konstantinova Slavka, Bulgaria, Doctor of History
Korzh Marina Vladimirovna, Russia, Doctor of Economics
Lekerova Gulsim, Kazakhstan, Doctor of Psychology
Lewicka Jolanta, Poland, Doctor of Psychology

Massaro Alessandro, Italy, Doctor of Philosophy
Melnichuk Marina Vladimirovna, Russia, Doctor of Economics
Meymanov Bakyt Kattoevich, Kazakhstan, Doctor of Economics
Moldabek Kulakhmet, Kazakhstan, Doctor of Education
Morozova Natalay Ivanovna, Russia, Doctor of Economics
Moskvin Victor Anatolevich, Russia, Doctor of Psychology
Novikov Alexei, Russia, Doctor of Education
Petrov Vasily Borisovich, Russia, Doctor of Philology
Salaev Sanatbek Komiljanovich, Uzbekistan, Doctor of Economics
Shadiev Rizamat Davranovich, Uzbekistan, Doctor of Education
Shahutova Zarema Zorievna, Russia, Ph.D. of Education
Dalibor M. Elezović, Serbia, Doctor of History
Soltanova Nazilya Bagir, Azerbaijan, Doctor of Philosophy, Ph.D. of History
Spasennikov Boris Aristarkhovich, Russia, Doctor of Law
Spasennikov Boris Aristarkhovich, Russia, Doctor of Medicine
Tereschenko-Kaidan Liliya Vladimirovna, Ukraine, Doctor of Philosophy
Tsersvadze Mzia Giglaevna, Georgia, Doctor of Philology
Yashkova Tatiana Alexeevna, Russia, Doctor of Political Sciences
Yurova Kseniya Igorevna, Russia, Ph.D. of History
Zhaplova Tatiana Mikhaylovna, Russia, Doctor of Philology
Zolotukhina-Abolina Elena, Russia, Doctor of Philosophy

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

European Science Review "East West" Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Am Gestade 1 1010 Vienna, Austria

E-mail:

info@ew-a.org

Homepage

www.ew-a.org

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the "East West" Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Demographie und Ethnographie

*Abramov Sergey Michajlowitsch,
Uraler Staatliche Bergbauuniversität,
Dozent, Kandidat der pädagogischen Wissenschaften
E-mail: AbramowwwSM@mail.ru*

Demographischen Prozesse in der Fiktion (das Beispiel der Werke von A. Bely, A. Blok, I. Brodsky)

Abstrakt: Im Artikel geht es um die Wechselwirkung von wissenschaftlichen und künstlerischen Methoden der Erkenntnis der demographischen Prozesse. Es betont die Rolle der Intuition in der Kunst als einen Weg der Erkenntnis von demographischen Prozesse. Es wird auch gesagt, dass das Bevölkerungswachstum nicht zu einer Krise führen, aber nur eine Möglichkeit, die Realität aufgrund bestimmter Umstände wird.

Stichwörter: Grafiktext, demographischen Prozesse, Intuition, Bevölkerungsprojektionen, Bevölkerungspolitik, künstlerische Intuition.

*Абрамов Сергей Михайлович,
Уральский Государственный Горный Университет,
доцент, кандидат педагогических наук
E-mail: AbramowwwSM@mail.ru*

Демографические процессы в художественной литературе (на примере творчества А. Белого, А. Блока, И. Бродского)

Аннотация: В статье речь идет о взаимодействии научного и художественного методов познания демографических процессов. Делается акцент на роли интуиции в художественном творчестве как способе познания демографических процессов. Также говорится о том, что демографический рост не ведет к кризису, а является лишь возможностью, которая станет реальностью в силу определенных обстоятельств.

Ключевые слова: художественный текст, демографические процессы, интуиция, демографические прогнозы, демографическая политика, художественная интуиция.

В настоящее время современное общество вступает в такое жизненное демографическое состояние, которое неизбежно сопровождается ситуацией кризиса. Поэтому анализ природы и смысла происходящих демографических процессов, изложенных в художественных текстах, становится актуальной задачей. Тем более, что понимание и истолкование демографических процессов больше не является монополией со стороны науки. Данное обстоятельство может относиться ко всей совокупности человеческого опыта.

Прежний мир с его демографическими процессами рухнул — в этом вся суть современного мира, который уже не является более тем, чем он был раньше. Отсюда ощущение беспокойства и глубокий пессимизм тех, кто пытается смотреть на будущее с ретроспективной точки зрения.

Сегодня вопрос о понимании демографических процессов, который в той или иной степени отражен в художественных текстах, вполне правомерен, ибо искусство соединяет ретроспекцию с предвосхищением в причудливом

рисунке прошлого, настоящего и будущего. Однако художественное осмысление демографических процессов по-прежнему не получает решающего значения для изучения демографических событий в жизни общества. Предполагается, что данная работа не претендует на полноту осмысления демографических проблем, но позволит найти приемлемые пути решения сложных вопросов жизнеустройства общества, которое изменилось и уже никогда не будет прежним. Цель работы — показать, как художественный текст отражает демографические процессы и определяет полноту их понимания.

Прежде всего начнем с того, что художественный текст неразрывно связан с герменевтическими смыслами, выстроенными по законам формальной логики. Как известно древнегреческий бог Гермес был проводником и истолкователем мыслей богов для смертных. И герменевтика также имеет своей основной проблемой познания — толкование и вчувствование смыслов (Шлейермахер). Толмин и другие исследователи герменевтики выстраивают

герменевтический треугольник: постижение — толкование — смысл. Отсюда возникает необходимость понимания предмета демографии выраженного в художественном тексте. Таким образом вслед за Толмином мы выходим на смысл демографических процессов, изложенных в творчестве Белого, Блока и Бродского.

Отметим, что демографическая реальность, которая подчинена множеству внутренних и внешних влияний, не может быть осмыслена чисто логически, следовательно, знание о ней не может носить истинный характер, но и ложью тоже не является, так как нарушается закон достаточного основания. Ибо с пропущенной посылкой (предположением), отражающей реальность, получается всего лишь вероятностное суждение. Вполне очевидно, что познание и осмысление демографических процессов не подкрепленное научным инструментарием достраивается и «схватывается» (улавливается) уже при помощи искусства, особенно, поэзии, внутренней кумулятивности художественного (поэтического) текста, в котором выстраивается дополнительная аргументация, прежде всего, реальных демографических изменений, но и это знание тоже носит вероятностный характер. Только синтез научного и художественного взглядов позволяет продвинуть процесс познания вперед.

Художественный текст (в данном случае — идеи, изложенные в нём) — это своеобразное искусство находить аргументы, это понимание окружающего мира, процессов, происходящих в нем, это еще и уникальная интерпретация исторической ситуации, которая позволяет автору текста на основе субъективного опыта инстинктивно и посредством интуиции глубже проникнуть в суть событий и которая не обязательно в текущий момент подлежит пониманию и осмыслению со стороны общества. В данном случае художественный текст не замыкает, а расширяет проблемный горизонт демографических процессов, подлежащих пониманию. А вслед за этим субъективность перерастает (преодолевают) себя и возникает объективный взгляд, улавливающий специфику демографической ситуации. Как отмечает известный западногерманский философ Х.-Г. Гадамер: «... подлежащий пониманию текст обретает конкретность и завершенность лишь в истолковании ...» [6, 392]. И далее он говорит: «В любом случае в феномене литературы не случайно заложена точка пересечения искусства и науки» [6, 214]. Напомним, что художественный текст является реальностью сам по себе, для его понимания необходимо учитывать и то, что есть и то, что было. В нем лежит попытка приблизиться к новому объяснению демографических процессов благодаря осознанию рассогласованности между объективно существующей демографической ситуацией и ее интерпретацией, т. е. фактом расхождения между жизнью и отражением в головах людей. Именно эта рассогласованность, с одной стороны, крайне затрудняет научный демографический прогноз, но с другой стороны дает возможность опереться на живые и подвижные образы искусства.

Традиционно, в науке интуиция рассматривается как «момент постижения, в котором внутренний опыт индивида воспринимается им самим в качестве особой реальности» [11, 99]. Напротив, интуиция в художественном творчестве существует через призму предчувствий, внутреннего опыта индивида, который органично вплетен в познавательную деятельность субъекта. Все это дает основание говорить о ценности художественной, особенно, поэтической интуиции, под которой мы будем понимать обнаружение сути (демографических) явлений и изменений через призму чувств, эмоций и внутренний психологический опыт познающего субъекта. Такая интуиция осуществляется в постижении бытия не извне, а, прежде всего, изнутри него самого. Результатом постижения является художественный образ. Познавая мир через интуитивное «проживание» его изнутри, художник (поэт) не просто фиксирует его данность в понятиях, но творчески раскрывает его в образах; творчески, потому что любой акт такой интуиции есть, говоря языком Шеллинга, акт «продуцирования», творения мира, его целостное видение, окончательно в нем самом осмысливающий. Процесс познания и творчество здесь рассматриваются как одно и то же, как две стороны одного целого.

В интуиции скрыты гносеологические возможности искусства, открывающиеся воображению, которые не постигаемы умом и логикой познания. Поэтому художественная (поэтическая) интуиция, наряду с наукой, выступает как точка опоры для осмысления и конструирования демографических процессов.

Что особенно важно — художественную интуицию нельзя подменить логико-дискурсивным мышлением, несмотря на то, что наука и интуиция не отгорожены друг от друга «железным занавесом», а представляют единый путь развития человеческого познания. Следует признать, что художественные тексты, их идеи далеко выходят за свои пределы в вопросах демографии и демографических прогнозах. Приходится констатировать, что художественный взгляд на демографические процессы — это принципиально иной (другой) тип Знания, который не отвечает в полной мере критериям научности. Бесспорно одно — чтобы понять суть демографических процессов, нет необходимости обращаться только к науке, которая выступает как воплощение рационалистической методологии мышления, ибо, как известно, художник первым видит свое время. Общеизвестный глава трансцендентальной школы Ральф Эмерсон в связи с этим говорит, что поэт «раскрывает перед нами не свое богатство, но общее богатство ... все люди жаждут правды и нуждаются в том, чтобы она была выражена ... Поэт — человек ... который видит то, о чем другие лишь мечтают ... Он — представитель рода человеческого благодаря тому, что в нем больше всего развиты способности воспринимать и передавать другим» [9, 66]. Как отмечает Чашегорова Н. А.: «... поэт тем и отличается от всех остальных людей, что он способен видеть мир изнутри,

в его отношении к вещам снимается субъект-объектная дистанция...» [12, 83]. По ее мнению: «... поэзия есть форма глубочайшего познания мира, и в этом смысле — истинная философия» [12, 84]. Есть все основания считать, что ни одно общество не может обходиться без

мыслителей. Реальность, жизнь как таковая превосходит любое логизирование, свойственное науке, и требует прежде всего страстного, поэтического отношения.

Ниже приводится сравнительная характеристика интерпретации демографических прогнозов (Таблица 1).

Таблица 1. – Сравнительная характеристика научной и художественной интерпретации демографических прогнозов

Критерии	Научная интерпретация	Художественная интерпретация
Спектр проблем	Самый широкий: рождаемость, смертность, рост народонаселения, брачность, разводимость, миграция, депопуляция, демографическая безопасность и т.д., которые осмысляются, ощущаются и интерпретируются по-разному.	
Способы познания	Рационально-логический (с опорой на классическую линейную логику), научный инструментальный (статистика, социологические опросы и т.д.), суждения, логико-дискурсивное мышление.	Сочетание интуиции и логики, рационального и эмоционального, целеполагания и смыслообразования; личное восприятие через призму ментальности общества; предрасудки, предвидение, стереотипы общественных представлений и общественные заблуждения, в т. ч. эсхатологические; предубеждения, воображение, рефлексия, мыслительные привычки, коммуникации с окружающим миром.
Прогнозы	Краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные, функциональные, аналитические, прогнозы-предостережения и т.д.	Прогнозы — предчувствия; прогнозы, основанные на личном и родовом опыте, внутреннем психологическом опыте. Не явные, не очевидные.
Обоснованность	Научный характер, подвержены предсказуемости, рассчитываемая вариативность.	Личностная и групповая убежденность, вера, толкование предзнаменований и примет, историческая память.
Результат	Просчитываемый на определенный горизонт времени.	Плохо просчитываемый в количественном и качественном отношении, но вызывающий безотчетное доверие со стороны общества.
Особенность	Объективный	Субъективный, чувствование и превращение объективности в субъективность через герменевтические процедуры.
Принцип	«Невозможное — невозможно»	«И невозможное бывает возможным»

Отметим, что работа в поисках истины, которая в художественных текстах всегда (или почти всегда) субъективна, несет в себе печать времени, культуры и, по сути своей, не является объективной в том смысле, который в это понятие вкладывают демографы-исследователи.

Говоря в ретроспективе о XX веке, необходимо отметить, что, пожалуй, самым значительным произведением в дореволюционной России, в котором отражен демографический процесс, является роман «Петербург» крупнейшего русского символиста Андрея Белого, написанный им еще в 1911 году. В романе говорится о том, что злые апокалиптические силы ждут возможности поглотить Петербург. Сама природа, стихийные темные пролетарские массы, революция и дионисийский разгул — все они угрожают смести столицу Российской империи в бурные воды Невы. Но самую большую опасность все же представляет Азия, Восток, чьи многочисленные орды разорили Россию семью веками раньше и вот они снова стоят в полной готовности выступить в новый поход. Глубокое предчувствие опасности автором проявилось в форме атавистического страха перед новым татарским Армагеддоном. И неважно какой это был страх — реальный или воображаемый, а может быть мнимый. Тем более, что ситуацию усугубила военная катастрофа и поражение России в русско-японской войне

в 1905 году, в ходе которой страна потеряла свои позиции в Тихоокеанском регионе. Это событие и стало грозным предвестником еще более смутных времен, бесчисленных воздействий и влияний, которые витали перед умственным взором российского общества. В умах людей укоренилось смятение и от пережитого и от зловещего многолюдного Востока. Прислушаемся к словам автора, которые были высказаны с предельной ясностью: «Если б там, за зеркальным подъездом, стремительно просверкала бы тяжкоглавая булава, верно б, верно бы здесь не летали б холеры и тифы: не волновался б Китай; и не пал Порт-Артур; приамурский наш край не наводнялся бы косами; всадники Чингиз-хана не восстали бы из своих многосотлетних гробов. Но послушай, прислушайся: топоты ... Топоты из зауральских степей. Приближаются топоты. Это железные всадники» [1, 504]. Именно по этой причине роман Андрея Белого с его азиатской мифологемой (Азия — это опасный враг), представляет собой отправную точку для изучения демографических событий, изложенных в художественной форме. Однако, целесообразно привести высказывание известного канадского историка Дэвида Схиммельпеннинка ван дер Ойе, который говорит: «До 1895 г. подавляющее большинство русских просто не видели никакой угрозы со стороны Восточной Азии» [10, 148].

Совершенно иной взгляд обосновывает другой русский поэт — символист Александр Блок, который в январе 1918 года написал протоевразийский поэтический манифест «Скифы» [2, 253]:

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.

Попробуйте, сразитесь с нами!

Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,

С раскосыми и жадными очами!

(А. Блок, «Скифы»)

Напротив, в поэме А. Блока, его евразийской концепции, подчеркивается важнейшая мысль — Азия — это мы, формула, которая всегда служила весомым аргументом в межгосударственных отношениях. Но в творчестве Александра Блока, высказанная им идея, выступила в качестве иллюзии неограниченных возможностей страны. Тем временем могущественная стовосьмидесятимиллионная Российская империя, занимавшая одну шестую часть суши и включавшая в себя более двухсот наций и народов, перед многолюдием которой трепетал любой враг и которая в силу данного обстоятельства претендовала на защиту своих интересов все больше превращалась в крупнейшего «игрока» на мировой арене (что впрочем не мешало империи рассыпаться как картонный домик). Уже один этот факт — многолюдия, в поэме выражен автором в чувстве национальной гордости, т. е. Германия не могла надеяться на успешное противостояние с Российской империей. Бесспорно высокие темпы демографического роста Российской империи заставили рассматривать ее как потенциального гегемона, следовательно, они не могли не вызывать естественных опасений со стороны соседних государств. Время было важнейшим фактором развития России, именно в нем был ключ к решающей роли российского государства.

Но вернемся к творчеству И. Бродского. Надо отдать ему должное, Бродский был чуток к атмосфере эпохи, и в некотором смысле был представителем своего времени. Его стихи представляют демографическую модель (картину) мира, в которой опосредованно (имплицитно) говорится о том, что тот, кто не берет под свой контроль демографические процессы, тот не может справиться с конфликтами, получает их себе в противники, что затрудняет разрешение конфликтов мирным путем. Напомним, что «конфликт — это контакт, наполненный агрессией» [3, 100]. В силу этого мировое сообщество продолжает оставаться уязвимым перед фактом роста народонаселения со всеми его последствиями.

Демографическую картину мира Бродского ни в коем случае нельзя рассматривать как некую завершенную концепцию (например, как «Азия самая большая угроза для мира»), а тем более идеологический текст. Самой большой ошибкой будет попытка придать поэзии Бродского некую формулу или концепцию. Скорее всего — это высказанное личное впечатление, наблюдение и поэтическое видение автора, символ некой несвободы человека, то есть фактического наличия препятствий для его деятельности, которая, по мнению индивида, не ведет к удовлетворению им своих

потребностей. Как известно, чем больше удовлетворенных потребностей, тем больше у индивида свободы. Одновременно — это несвобода физическая и психическая, порождающая у человека несоответствия, противоречия и конфликты, состояние возбуждения, множество других проблем, в том числе и те, которые вызывают необходимость в миграции как способе от них избавиться. Сегодня миграция, которая выражает дестабилизацию демографической системы, все больше превращается в актуальную реальность, под влиянием которой современному миру, европейскому сообществу в особенности, придется неизбежно перестраиваться с неясными пока результатами. Очевидно, что дестабилизация демографической системы неизбежно ведет к социальной эрозии, т. е. разрушению системы через ее системообразующие элементы, как, например, ценность деторождения и т. д.

Типичной ситуацией, порождаемой демографическим ростом, становится невозможность обеспечить социуму, отдельному человеку непрерывность жизни «здесь и теперь», ибо непрерывность жизни в данный момент важнее ее непрерывности в любой последующий. Позиция автора вполне отчетливо выражена в его словах [4, 131–132]:

Человечество увеличивается в три раза.

В опасности белая раса.

Неизбежно смертоубийство.

Либо нас перережут цветные.

Либо мы их сошлем в иные миры. ...

Цветные нас, бесспорно, прижали.

(Речь о пролитом молоке, 1967)

Однако, попытаемся оспорить убедительные аспекты его высказываний. Демографический рост, отмеченный в словах Бродского, не имеет ничего общего с кризисом, который бы превращал социум в нежизнеспособную систему, не способную развиваться и обеспечивать благосостояние населения. Сам по себе демографический рост не ведет фатально к кризису, а лишь создает для него предпосылки, только возможность, которая станет реальностью в силу определенных особых обстоятельств — экономических, политических, интеграционных трудностей и др.

В этом случае единственной альтернативой самоистреблению человечества оставалось христианское требование вселенской любви, которое выражено в его словах [4, 132]:

Но не мы их на свет рожали,

Не нам предавать их смерти.

(Речь о пролитом молоке, 1967)

Бродский полагал, что проблема демографического неравенства, которая отражает критический характер переживаемого времени, может быть решена, хотя пока это не более чем мыслимая возможность, предположение. Трудно сказать, найдет ли человечество разумное решение вопроса. Однозначного ответа здесь быть не может, и тем не менее [4, 132]:

Важно многим создать удобства.

(Это можно найти у Гоббса.)

(Речь о пролитом молоке, 1967)

Однако, на наш взгляд, такая перспектива маловероятна. Известный социолог Э. Гидденс обращает внимание на то, что «при современной численности населения общих ресурсов может уже оказаться недостаточно ...» [7, 527]. Напротив, С. П. Капица утверждает: «... современное производство продуктов питания уже превышает потребности мира. Проблема питания состоит не в ограниченности ресурсов, а в неспособности распределять ресурсы ...» [8, 118]. Следовательно, доступность ресурсов, в том числе материальных, не является больше проблемой современности.

Бесспорно, что источником его идей, образов, эмоций была действительность, общемировые тенденции развития, соприкосновение с которыми питало воображение поэта. У Бродского было предчувствие демографического апокалипсиса, что позволяет говорить о том, что современный человек испытывает шок не только от настоящего или прошлого, но и от будущего. Картина, представленная поэтом, пропитана мрачностью и безысходностью. Верил ли сам поэт в истинность этой картины? По-видимому, да, так как он сумел осмыслить происходящее в том его значении, которое выявляет себя в сознании индивида, общества. Во всяком случае, элементы и общая схема глобального наступления и неуклонного расширения влияния демографических процессов на жизнь общества неукоснительно им повторяются во многих текстах, что нашло отражение в стихотворении «Сидя в тени» [4, 427]:

*Дело столь многих рук
гибнет не от меча,
но от дешевых брюк,
скинутых сгоряча.
Будущее черно,
но от людей, а не
от того, что оно
черным кажется мне.*

(«Сидя в тени», июнь 1983)

В нем выражена неизбежность мировой трагедии, которая заключается в биологической способности человечества как вида к непрерывному размножению. Людей слишком много и становится все больше. Как известно, толпа и стадный натиск масс всегда враждебны частному человеку. Но сколько бы мала ни была научная ценность этого произведения Бродского, самый факт его появления был знаменателен, так как в нем отразился дух времени. Сознание поэта улавливало рост человечества с почти болезненной остротой. Он был убежден, что мир сложнее, чем это представляется логически организованному сознанию. Рост человечества, если и упоминается в его поэзии, то лишь в качестве повода для размышления, чувств и неясного ощущения, отсюда его слова [5, 275–276]:

*В грядущем население,
бесспорно, увеличится. Пеон
как прежде будет взмахивать мотыгой
под жарким солнцем. Человек в очках
листать в кофейне будет с грустью Маркса.*

(«Заметка для энциклопедии», 1975)

Поэтому для того, чтобы преодолеть несвободу и недуги эпохи, сохранить идею частной жизни, следует отгородиться от мира «высоченной дамбой» [5, 354]. Очевидно, что это положение пока остается только теорией, которая не годится для практики. В стихотворении «Пророчество» говорится:

*Мы будем жить с тобой на берегу,
отгородившись высоченной дамбой
от континента, в небольшом кругу,
сооруженном самодельной лампой.*

(«Пророчество», 1965)

Вдумчивость и несклонность к поспешным суждениям проявилась в том, что в 1990 году И. Бродский произнес слова, которые со временем станут пророческими: «Наш мир становится вполне языческим. И я задумываюсь, а не приведет ли это язычество к столкновению — я страшно этого опасаясь, — к крайне жесткому религиозному столкновению ... между исламским миром и миром, у которого о христианстве остались лишь смутные воспоминания. Христианский мир не сможет себя защитить, а исламский будет давить на него всерьез. Объясняется это простым соотношением численности населения, чисто демографически. И для меня такое столкновение видится вполне реальным. ... Это будущее, раздираемое конфликтом духа терпимости с духом нетерпимости» между которыми не удастся сократить разрыв.

Текстологические работы Белого, Блока и Бродского, ориентированные на скрытые (неснятые) напряжения, стали предупреждением просвещенному миру с его безрассудством и самоуверенностью. К тому же — вряд ли идеи, высказанные авторами были уникальны, и тем не менее объективно изучить их — это крайне трудная задача, так как они предполагают постоянное внимание к недосказанному.

Важно не упускать из виду, что данная работа подчеркивает тщетность попыток свести демографическое неравенство к предстоящей борьбе цивилизаций, мира христианства и ислама, между которыми пролегла непроходимая пропасть вражды и взаимной ненависти. Установление взаимосвязи между ростом народонаселения и религиозным столкновением представляют сложную задачу. Тем более, что каких-либо доказательств того, что сами авторы верили в предстоящее столкновение цивилизаций нет. С другой стороны, их беспокойство оказалось вполне обоснованным по причине роста религиозного фанатизма и экстремизма, что позволяет говорить о том, что борьба народов христианских против нехристианских только начинается. Рассчитывать на идеальное благоразумие сторон означает подвергать современный мир испытаниям на прочность. Полумеры далеко не идеальное решение вопроса, нужен компромисс с учетом общего блага, намерений и общих интересов.

Подводя итог, необходимо отметить следующее обстоятельство — художественное творчество А. Белого, А. Блока и И. Бродского (они, право, были не одиноки

в своих воззрениях) заложило важнейший неучтенный принцип демографической политики — это, прежде всего, изучение высказанных предположений и идей писателей, поэтов, заявленных публично без намерения с их стороны претендовать на какое-либо научное объяснение сложных социальных процессов, с целью упростить или даже указать тот или иной вектор, выбор развития со стороны общества. Надеемся, что в той или степени взгляды художников будут занимать важное место в интеллектуальной жизни общества. Во-вторых, вновь было поставлено под сомнение утверждение, что этот мир Провидение предназначило в пользование белому европейцу, который более не в состоянии сохранять свое господствующее

положение. Основная проблема недалекого будущего будет связана с решением вопроса о том, кому достанется территория со всеми вытекающими отсюда последствиями, связанной с ситуацией гипермиграции, глобального перемешивания миров (народов) и культур и, как следствие, неизбежностью выпадения участников движений из системы ценностей, дающих человеку определенную культурную ориентацию. В-третьих, ситуация осложняется как отсутствием какой-либо ясной концепции того, какими должны быть цели и направления современной демографической политики, так и ущемлением интересов государств, их неготовностью к переменам, сопровождающих демографические изменения.

Список литературы:

1. Белый А. Поэзия. Петербург/Сост., предисл. и коммент. А. В. Лаврова; худож. В. В. Медведев. – М.: Слово/Slovo, 2000.
2. Блок А. А. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 2. – Л.: Худож. лит., 1980.
3. Бондырева С. К. Миграция (сущность и явление)/С. К. Бондырева, Д. В. Колесов. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2004.
4. Бродский И. Перемена Империи: Стихотворения (1960–1996). – М.: Издательство Независимая Газета, 2001.
5. Бродский И. Сочинения. Эссе. 2-е изд. – Екатеринбург: У-Фактория, 2003.
6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем./Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988.
7. Гидденс Э. Социология/При участии К. Бердсола: Пер. с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005.
8. Капица С. Парадоксы роста: Законы глобального развития человечества/Сергей Капица. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Альпина нонфикшн, 2012.
9. Ковалев Ю. В. Эдгар Аллан По. Новеллист и поэт: Монография. – Л.: Худож. лит., 1984.
10. Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией/Авторизованный пер. с англ. Н. Мишаковой. – М.: Новое литературное обозрение, 2009.
11. Чашегорова Н. А. Ценностный аспект интуитивного познания/Новые идеи в аксиологии и анализе ценностного сознания: Коллективная монография. Вып. 4. – Екатеринбург: УрО РАН, 2007.
12. Чашегорова Н. А. Становление интуитивизма в истории западноевропейской и русской философии: научная монография/Н. А. Чашегорова; науч. ред. Ю. И. Мирошников; Урал. гос. горный университет. – Екатеринбург: Изд-во УГТУ, 2013.

Section 2. History and archaeology

*Gaidin Sergey Tikhonovich,
Krasnoyarsk State Agrarian University,
Dr., Professor of Department of History and Political Science
E-mail: gaydinsergey@rambler.ru
Burmakina Galina Aleksandrovna,
Krasnoyarsk State Agrarian University,
PhD (history), associate Professor of Department
of Psychology, Pedagogy and Human Ecology
E-mail: burmakinagalina@rambler.ru*

The history of regulation of the use of wildlife resources in the Yenisei Province in pre-soviet period

Abstract: The article analyses the process of realizing the need for sustainable use of renewable natural resources in Yenisei province in pre-Soviet period and focuses on methods applied.

Keywords: Yenisei Province, the use of hunting and fishing resources, impacts on the environment, the conservation of fisheries resources.

*Гайдин Сергей Тихонович,
Красноярский государственный аграрный университет,
д-р ист. наук, профессор кафедры истории и политологии
E-mail: gaydinsergey@rambler.ru
Бурмакина Галина Александровна,
Красноярский государственный аграрный университет,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
психологии, педагогики и экологии человека
E-mail: burmakinagalina@rambler.ru*

К истории регулирования использования ресурсов живой природы в Енисейской губернии в досоветский период

Аннотация: В статье рассмотрено как в Енисейской губернии в досоветский период происходило осознание необходимости рационального использования возобновляемых природных ресурсов, и какие способы решения проблемы применялись.

Ключевые слова: Енисейская губерния, использование охотничьих и рыбных ресурсов, факторы воздействия на окружающую среду, меры по сохранению промысловых ресурсов.

Сегодня при решении глобальных экологических проблем применяется принцип: «Мысли глобально, но действуй локально». Однако осознание глобальности этих проблем проходило в течение длительного времени именно на локальном уровне. Мы попытались выяснить как на территории Енисейской губернии, образованной в 1822 г., в досоветский период формировалось осознание того, что хозяйственная деятельность в существовавших тогда формах наносит ущерб окружающей среде.

Ценным источником по этой проблеме является книга первого губернатора новообразованной губернии

А. П. Степанова, в которой он показал отношение разных категорий населения к использованию природных ресурсов губернии. Губернатор заявил, что уничтожение жителями Красноярска хвойной рощи на левом берегу Енисея привело к эрозии почвы и наступлению песков на город [1, 60]. Он запретил дальнейшее уничтожение природного лесного массива и превратил его часть в городской парк.

Однако взгляды губернатора были небезупречными с точки зрения сегодняшних представлений об отношении к природной среде. Например, он считал, что протекающую

через город речку Качу необходимо было использовать в качестве коллектора для очистки города от мусора, который нужно было сбрасывать в ее воды [1, 56].

Анализируя хозяйственную деятельность и образ жизни различных категорий населения губернии, А. П. Степанов считал, что северные охотники и рыболовы, южные кочевники-скотоводы выработали оптимальную для своего времени и своего образа жизни модель использования ресурсов живой природы, как основы их собственного благополучия на длительную перспективу.

Но для крестьян-переселенцев, в отличие от коренных жителей региона, было характерно потребительское отношение к лесам. Они выжигали лесные массивы для освобождения земли под пашню, нисколько не заботясь о том, где остановится огонь. В результате вокруг населенных пунктов выгорали огромные пространства тайги, что сопровождалось понижением уровня подпочвенных вод и истощением водных источников [1, 93].

Такое поведение переселенцы из европейской части страны не считали предосудительным, так как они воспринимали тайгу как нечто враждебное, населенное хищными зверями и бесчисленным количеством кровососущих насекомых. Лесные пожары позволяли им отодвигать тайгу от своего жилья. Но к началу XX в. леса возле большинства населенных пунктов уже были истреблены, и за строительным лесом приходилось ездить в дальние урочища.

Крестьяне пренебрегали мелкой, по их мнению, добычей, такой как бекасы, куропатки, рябчики, тетерева, а также выловом ершей, окуней и шук. Не удивительно, что при обилии пушных зверей, диких животных, промысловых птиц и рыб жители могли себе позволить добывать, прежде всего, крупных по размеру птиц и рыб. Подобным образом поступали и коренные жители Туруханского края, которые ловили налимов и брали в качестве деликатеса только печень и молоки. После этого оставались холмы из брошенной рыбы [1, 96]. Такое потребительское отношение к природным ресурсам могло объясняться их обилием при относительной малочисленности населения губернии.

Губернатора беспокоило начало проникновения рыночных отношений в сферу использования ресурсов живой природы. Они подталкивали охотников на увеличение любой ценой добычи особо ценных пушных зверей, таких как соболя и бобры, популяции которых начинали сокращаться. На выбор охотничьих предпочтений и способов охоты в 20-е гг. XIX в., к сожалению, стало влиять модные увлечения состоятельных слоев населения империи. Мода на использование лебяжьего пуха и изготовление одеял из выделанных шкурок лебяжьих зобов, привела к распространению охоты на гусей и лебедей в Туруханском крае. Птиц неспособных летать во время линьки, загоняли в рыболовные сети и добывали палками. В одну сеть могло набиваться до пятисот птиц [1, 95]. Причем истребление гусей и лебедей в губернии постоянно увеличивались. В начале 90-х гг. XIX в. охотники ежегодно продавали купцам примерно 500 кг. перьев и 800 кг. пуха [посчитано по 2, 181].

Губернатор надеялся на то, что истребление пушных зверей и птиц прекратится после того, как представители коренных народностей перейдут с кочевого на оседлый образ жизни и станут заниматься хлебопашеством [1, 79–80].

Но со временем, по мере роста потребностей предпринимателей и населения в продукции охотничьего и рыболовного промысла, в губернии наблюдалось нарастание потребительского отношения к природным ресурсам. Окружной врач М. Ф. Кривошапкин, работавший в г. Енисейске в 50-х – начале 60-х гг. XIX в., считал крайне опасным использование жителями сильнодействующих ядов для добычи зверей и рыбы. При охоте на пушных зверей они использовали сулему и чилибуху, в рыбном промысле они применяли табак, дурман, чилибуху и куклеванец, который смешивали с тестом или хлебом и разбрасывали в заливах. Рыба, проглотившая приманку, вскоре всплывала на поверхность и ее отлавливали сачками для собственного потребления и продажи [3: 23, 68].

В качестве другой причины уменьшения рыбных запасов, он назвал загрязнение вод навозом, стоками от скотобоен, мыловаренных и салотопенных предприятий. Стоки накапливались в болотах на северо-западе Енисейска и весной с вешними водами смывалось в Енисей. Рыба от этого болела, покрывалась черными пятнами и погибала [3, 174].

Со временем пагубные последствия такого загрязнения становились все более очевидными. Так в начале XX в. в местных печатных изданиях обсуждалась проблема загрязнения реки Чулыма навозом, которая вела не только гибели рыбы, но и влияла на здоровье людей, проживавших на берегах этой реки.

Дело в том, что домашний скот выедал траву возле населенных пунктов, расположенных на одном из берегов реки. Поэтому после ледостава его начинали гонять по льду на другой берег, где он пасся до выпадения глубоких снегов. Чтобы скот не травмировался на ледяной поверхности, жители сел делали для него «дороги» из навоза, который они вывозили на лед. Весной они превращались в навозную жижу и стекали в воду. В результате вода Чулыма долго была непригодной для питья и продовольственных нужд. Рыба в такой воде задыхалась, болела, гибла или плохо развивалась [4, 5–6].

Но как показала практика, неоднократные обращения разных лиц к населению с просьбой отказаться от использования навоза для перегона скота через реку не возымели воздействия, так как, в противном случае, владельцам скота пришлось бы тратить больше средств его содержание в стойловый период. Таким образом, тогдашние экономические интересы населения превалировали над его еще неосознанной экологической ответственностью.

Следует подчеркнуть, что жители губернии, в критические для себя моменты, смотрели на реки как возможность избавиться от источника своих проблем. Например, во время чумы крупного рогатого скота в 1885, 1886 и 1887 гг., они сбрасывали туши павших животных в Енисей. Это не только приводило к загрязнению реки, но

и сопровождалось распространением чумы скота ниже по его течению [5, 276].

Но если перечисленные формы загрязнения окружающей среды, влиявшей на состояние ресурсов дикой природы, население рассматривало как неизбежные последствия традиционной хозяйственной деятельности, то появление новых факторов отрицательного воздействия оно воспринимало с растущей обеспокоенностью.

Так начало добычи золота в 30-е гг. в Енисейской губернии заставило представителей губернской администрации и общественности говорить о негативном воздействии золотых приисков на природу и состояние пушного промысла. М. Ф. Кривошапкин писал, что в поисках золота в тайгу пришло много народа, началась вырубка лесов и уничтожение их пожарами, из-за чего ценные пушные звери стали уходить вглубь тайги, а к приискам потянулись волки, медведи и другие хищные звери, привлекаемые запахом падали [3, 23].

Окружные исправники после начала добычи золота в губернии, писали в своих ежегодных отчетах, что главными причинами сокращения численности пушных зверей во вверенных им округах, является растущее воздействие приисков и, связанное с этим, распространение лесных пожаров. Об этом в 1880, 1884 и 1888 гг. докладывал в губернскую администрацию Енисейский окружной исправник [6]. Об оскудении фауны из-за пожаров 1884 и 1891 гг. писал Ачинский окружной исправник [7].

После начала эксплуатации в первой половине 60-х гг. XIX в. пароходов на Енисее, в губернии стали раздаваться обвинения по поводу их негативного воздействия на состояние рыбных запасов. Туруханский отдельный пристав утверждал, что пароходы разбивают потоки идущей на нерест рыбы и она не находит традиционных мест своего нереста в притоках Енисея [8]. В 1886 г. он обвинил владельцев пароходов в том, что они в погоне за прибылью, не заботятся о сохранении запасов промысловых пород рыбы [9].

В конце XIX в. на страницах научных и публицистических изданий России, развернулись дискуссии по поводу влияния судоходства на качество воды в реках и на состояние рыбных запасов. Причем нередко продвижение той или иной точки зрения, оплачивали конкурирующие друг с другом рыбопромышленники и судовладельцы [10, 13–14]. Предприниматель и краевед, хорошо знавший данные о добыче рыбы в Енисейской губернии Н. В. Латкин, считал недостаточно обоснованными утверждения об отрицательном воздействии пароходов на рыбные ресурсы Енисея [2, 176]. Рыбопромышленник А. И. Кытманов, следивший за этой дискуссией, писал, что проблемы, создают не пароходы, а отсутствие научных представлений о богатствах Енисея и других рек. Он считал, что нужно безотлагательно начинать серьезное изучение Енисея и его ресурсов [11, 48]. С этим его мнением трудно не согласиться, хотя оно и не отражало всей сложности существующей проблемы.

Разные авторы называли и другие причины сокращения рыбных запасов в губернии. Так исправник Усинского

округа в отчете за 1886 г. в качестве такой причины назвал действия рыбопромышленников, которые перекрывали устья рек ради вылова идущей на нерест рыбы [12].

Специалисты в области рыбного промысла В. Исаченко и С. Лавров в начале XX в. писали, что использование мелководных неводов на лове омуля, муксуна, чира и сига давало рыбакам текущую выгоду, но подрывало способность ценных рыб к воспроизводству из-за вылова большого количества неполовозрелых особей [13, 15].

Начало работ по прокладке Сибирской железной дороги и рост транспортной доступности магистральных районов Енисейской губернии, по утверждению некоторых специалистов, привели к сокращению численности охотничьих зверей в этой зоне [14, 14–15].

Интересно, что первыми стали выражать озабоченность по поводу негативного воздействия представлений и действий разных категорий населения на состояние ресурсов дикой природы представители губернской администрации и интеллигенции. Там, где само население осознавало ущерб для себя от сокращения ресурсов живой природы, оно самостоятельно принимало защитные меры. Например, они запрещали жителям других населенных пунктов ловить рыбу возле своей деревни. Если они и допускались, то только за плату, причем, местные жители следили за тем, чтобы пришедшие не вылавливали слишком много рыбы [2, 168–172].

В северных станках и селах во время массового хода рыбы сами жители распределяли рыбные места и устанавливали квоты на количество снастей, которые могла использовать каждая семья [11: 2–3, 48–50].

В Приангарье, где плохо росли зерновые и роль рыбы в питании населения была очень высокой, существовала строжайшая регламентация добычи осетров и стерляди. Жители каждого населенного пункта имели право рыбачить в строго оговоренное время и только в тех местах, которые были им выделены. Волостная администрация фактически брала на себя руководство выловом рыбы на зимовальных ямах, не допуская ее перепромысла [15, 47–59].

Вышеназванные действия, в большинстве случаев, осознавались населением не столько как способ рационального использования рыбных ресурсов, сколько как способ их добычи с учетом социальной справедливости. Однако объективно они выполняли природоохранную функцию.

Вместе с тем нужно признать, что представители губернской администрации на рубеже XIX–XX вв. начинали осознавать необходимость принятия мер по сохранению популяций ценных пушных зверей и, в первую очередь, соболя. К этому времени он уже исчез в Ачинском округе, а в Красноярском округе добывались единичные экземпляры этого пушного зверька. В Минусинском и Ачинском уездах в уловах почти перестали попадаться осетровые породы рыб [16].

Многие специалисты и, в частности, Н. В. Латкин, выступали за необходимость законодательного

регулирования сроков охоты на соболя [2, 182]. Проблема была настолько очевидной, что Иркутский генерал-губернатор, отвечавший за положение дел в Восточной Сибири, в 1910 г. вынужден был утвердить проект правил об охоте на зверя и птицу в казенных лесах Енисейской губернии. Этот документ предусматривал регламентацию сроков охоты и использования орудий лова. В нем были предусмотрены различные виды воздействия на браконьеров, вплоть до лишения их права на охоту [17, 317–318]. Позже генерал-губернатором было принято специальное решение о запрете охоты на диких коз по насту [18, 199–200].

В июле 1914 г. губернское Управление земледелия и государственных имуществ вынуждено было обратиться в Министерство земледелия с обоснованием необходимости создания в Канском уезде специального заповедника «Саянский» для сохранения популяции соболя [19]. Министерство приняло положительное решение. Это был первый в России соболиный заповедник.

Государство также вынуждено было принимать меры по регулированию рыбной промышленности. В 1908 г. Иркутским генерал-губернатором были утверждены «Временные правила для рыболовства в низовья Енисея». В них были определены правила использования разных

орудий лова, механизмы распределения рыбных угодий между представителями коренного населения и предпринимателями и запреты на использование технологий, подрывающих способность промысловых пород рыб к воспроизводству [20, 59–64]. Это стало первыми шагами по оформлению в сибирском регионе государственной экологической политики.

Таким образом, по мере увеличения пришлого населения, проникновения в охотничий и рыболовный промыслы рыночных отношений, появления золотой промышленности, пароходов и железнодорожного транспорта, в Енисейской губернии постепенно стала осознаваться необходимость принятия мер по защите, используемых населением ресурсов дикой природы. Большинство населения воспринимало эту необходимость через осознание угрозы своим экономическим интересам. Однако при определении приоритетов, оно, как правило, делало выбор в пользу текущих экономических интересов, чреватых дальнейшим подрывом воспроизводственных особенностей дикой природы. Только зависимость подавляющего большинства компактно проживающего населения от тех или иных ресурсов, побуждала к совместному поиску сочетания экономических и экологических интересов.

Список литературы:

1. Степанов А. П. Енисейская губерния. – Красноярск: «Горница», 1997. – 223 с.
2. Латкин Н. В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. – СПб.: Тип. В. А. Тиханова, 1892. – 468 с.
3. Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. Т. 1–2. – СПб.: тип. В. Безобразова, 1865. – 378 с.
4. Итыгин Г. К вопросу о безрыбье в реке Чулым // Сибирская деревня. – 1914. – № 12.
5. Памятная книжка Енисейской губернии на 1889 год / Енисейский губернский статистический комитет. – Красноярск: Енис. губ. тип., 1889. – 372 с.
6. ГАКК. (Государственный архив Красноярского края) Ф. 31. (Фонд Енисейского губернского статистического комитета) Оп. 1., Д. 13., Л. 446; Д. 57., Л. 280; Д. 115., Л. 65.
7. ГАКК. Ф. 31., Оп. 1., Д. 57., Л. 167; Д. 145., Л. 9.
8. ГАКК. Ф. 31., Оп. 1., Д. 57., Л. 447.
9. ГАКК. Ф. 31., Оп. 1., Д. 57., Л. 61.
10. Никольский А. М. К вопросу о влиянии нефти на рыб // Труды Общества судоходства. – СПб.: тип. Исидора Гольдберга, 1898. – С. 13–14.
11. Кытманов А. И. О рыболовстве по р. Енисею (от Енисейска до Гольчихи). – Красноярск: Отдельный оттиск из журнала «Русское судоходство» № 192, 1898. – 49 с.
12. ГАКК. Ф. 31., Оп. 1., Д. 83., Л. 29.
13. Материалы по исследованию Енисея в рыбопромысловом отношении. Вып. 5. Орудия и способы лова / сост. В. Исаченко. – Красноярск: тип. М. И. Абалакова, 1911. – 31 с.
14. Силантьев А. А. Охотничье хозяйство в России // Охота и охотничье хозяйство. – 2000. – № 11.
15. Макаренко А. А. Промысел красной рыбы на р. Ангаре. – СПб.: тип. Т-ва художественных выставок, 1902. – 61 с.
16. ГАКК. Ф. 31., Оп. 1., Д. 145., Л. 24, 26.
17. Памятная книжка Енисейской губернии на 1911 год / Енисейский губернский статистический комитет. – Красноярск: Енис. губ. тип., 1911. – 445 с.
18. Памятная книжка Енисейской губернии на 1913 год / Енисейский губернский статистический комитет. – Красноярск: Енис. губ. тип., 1913. – 229 с.
19. ГАКК. Ф. 401. (Фонд Управления земледелия и государственных имуществ) Оп. 1., Д. 28., Л. 1.
20. Материалы по исследованию Енисея в рыбопромысловом отношении. Вып. 1. Предварительный отчет по исследованиям 1908 года (Низовья р. Енисея и Енисейский залив) / сост. В. Исаченко, С. Лавров. – Красноярск: тип. М. И. Абалакова, 1908. – 64 с.

*Deordieva Anzhela Nikolaevna,
Southern Federal University, associate Professor
E-mail: a.deordieva@mail.ru*

Socio cultural portrait of members of cadet organizations of Don region during the First world war

Abstract: the article presents the analysis of the cadet organizations of the don region during the First World War. Quantitative, social, national and professional composition of the don cadet organizations — all of these varied aspects of regional history of the constitutional democratic party are going to be discussed in this article.

Keywords: Don cadet organizations, First World War, the personal and social structure, the regional history of the Constitutional Democratic Party.

*Деордиева Анжела Николаевна,
Южный Федеральный университет, доцент
E-mail: a.deordieva@mail.ru*

Социокультурный портрет членов кадетских организаций Дона в годы Первой мировой войны

Аннотация: В статье дается анализ кадетских организаций Дона в годы Первой мировой войны. Количественный, социальный, национальный и профессиональный состав донских кадетских организаций — все эти разнообразные аспекты региональной истории конституционно-демократической партии находятся в центре внимания данной статьи.

Ключевые слова: кадетских организаций Дона, Первая мировая война, персональный и социальный состав, региональная истории конституционно-демократической партии.

Процесс возникновения кадетских организаций на Дону относится к периоду первой русской революции. Он имел место в основном в городах Новочеркасске, Таганроге, Ростове и Нахичевани. В этот период численность донских кадетов составляла 2550 человек. Наиболее крупными организациями были Ростово-Нахичеванский комитет с численностью 1300 человек и Новочеркасский комитет – 1000 человек. Ростово-Нахичеванская и Новочеркасская организации входили в десятку крупнейших городских организаций партии кадетов России. Существовали организации и в станицах, но они были немногочисленны [1, 12].

С установлением в России третьиюнского политического режима кадетские организации на Дону вступают в полосу организационного кризиса. Численность донских кадетов в этот период сократилась с 2550 до 60 человек. К 1908 г. партийный комитет существовал лишь в Новочеркасске и насчитывал 15 человек.

С 1912 г. наблюдается некоторое оживление деятельности донских кадетов. К этому времени их численность достигла 100 человек. Возросло количество партийных организаций. Помимо Новочеркасского приступили к работе комитеты в Ростове и Таганроге [2, 15].

С началом Первой мировой войны активность донских кадетов значительно возрастает. Об этом свидетельствует циркуляр Департамента полиции от 31 октября 1914 г., в котором говорилось о «необходимости усиления наблюдения за членами партии народной свободы, так

как партия проявляет исключительную по своей энергии деятельность» [3, 10].

В годы Первой мировой войны в Донской области действовали четыре городских организаций — Новочеркасская, Ростовская, Нахичеванская, Таганрогская, существовали представители партии в ряде станиц.

Новочеркасская организация имела статус областной. В Новочеркасске к началу войны функционировал комитет в количестве 10–15 человек. Он поддерживал регулярные связи с центром, особенно через кадетов членов Государственной думы [4, 8].

Выявленные нами агентурные сведения позволили получить данные о персональном и социальном составе наиболее активных членов партии народной свободы в Области войска Донского.

Среди членов Новочеркасского комитета выделялись: председатель комитета А.И. Петровский — казак, присяжный поверенный, бывший член II Государственной думы; В.А. Харламов — казак, преподаватель, общественный деятель, бывший член I, II, III Дум и действующей IV Думы; С.П. Черевков — казак, сотрудник газеты «Донская жизнь», редактор газеты «Ростовская речь»; Н.А. Захарьев — почетный мировой судья Черкасского округа; М.И. Карпов — врач Новочеркасской женской больницы, И.И. Запорожцев — почетный мировой судья, председатель Новочеркасского военно-промышленного комитета.

В состав Ростовского комитета входили такие видные представители партии как А.В. Скуба и В.Ф. Зеелер —

присяжные поверенные; В. В. Асмолов — почетный мировой судья, видный предприниматель; А. И. Панченко — председатель правления Ростовского купеческого общества взаимного кредита; Т. М. Романченко — председатель «Народного университета», В. В. Акимов почетный гражданин, член Ростовского биржевого комитета.

Ядро Нахичеванского комитета составляли: М. С. Аджемов — депутат II–IV Государственных дум, член ЦК конституционно-демократической партии, член юридического совещания, созданного в марте 1917 г. П. Н. Милуков называл его одним из наиболее видных представителей армянской интеллигенции [5, 60]; А. С. Городисский и А. С. Дерезанов — присяжные поверенные, А. С. Кечек — старший врач Нахичеванской Мариинской больницы.

Членами Таганрогской организации были: председатель А. С. Безчинский — присяжный поверенный, председатель финансового отдела Таганрогского военно-промышленного комитета; М. П. Араканцев — присяжный поверенный, член I и II Государственных дум, председатель технического отдела Таганрогского военно-промышленного комитета; В. В. Добротворский — товарищ директора Таганрогского городского общественного банка; А. Н. Говберг — секретарь Таганрогской городской управы; А. П. Баландин — священник, преподаватель законоучения Таганрогской мужской гимназии; И. Я. и А. Я. Шамковичи — оба врачи и др.

В донесении Донского областного жандармского управления подчеркивалось, что «члены Таганрогского комитета партии народной свободы занимают руководящие посты в местных Всероссийском Земском союзе, Всероссийском союзе городов и военно-промышленном комитете, а также в других общественных организациях» [6, 162].

Следует отметить, что кадетское влияние довольно широко распространялось в среде национально-религиозных меньшинств ОВД. Хотя абсолютное большинство населения Донской области составляли русские (95,2 %), в крупных неказачьих городах (Ростов, Нахичевань, Таганрог) проживало немало представителей иных национальностей: армян, евреев, немцев, поляков, греков и др. Своим многонациональным составом особенно отличались Ростов и Нахичевань. Ростов за его этническую пестроту называли Вавилоном [7, 179].

Особенно активно поддерживали кадетов представители национальной интеллигенции, городской средней и мелкой буржуазии, служащие армянского и еврейского происхождения. Так, политической активностью отличались кадеты: М. С. Аджемов, А. С. Дерезанов, Д. Е. Ходжаев, Г. Х. Чалхушьян, М. И. и Р. И. Берберовы, А. З. Городисский, В. Ф. Зеелер, А. С. Безчинский, Ю. Блейман, К. В. Вейсбрем, М. А. Гольфанд, А. Я. и И. Я. Шамкович, А. Н. Говберг, Я. А. Евинзон.

Кадеты были партией буржуазной интеллигенции. Судя по именам известных донских активистов, можно сделать следующее заключение: многие из них принадлежали к так называемым свободным профессиям — прежде

всего к адвокатам, присяжным поверенным, мировым судьям, а также врачам, преподавателям, инженерам, журналистам. Кроме перечисленных профессий необходимо добавить государственных, муниципальных и частных служащих, предпринимателей разного уровня. Особенностью социального состава донского отделения партии являлось членство в ней казачьей интеллигенции.

Среди донских кадетов было много врачей. Членами Общества донских врачей были кадеты М. И. Карпов, А. С. Мануйлов, Н. Х. Норкин. Врачом Мариинской больницы, расположенной в Нахичевани-на-Дону, был А. С. Кечек, а в Ростовской Николаевской больнице работали С. Я. Зельцер и И. М. Царуков. Кадеты А. Я. и И. Я. Шамкович являлись членами правления лечебницы общества Таганрогских врачей [8: 32, 98].

Необходимо обратить внимание, что многие кадетские активисты имели юридическое образование и работали адвокатами, присяжными поверенными, мировыми судьями. Так членами Совета присяжных поверенных округа Новочеркасской судебной палаты были: П. П. Казмичов, Н. И. Елкин, К. П. Каклюгин, А. И. Петровский. А. А. Бударин являлся членом Таганрогского окружного суда. С. В. Харитонов состоял членом нотариата Новочеркасского окружного суда, а Е. Г. Шилтов — членом нотариата Ростовского-на-Дону окружного суда. Почетными судьями съезда мировых судей Черкасского судебного мирового округа являлись И. И. Запорожцев, Н. Х. Норкин, Н. А. Захарьев, А. С. Дронов. Частным поверенным при данном съезде состоял М. С. Воронков. Почетным мировым судьей съезда мировых судей I Донского судебного мирового округа был Ф. В. Черячукин, II Донского округа — П. Р. Пырков и А. П. Савватеев, частным поверенным — А. А. Назаров. Почетным мировым судьей Ростовского-на-Дону судебного мирового округа состоял В. В. Асмолов, частными поверенными были И. И. Ушаков, М. Ф. Генне [8: 192, 202–205, 209].

Среди донских кадетов и примыкавшим к ним было немало тех, кто имел прямое отношение к банковскому делу, к предпринимательству. Это Н. Е. Парамонов — крупный промышленник, член правления Ростовского отделения Азово-Донского коммерческого банка М. А. Фридман, товарищ управляющего Таганрогского отделения этого же банка Б. М. Калиновский, член правления Ростовского купеческого банка К. В. Вейсбрем и др.

Донская организация конституционно-демократической партии в процессе своего складывания и функционирования прошла ряд этапов, каждый из которых имел характерные особенности, обусловленные развитием политической ситуации в стране.

В годы Первой мировой войны значительно расширить численность партийных рядов не удалось, но донским кадетам удалось сохранить свои основные партийные организации.

Вместе с тем, наблюдалось усиление влияния местных кадетов среди интеллигенции, городских слоев и казачества,

которое видело в них защитников своих интересов, многие казаки состояли в рядах донского отделения партии. Донские кадеты имели своих представителей в различных

учреждениях и органах местного управления. Высокие посты и должности в структурах управления, придавали вес местным кадетам — в них верили, им доверяли.

Список литературы:

1. Панкова-Козочкина Т. В. Образование и деятельность кадетской партии на Дону (1905–1907). Автореферат кандидатской диссертации. – Ростов н/Д., 1993. – С. 12.
2. Братолюбова М. В. Кадетские организации Области войска Донского (1907–1914 гг.). Автореферат кандидатской диссертации. – Ростов н/Д., 2000. – С. 15.
3. ГАРО (Государственный архив Ростовской области) Ф. 826., Оп. 2., Д. 165., Л. 10.
4. ГАРФ Ф. 102., Оп. 1914., Д. 27., Ч. 2., Лит. Б., Л. 8.
5. Милуков П. Н. Воспоминания. Т. 2. – М., 1990. – С. 60.
6. ГАРФ. Ф. 102., Оп. 1915., Д. 27., Ч. 2., Л. 162–162 об.
7. Сидоров В. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Т. 1. – Ростов н/Д., 1994. – С. 179.
8. Памятная книжка Области войска Донского на 1916. – С. 32, 98, 195, 202–205, 209.

*Kartashova Maria Vyacheslavovna,
Balakhna Museum of History and Art Complex,
Director, Candidate of historical sciences
E-mail: kmiw@mail.ru*

The structure of the crafts in the Russian Empire

Abstract: Was investigated Historiography on the classification of Russian handicraft industries. A comparative analysis of the handicraft industries structure from the standpoint of historical and economic sciences. 6 groups of handicraft industries has been structured: wood, metal, fiber processing, leather processing, mineral processing, and other (miscellaneous) crafts. Concluded that such a classification is not contrary of the Statistical classification of the Economic Activities in the European Economic Community (version 2).

Keywords: Russian empire, handicrafts, Sectoral structure of handicrafts, Statistical classification of economic activities in the European Community (NACE Rev. 2).

*Карташова Мария Вячеславовна,
Балахнинский музейный
историко-художественный комплекс,
директор, кандидат исторических наук
E-mail: kmiw@mail.ru*

Структура кустарных промыслов в Российской империи

Аннотация: Исследована историография классификации российских кустарных промыслов. Проведен сравнительный анализ структуры промыслов с позиций исторической и экономической науки. Структурировано 6 групп промыслов: деревообработка, металлообработка, обработка волокна, обработка кожи, обработка минералов, прочие (смешанные) промыслы. Резюмировано, что такая классификация не противоречит Статистической классификации видов экономической деятельности в Европейском экономическом сообществе (редакция 2).

Ключевые слова: Российская империя, кустарные промыслы, отраслевая структура промыслов, ОКВЭД 2.

Кустарные промыслы во второй половине XIX – начале XX веков, как одна из сфер экономики Российской империи, представляла собой сложную систему, с большим трудом поддающуюся классификации. Отраслевая структура промыслов может быть представлена в виде групп производств, разделенных по видам обрабатываемого материала (дерево, металлы, волокно и т. д.). Группы

промыслов, в свою очередь, можно разделить на виды промыслов по изготавливаемой продукции. По справедливому замечанию Я. Е. Водарского, классификация промыслов не может считаться четко разработанной [1, 13]. К. Н. Тарновский главную причину трудностей в исследовании кустарных промыслов видит в отсутствии четкого понятия «кустарной промышленности» среди земских

статистиков и разные подходы к сбору и обработке материалов обследований [2, 12]. Цель данной статьи рассмотреть отраслевую структуру кустарных промыслов с трех позиций: точки зрения дореволюционных изданий; точки зрения исследователей (историография вопроса) и позицию современной экономической науки.

Источниковая база представлена работами, которые можно объединить в две группы. Первая группа — труды общероссийского масштаба, изданные в последней четверти XIX в. – 1917 г. В этой группе следует выделить две подгруппы. Первая подгруппа — это описательные и статистические работы [3; 4; 5], в которых представлен отраслевой принцип подачи материала. Однако в них отсутствует единообразие. Вторая подгруппа представлена указателями и каталогами всероссийских кустарно-промышленных выставок, которые проводились в Санкт-Петербурге в 1902 и 1913 гг. [6, 300–301; 7]. Вторая группа — работы регионального и местного значения [8; 9; 10; 11]. Во всех этих работах также присутствует разная классификация кустарно-промышленной структуры.

Обратимся ко второй позиции — историографической базе, в которой можно выделить три блока. Первый блок — труды корифеев российской статистики, таких как А. А. Рыбников [12; 13], Г. П. Петров [14], Н. Я. Воробьев [15]. А. А. Рыбников выделил 7 отраслей кустарного и ремесленного производства. Н. Я. Воробьев даже в одной работе использует разные классификации: от 10 до 19 «отраслей мелкой (неценовой) и кустарно-ремесленной промышленности». Второй блок — это труды исследователей кустарных промыслов позднего советского и постсоветского периодов. Оригинальная классификация крестьянской промышленности предлагается в исследовании Е. И. Соловьевой. Автор рассматривает основные отрасли крестьянской промышленности: обработку животного, растительного и минерального сырья. В отрасль по обработке растительного сырья автор относит деревообработку, обработку волокон растительного происхождения, промышленную переработку зерна [16, 30–34]. А. М. Архипова сводит местные земледельческие промыслы в 7 основных групп [17, 142–143]. Монография Я. Е. Водарского и Э. Г. Истоминой является единственным трудом, в основу которого положен отраслевой принцип изучения промыслов. Авторы предложили выделить 7 групп (отраслей) промыслов: по обработке дерева, по обработке волокна, по обработке кожи, по обработке металлов, по обработке минералов, по обработке рога, кости, прочие (смешанные промыслы) [18].

Третий блок — работы современных исследователей. В последние годы появляется масса статей, диссертаций и монографий, посвященных изучению кустарных промыслов в Российской империи. Эти работы, в основном, имеют региональный характер. В большинстве исследований четкая отраслевая структура отсутствует [19; 20]. Структуры, разработанной министерством государственных имуществ в 1888 г., представленной шестью группами

производств: обработка дерева, металлов, волокна, минералов, кожи и смешанные промыслы, придерживается С. А. Фукленков [21, 51–52]. Наиболее четко структура промыслов рассматривается в диссертации Ю. А. Кашаевой. Она рассматривает не структуру, а типологизацию промыслов. Под «типом» кустарных промыслов исследовательница понимает «набор отдельных промыслов, объединенных исходным материалом (сырьем), который подвергался обработке» [22, 76]. В коллективной монографии В. Г. Егорова, О. А. Зозули, М. В. Палеолога структура кустарных промыслов специально не рассматривается. Исследователи «идут» за источником и приводят таблицу, в которой промыслы классифицируются по 21 отраслям, объединяющим 65 видов промыслов [23, 90–95]. Во многих исследованиях классификация по группам промыслов вовсе отсутствует, а используется структура по видам промыслов.

Таким образом, при анализе количественных показателей кустарей, видов промыслов и их распространении по губерниям и уездам империи логично использовать данные источников, однако, с целью унификации данных и создания логичной структуры кустарных промыслов следует обратиться к современной экономической теории, в соответствии с которой отраслевая структура промышленности представляет собой состав и долевое соотношение различных отраслей и видов производства, входящих в неё. Совокупность всей выпускаемой в отраслях экономики продукции отражена в различных классификаторах продукции, предназначенных для систематизации, упорядочения, однозначной идентификации продуктов. Они сгруппированы по наиболее существенным признакам (вид материала исходного сырья, назначение использования, технология производства и т. д.), прежде всего для ее распознавания и автоматизированной обработки. В настоящее время действует Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД 2) ОК 029–2014 (КДЕС Ред. 2) и Общероссийский классификатор продукции по видам экономической деятельности (ОКПД 2) ОК 034–2014 (КПЕС 2008) с датой введения в действие 1 февраля 2014 г. [24], который и поможет разобраться с кустарно-промышленной структурой. По ОКВЭД 2 кустарные промыслы следует отнести в раздел С — обрабатывающие производства. В это раздел входит 14 подразделов, из которых 6 могут быть отнесены к кустарным производствам: класс 13 — производство текстильных изделий; класс 15 — производство кожи и изделий из кожи; класс 16 — обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки; класс 23 — производство прочей неметаллической минеральной продукции; класс 25 — производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования; класс 32 — производство прочих готовых изделий [25]. ОКВЭД 2 построен на основе гармонизации с официальной версией на русском языке Статистической классификации видов экономической деятельности в Европейском экономическом сообществе

(редакция 2) — Statistical classification of economic activities in the European Community (NACE Rev. 2) путем сохранения в ОКВЭД 2 (из NACE Rev. 2) кодов (до четырех знаков включительно) и наименований соответствующих группировок без изменения объемов понятий.

Таким образом, несмотря на обилие классификаций российских кустарных промыслов в историографии, следует признать, что наиболее оптимальной является структура, включающая в себя 6 групп промыслов:

деревообработку, металлообработку, обработку волокна, обработку кожи, обработку минералов, прочие (смешанные) промыслы. Эта классификация позволяет охватить все промыслы, не усложнять структуру и в то же время она не противоречит Статистической классификации видов экономической деятельности в Европейском экономическом сообществе (редакция 2) — Statistical classification of economic activities in the European Community (NACE Rev. 2).

Список литературы:

1. Водарский Я. Е., Истомина Э. Г. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. – М., 2004.
2. Тарновский К. Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. – М., 1995.
3. Очерк деятельности министерства государственных имуществ по развитию и улучшению кустарной промышленности в 1888–1890 гг. – СПб., 1890.
4. Обзор кустарных промыслов России. – СПб., 1902.
5. Справочный указатель кустарных производств и кустарных мастеров. Вып. I–V. – СПб., 1892–1902.
6. Отчет о Всероссийской Кустарно-промышленной выставке, в Петербурге, в 1902 году // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. VIII. – СПб., 1907.
7. Указатель состоящей под августейшим покровительством ея императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны Второй Всероссийской Кустарной выставки в С.-Петербурге 1913 г. – СПб., 1913.
8. Указатель кустарных промыслов, встречающихся в Орловской губернии. – Орел, 1895.
9. Кустарные промыслы Тамбовской губернии. – Тамбов, 1900.
10. Кустарные промыслы С.-Петербургской губернии. – СПб., 1902.
11. Изделия кустарной промышленности Нижегородской губернии. – СПб., 1902.
12. Рыбников А. А. Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий: доклад Организационного бюро по созыву Земского съезда по вопросам о совместной деятельности земств по сбыту кустарных изделий. – М., 1913.
13. Рыбников А. А. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. – М., 1922.
14. Совет Всероссийских кооперативных съездов: Промысловая кооперация и кустарь / Сост. Г. П. Петров, С. Е. Кремьянский. Ч. 1–3. – М., 1917.
15. Воробьев Н. Я. Частный мелкая (неценовая) и кустарно-ремесленная промышленность СССР / Частный капитал в народном хозяйстве СССР: Материалы комиссии ВСНХ СССР. – М.; Л., 1927.
16. Соловьева Е. И. Крестьянские промыслы Сибири. Автореф. дис. на соиск. ... доктора ист. наук. – Новосибирск, 1975.
17. Архипова Л. М. Мелкая крестьянская промышленность центрально-черноземного района России в начале XX века. – М., 1995.
18. Водарский Я. Е., Истомина Э. Г. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. – М., 2004.
19. Ватутина В. В. Социально-экономическая трансформация кустарных промыслов Владимирской губернии во второй половине XIX – начале XX столетий. Автореф. дисс. на соиск. ... канд. ист. наук. 07.00.02. – Орел, 2010.
20. Антонов О. Ю. Развитие кустарных промыслов Воронежской губернии во второй половине XIX – начале XX веков. Автореф. дисс. на соиск. ... канд. ист. наук. 07.00.02. – М., 2014.
21. Фукленков С. А. Кустарные промыслы Новгородской губернии в конце XIX – начале XX века. Дисс. на соиск. ... канд. ист. наук. 07.00.02. – СПб., 2008.
22. Кашаева Ю. А. Кустарные промыслы Пермской губернии (конец 1880-х – 1914 г.). Дисс. на соиск. ... канд. ист. наук. 07.00.02. – Пермь, 2007.
23. Егоров В. Г., Зозуля О. А., Палеолог М. В. Кустарные промыслы нечерноземной деревни второй половины XIX – начала XX вв. (на материалах Московской губернии). – М., 2011.
24. Приказ Росстандарта от 31.01.2014 N 14-ст (ред. от 30.09.2014) “О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД2) ОК 029–2014 (КДЕС Ред. 2) и Общероссийского классификатора продукции по видам экономической деятельности (ОКПД2) ОК 034–2014 (КПЕС 2008)” // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163268 (Дата обращения: 6.09.2015).
25. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=163320; fld=134; from=161001–101; rnd=0.7852987088263035> (Дата обращения: 6.09.2015).

*Mehdiyeva Ayten Ali,
Azerbaijan State Pedagogical University, Baku,
Associate professor at the Department of General History, c. h. s.
E-mail: ayten-69@mail.ru*

The Maiden Towers of Azerbaijan and Estonia: similar and characteristic features

Abstract: The information of different characteristic elements connected with the Maiden Towers took the peculiar place among the cultural monuments of the world reached up today. The construction of these towers on the territory of Eastern and Western countries beginning from ancient period informs about the availability of more serious motives in the sphere of investigation of these monuments history. From this point the comparative research of indicated Maiden Towers constructed in two different locations excites interest.

Keywords: Maiden Tower, Neitsitorn, Azerbaijan, Estonia, Meghehe.

*Мехтиева Айтен Али кызы,
Азербайджанский Государственный Педагогический
Университет, Баку, доцент кафедры Всеобщей истории, к. и. н.
E-mail: ayten-69@mail.ru*

Девичьи башни Азербайджана и Эстонии: схожие и отличительные черты

Аннотация: Множество материалов, связанных с Девичьими башнями, занимающими своеобразие место среди памятников культуры всего мира, дошло до наших дней. Сооружение этих монументальных памятников начиная с древнейших времен в странах Востока и Запада предвещает о наличии более основательных и серьезных мотивов в сфере изучения истории этих башен. В этой связи вызывает огромный интерес сравнительное изучение Девичьих башен, сооруженных на территории двух отдельных стран.

Ключевые слова: Девичья башня, Неитситорн, Азербайджан, Эстония, Мегхеде.

Исследование памятников культуры является одним из важных проблем, вызывающих огромный интерес. Изучение истории сооружения памятников, уточнение важнейших факторов, оказавших огромное влияние на возникновение башен, выявление основных функций памятников на протяжении многих лет, наличие материалов, связанных с наименованиями башен и являющимися в какой-то мере непонятными, требует особый подход к истории памятников культуры. С этой точки зрения изучение истории Девичьих башен является важным делом. Распространение Девичьих башен на территории стран Запада и Востока указывает на древность исторических корней этой проблемы.

Идеологическая основа возникновения памятников, связанных с девичьими именами, относится к странам Древнего Востока. К удивлению исследователей, первое изображение божества, которое древний человек вырезал из дерева, либо вылепил из глины, представляло собой не «господ» а бога, а «госпожу» богиню. Это было олицетворение матери-земли [1, 13–15]. Именно данное мировоззрение сумело сохранить свое существование в разных обликах и формах в других религиозных системах, отличающихся друг от друга, что нашло свое отражение в отдельных древних памятниках. Одними из таких ярко выраженных памятников являются Девичьи башни.

Разные народы именуют Девичьи башни по-разному. Девичьи башни Азербайджана именуются как башня Хунзар (Кылыс Хунзар), храм Белы, храм Митры, храм Ахура-Мазды и шести Амеша Спенты, храм Ардвисуры или богини Вега, Божий дом, башня Кесаря, башня Зиммури-ады, башня Апат-Напаты, башня Гуза, башня Девиц, башня Лозы, башня Предателя, зиккурат, оборонное сооружение, маяк, обсерватория и др. Такие наименования, как Кади-фе (Кыдефа), Белгыз (Балгыз) на территории Турции, имена разных богинь в Иране, башня Судак и Кыз Кермен в Крыму и другие названия были отнесены этим башням. Башня Мегхеде, Башня девиц, Neitsitorn (Эстония), Meghdturm, Mädchenthurm (Германия) и другие, расположенных на территории европейских стран, известны как Девичьи башни [2]. Каждая из этих башен имела особую характерную черту, при этом сохраняла элементы местной культуры наряду с общепринятыми понятиями.

Письменных сведений о народах восточного Балтийского моря до II тыс. н. э. имеется мало. Римский историк Тацит в написанном в 98 г. н. э. сочинении «Germania» впервые упоминает балтийские племена, которых он обозначал термином Aestii. По его словам, они поклонялись праматери богов и собирали янтарь у моря [3, 22]. В середине XII в. арабский географ ал-Идриси отметил Таллинн

на своем глобусе и впервые упомянул его в труде «Развлечения тоскующего о Странствии по областям», как временные укрепления [4, 3]. В этой связи датирование Девичьей башни XIV веком не может нести случайный характер.

Таллинн не мог существовать только как торговый центр, как любой средневековый город должен был быть хорошо укреплен. Многие из того, что сейчас находится в этом городе, было сформировано в эпоху Крестовых походов, когда чужеземные войска принесли в Эстонию христианство и использовали Таллинн как свою военную базу [4, 5]. С появлением немецких и датских мастеров на территории Эстонии стали распространяться принципы западноевропейского искусства. В первой половине XIII в. в Эстонии господствовал романский стиль, в третьей четверти XIII в. — ранняя готика, с конца XIII в. — высокая готика и с середины XIV в. до первой четверти XVI в. — поздняя готика. Последний период считается временем расцвета эстонского средневекового зодчества в Таллинне [5, 668]. Сооружение таллиннской Девичьей башни совпало во времена готического периода и отражало самые важные элементы готического зодчества в Эстонии. Данная Девичья башня была сооружена как составная часть городской оборонной системы XIV в. [6]. Таллиннский Неитситорн находится в окружении нижних городских стен, в Саду датского короля. В начале эта башня состояла из трех этажей (ярусов). В дальнейшем в XV в. в качестве открытой платформы был сооружен еще один этаж [7, 15]. В отличие от этих башен Девичьи башни Азербайджана имеют форму грандиозных построек. Высота Бакинской Девичьей башни достигает 28 м.

Основная часть Девичьих башен Азербайджана была сооружена в эпоху Средневековья [8, 51–52]. Однако в ходе уточнения истории сооружения этих девичьих башен встречаются некоторые ошибки. В этой связи следует отметить, что опираясь на наличие «случайного» камня, находящегося на стене Бакинской Девичьей башни, на котором имеется некая запись, в ходе изучения которой исследователь И. Н. Березин относит этот памятник к XIV в. [9, 34]. Данный подход исследователя к этому вопросу объясняется неправильной трактовкой указанной записи, находящейся на стене этой Девичьей башни. Мысль исследователя И. Н. Березина о связи истории сооружения этого памятника с деятельностью правителей династии Хулагуидов, а также о возникновении легенд о Девичьих башнях, датированных IV–VII веками, вызывает сомнение о достоверности концепции учёного. В последующем исследователи М. С. Саяпин и И. Н. Пахомов однозначно отвергли его «фантастическую» концепцию, а также мысль о датировании истории сооружения Бакинской Девичьей башни XIV веком. Следует отметить, что в ходе изучения Бакинской Девичьей башни, история сооружения которой была отнесена к XII веку, а также более глубокого анализа данных материалов, относящихся к этому памятнику [10, 151–153; 11, 122–123], мы становимся свидетелями недостоверности данных выводов, которые были

сделаны в ходе исторической периодизации. Азербайджанский исследователь Д. Ахундов, ведущий более точную исследовательскую работу в этой отрасли, опираясь главным образом на древние изображения в Гобустане [12, 27–29], выдвинул концепцию о сооружении Бакинской Девичьей башни в VIII–VII вв. до н. э. [13, 94]. Последние исследовательские работы указывают на то, что Девичьи башни (за исключением Бакинской Девичьей башни) были сооружены антично — раннесредневековый период. В разных этапах средневековья встречается тенденция реставрации этих памятников, постепенное превращение их в оборонительные сооружения, использование данных построек в качестве маяков или обсерваторий. Азербайджанские Девичьи башни (Баку, Шемахе, Кедабеке, Нахичевани и т. д.), их структура, свойства сооружения, природно-географическое расположение приводят к выводу о более раннем периоде сооружения этих памятников. История сооружения Бакинской Девичьей башни относится к периоду начиная с X–VIII веков до н. э. до VIII–VII веков до н. э., а иногда к более позднему периоду.

Девичьи башни Азербайджана располагаются на различных местностях с отличительными природными свойствами. Среди них следует отметить Девичьих башен, находящихся на берегу морей, озер и рек, недалеко от крепостных стен, связанных с городскими оборонительными сооружениями, построенных на возвышенных местностях, на вершине холмов, скал и гор. Среди Девичьих башен Азербайджана последний тип построек на возвышенных местах занимает главное место. Существует также тенденция о связи топонимов, относящихся к слову «девушка», с горной местностью, памятником, сооруженным на вершине горы, а также недостаточность таких топонимов на территории Арана, и в этой связи существует теория употребления слова кыз (девушка) в значении горы [14, 80–81]. Примерно с такой же ситуацией мы сталкиваемся в ходе рассмотрения природно-географического места расположения Девичьих башен на территории Эстонии. Девичья башня в Таллинне находится на самом высоком холме. По мнению исследователей, ее географическое расположение связано и имеет прямое отношение к ее названию [15]. В документе башни (1373) она указана как башня Мегхеде (Мегхде), опираясь на которого исследователи указывают на употребление этого названия от эстонского слова «mägi» (гора) во множественном числе и родительном падеже. Язык эстонцев не имеет ничего общего с остзейскими бюргерами. Поэтому название башни подверглось изменению и Megdheturm было заменено Mädchenthurm (Башня девиц).

Существует версия о названии Таллиннской Девичьей башни Megxede (Megxde) в честь смотрителя этой башни капитана Хинсе Мегхена [16]. По другой версии, городской муниципалитет поручил подрядчику Хинсу Мегхею сооружение фортификационной системы. Архитектор Мегхе проживал на улице Рюйтли, недалеко от данной башни. Существует версия о том, что эта башня

была названа таким образом — башней Мегхде [17]. Такая постановка вопроса выглядит неубедительной в настоящее время, хотя и можно встретить в истории факт названия сооруженных башен в честь своих архитекторов. Однако эта тенденция не получила широкого размаха. С другой точки зрения, неожиданное изменение названия башни в Таллинне во время шведского правления, замена имени архитектора на слово «девушка», а также связывание этого события с деятельностью бюргеров вызывает некоторое сомнение. Поэтому, учитывая наличие более глубоких корней этого вопроса, считаем уместным припомнить предположение, связанное с Бакинской Девичьей башней.

Название города Баку, где находится эта башня, трактуется как вечное место, поприще богов. А также это слово образовалось от «Бак-ы», т. е. «Бак» (смотреть) и «ы» (место). Баку — это название, данное местными жителями огромному сооружению, похожему на высокий холм, с вершины которого можно увидеть всю окрестность. Племя баканов, основными функциями которого были оборона и защита памятника, вокруг которого оно проживало, а также имя которого упоминается в источниках, свое название передало поселению, расположенному вокруг Девичьей башни [18, 8].

Между внешним обликом Девичьих башен, расположенных на территории Азербайджана и Эстонии, имеются отличительные черты. Таллиннская Девичья башня — это крепостная башня в юго-западной части Таллиннской оборонительной стены между надвратной башней Люхике яг и Харьюскими воротами. Являясь составной частью целой

оборонительной системы эта башня скорее всего была предназначена для военных нужд в период Средневековья. Девичья башня в Шемахе, одна из Девичьих башен Азербайджана, выступала непосредственно как составная часть городской оборонительной системы. Хотя Девичья башня была сооружена в более раннем периоде, она была адаптирована Бугуртской оборонительной системе [19, 35]. Независимо от первичных функций Девичьих башен, сооруженных в Гяндже, Нахичевани, Кедабеке, Зангилане, Кубадлы и др., в период Средневековья, эти памятники носили скорее всего военно-оборонительный характер. Использование огнестрельного оружия, особенно военных пушек на территории Азербайджана и Эстонии привело к исчезновению первичной важности этих башен.

Девичья башня в Эстонии отличается по внешнему виду от Девичьих башен Азербайджана. Таллиннская Девичья башня имеет планировку в форме трапеции [20]. В ходе сооружения Девичьих башен в Азербайджане особое место уделялось овальной и квадратной формам. Одновременно, существуют отличительные элементы в подборе строительных материалов, технике постройки, адаптации природно-географическим условиям и других сферах.

Девичьи башни, расположенные в столицах Азербайджана и Эстонии, были включены в список мирового культурного наследия ЮНЕСКО в качестве культурно-исторических памятников. Бакинская Девичья башня с 2000 г., столица Эстонии город Таллинн (включая Таллинскую Девичью башню) с 1997 г. включены в указанный список ЮНЕСКО [21, 3].

Список литературы:

1. Вардиман Е. Женщина в древнем мире. Пер. с нем. М. С. Харитоновой. — М.: Наука, 1990. — 335 с.
2. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://tallinn.cold-time.com>
3. Казекамп А. История Балтийских государств. Пер. Л. Дубьева. — Тарту: Тартуский университет, 2014. — 397 с.
4. Венделен Тоомас. Старый Таллинн. — Таллинн: Head uudised, 1998. — 25 с.
5. Эстония. Энциклопедический справочник. — Таллинн: Издательство Эстонской энциклопедии, 2008. — 766 с.
6. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://regido.ru/geo/Evropa/Estonia/poi/82385>
7. Таллинн Средневековая столица. — Таллинн: Grenader Grupp, 2013. — 64 с.
8. Бретаницкий Л. С., Веймар Б. В. Искусство Азербайджана IV–XVIII веков. — М.: «Искусство», 1976. — 272 с.
9. Гасанов Г. А. Бакинская Девичья башня. Языческий комплекс — Баку. — Баку: Çaşıoğlu, 2014. — 488 с.
10. Фитуни А. П. Легенда о Баку и Девичьей башне. Известия «Азкомстарис». — Б.: «Азкомстарис», 1927.
11. Дорн Б. Каспий. — СПб.: Имперск. АН, 1885.
12. Джафарзаде И. М. Гобустан. — Баку: Элм, 1973. — 348 с.
13. Ахундов Д. А. Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. — Баку: Азернешр, 1986. — 311 с.
14. Джавадов А. М. О Девичьих башнях // Советская тюркология. — 1992. — № 3.
15. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://tallinn.cold-time.com>
16. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.visitestonia.com>
17. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.putidorogi-nn.ru/evropa/433>
18. Rzaev N. Bak-i qülləsi // Elm və həyat. — 1995. — № 2.
19. Ciddi H. Bığurt qalası. — Bakı: Azərnəşr, 1973. — 56 s.
20. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.visitestonia.com>
21. Эстония: страна, народ, культура. — Таллинн: Grenader Grupp, 2013. — 62 с.

*Sekirin Andrey Aleksandrovich,
Belgorod State National Research University,
postgraduate student, the Faculty of History and Philology
E-mail: andreisekirin@mail.ru*

The history of the emergence and spread of sectarianism and the Old Believers in the Voronezh and Kursk provinces in XVII – the beginning of XIX centuries

Abstract: The article investigates the history of the emergence and spread of sectarianism and schism of the Old Believers in the Central Black Earth region of European Russia in XVII – the beginning of XIX centuries, the example of Voronezh and Kursk provinces.

Keywords: sectarianism, schism, Old Believers, sectarians, schismatics, Dukhobors, Molokans, Skoptsy, Khlysts, Central Black Earth Region, Voronezh Province, Kursk Province.

*Секирин Андрей Александрович,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, аспирант,
историко-филологический факультет
E-mail: andreisekirin@mail.ru*

История возникновения и распространения сектантства и старообрядчества в Воронежской и Курской губерниях в XVII – начале XIX веков

Аннотация: Статья посвящена исследованию истории возникновения и распространения сектантства и раскола старообрядчества в Центрально-Чернозёмном регионе Европейской России в XVII – начале XIX веков, на примере Воронежской и Курской губерний.

Ключевые слова: сектантство, раскол, старообрядчество, сектанты, раскольники, духоборы, молокане, скопцы, хлысты, Центральное Черноземье, Воронежская губерния, Курская губерния.

К середине XIX века, в административно-территориальном делении Российской империи, и в религиозном отношении, губернии Центрального Черноземья — Воронежская и Курская, представляли собой среднестатистические губернии Европейской части России, с подавляющей долей великорусского православного населения. Однако, исторический процесс формирования населения, указанных территорий, выразился в определённых особенностях религиозного, национального и социального характера населения, что в свою очередь, так или иначе, отражалось как на религиозно-мировоззренческом уровне населения, так и на государственно-конфессиональной политике местных властей.

Для определения времени и обстоятельств возникновения и распространения старообрядчества и сектантства на территориях, которые составили позднее Курскую и Воронежскую губернии, необходимо дать краткую характеристику, процессу заселения данных территорий и соответственно, религиозному составу населения. Сам процесс заселения и освоения территории Центрального Черноземья, начался в конце XVI – начале XVII века, и продолжался фактически в течение полутора, двух столетий. Хронологически, он совпал со временем возникновения,

как самого раскола, так и с появлением и распространением сектантства, соответственно, территории Центрального Черноземья, которые в течение длительного времени являлись приграничными, окраинными землями Русского государства, оказались притягательным местом для различного рода религиозно инакомыслящего населения.

Религиозный и социальный состав населения был крайне разнородным, что обуславливало, появление и распространение сектантства и старообрядчества на территориях Центрального Черноземья. «Значительную часть населения составляли служилые люди, охранявшие порубежье от врагов, частых набегов кочевников, много было здесь и различного рода переселенцев из центральных районов страны, которые предпочитали вести своего рода “вольную жизнь”, которая подразумевала, в том числе и религиозное инакомыслие» [1, 29].

Религиозный состав и морально-нравственный уровень этого первоначального, «вольного» населения был довольно разнородным и противоречивым, «то были русские люди, бегавшие в степь, с целью уклониться от государственных повинностей, то были тати, воры, убийцы, поджигатели и всякого рода лихие люди — преступники, спасавшиеся от заслуженной кары, то были, наконец,

раскольники и разные проходимцы, перебежавшие на Дон для распространения своего вредного круга деятельности» [2, 13]. Таким образом, духовно-нравственная и социальная среда первоначального населения, благоприятствовала к распространению на этих территориях различного рода религиозного инакомыслия и индифферентизма, включая раскол и сектантство.

Что касается установления точного периода времени появления и распространения в Курской и Воронежской губерниях старообрядцев и сектантов, и первоначального состава населения по различным толкам, и сектам, то установление данного факта представляет значительную трудность. Можно с уверенностью говорить о том, что раскольники появились на территории Центрального Черноземья, фактически сразу после возникновения раскола в Русской Церкви, вскоре после Московского собора 1666–1667 гг., когда многочисленные сторонники старой веры, вынуждены были бежать в малонаселенные, окраинные районы государства. «Главная масса беглецов направлялась в привольные казацкие станицы, расположенные по низовьям Дона и по его притокам: Чиру, Медведице, Хопру и др.» [3, 276]. Таким образом, многие последователи раскола находили убежище на Дону и других местах Центрального Черноземья, пользуясь малонаселенностью и удаленностью этих территорий от центральных властей, как светских, так и духовных, слабо контролировавших религиозную жизнь местного населения.

«Усилению раскола в Воронежском крае содействовали, с одной стороны, условия гражданской и религиозной жизни в окраинных местах, а с другой — близость к Воронежу тех областей Донской земли, где раскол свил себе прочное гнездо. Пользуясь отдаленностью от Москвы, Воронежские воеводы и приказные люди сквозь пальцы смотрели на всяких “гулящих людей”, а в числе их — и на проживавших в их областях раскольников, если последние не заявляли о себе какими-либо выдающимися нарушениями общественного спокойствия» [3, 276–277]. Тем самым, пользуясь относительной политической свободой и слабым контролем со стороны местных властей, Центрально-Чернозёмный регион, стал пристанищем для многих последователей раскола. Известны имена первых пропагандистов раскола в обширном регионе охватывающим Центральное Черноземье, Нижнее Поволжье и Северный Кавказ: «иеромонах Иов, бывший келейник патриарха Филарета, и Тихвинский игумен Досифей, который с двумя священниками, Пафнутием и Феодосием, пришел из северного поморья. Они с проповедью раскола ходили по южной окраине России, вниз по Волге, по рекам Дону, Кубани, Медведице, за Астраханью, по рекам — Сулак и Кума, близ г. Черкасов, Тамбова и Козлова и везде увлекали целые шайки беглых и вольниц» [4, 54].

Действия местной духовной власти, в отношении инаковерующих первоначально так же были незначительными. Огромные пространства территорий епархий, малое количество приходов, значительная удаленность населения

от полноценного пастырского окормления со стороны православного духовенства, фактическое отсутствие духовного просвещения населения, в указанный период, делали его питательной средой для распространения, как раскола, так и различного рода религиозного инакомыслия. «Поселившись на Дону, с целью снискать себе безопасное убежище, раскольники-духовные вскоре увидели, что, кроме желанного покоя, они обрели себе и весьма удобную ниву для насаждения своего учения. “Деятели” православных почти не было среди казаков, дела же было достаточно» [5, 104–105].

Таким образом, к концу XVII века, раскол стал в Центрально-Чернозёмном регионе весьма распространенным явлением. Раскольническое духовенство в условиях незначительного контроля со стороны светской власти и при попустительстве местного православного духовенства, развернуло в Центральном Черноземье активную пропаганду раскольнических взглядов. «В своих пустынях и часовнях попы совершали богослужение, венчали браки казаков, крестили их детей и совершали для них другие требы. При этом, конечно, не обходилось без подобающих с их стороны наставлений касательно старой веры: в этом признавались и сами попы» [5, 105–106].

Распространение раскола на территориях Центрального Черноземья к концу XVII века, было столь значительным, что стало одной из причин учреждения самостоятельной Воронежской епархии в 1682 году, на территориях которой, было необходимо упорядочить церковную жизнь, наладить пастырское окормление и полноценное духовное просвещение местного населения. Первым епископом Воронежским, стал выдающийся церковный деятель святитель Митрофан, «который в свою бытность игуменом Макарьево-Унженского монастыря в Костромской губернии, много потрудился в деле противодействия расколу и чьё назначение, таким образом, на созданную Воронежскую кафедру во многом было обусловлено именно этим» [3, 280].

Более сложным, является вопрос, об установлении точного времени и обстоятельств, проникновения и распространения в Центрально-Чернозёмном регионе мистического и рационалистического сектантства. Однако, на основе изучения архивных материалов, можно утверждать, что «кроме существовавших в Воронежской Епархии старообрядческих сект — поповщины и безпоповщины, сюда проникало и религиозное сектантство, которое впоследствии получило название духоборчества и молоканства» [6, 146].

Проникновение в Воронежскую губернию сектантства, шло главным образом, из соседней Тамбовской губернии, которая являлась крупным очагом сектантства — духоборчества и молоканства, в том числе, родиной последнего: «1) В 50-х годах 18 столетия, в Тамбовской губернии хотя и были какие-то вольнодумцы — рационалисты, но они не составили организованной секты — с определенным учением. 2) Духоборчество в Тамбовской

губернии, перешедшее сюда из Екатеринославской губернии, начинается с Побирохина в последней четверти 18 столетия. 3) Уклеин из-за увлечения дочерью Побирохина переменяет православие на духоборчество очевидно тоже в это время. 4) Ещё позднее он, сделавшись организатором особой секты, с целью привлечь Далматова в свою секту, привносит в молоканство еврейские понятия» [6, 148].

«В обстоятельствах внешнего распространения сектантства обращает на себя внимание тот факт, что сектантство и в Воронеж и в село Мечетки заносится все из одного и того же места, из Тамбовской губернии. Первые учителя Петра Киреева, между которым отметим Семёна Уклеина — жители Тамбовской губернии» [6, 152]. Одновременно, с распространением в Воронежской губернии, сектантство пустило прочные корни и в соседней Курской губернии. «В 1790-х годах, некто крестьянин селения “Старицы” Белгородского уезда, Федор Даншин, известным стал, как молоканин. Не позже этого времени известно стало и духоборчество в Курской губернии. Источники указывают на некоего крестьянина Курской губернии, духоборца, Григория Неманихина, который издавна проповедовал духоборчество в своём краю» [7, 597].

Таким образом, незначительное количество сектантов рационалистов обосновались в Курской губернии в конце XVIII века. Сведения о них крайне малочисленны, однако, известно, что «Курский губернатор, в 1816 году, сделал об них представление Министру Внутренних Дел, в котором писал, что ежели Правительству угодно будет издать строжайшее постановление о предании суду самозванцев, именующихся наставниками у Молокан и принимающих на себя не подлежащие духовные права, с повелением немедленно удалять их из тех селений и отсылать их в Закавказские области, тогда в самом непродолжительном времени уничтожатся, при благоразумных и осторожных действиях местного начальства, все эти секты, поддерживающиеся единственно от влияния сих уставщиков» [8, 475].

Так же Курская губерния, являлась довольно крупным регионом распространения мистического сектантства —

хлыстовства и скопчества, это было вызвано, прежде всего, соседством с Орловской губернией, которая являлась родиной последнего. Основатель скопческой секты Кондратий Селиванов, объявивший себя в одном лице сыном божьим искупителем-оскопителем, и спасшимся царём-мессией Петром III, в 1760-х годах, тайно проживал в Курске. «Рассказ о тайном проживании Петра III в Курске возник в Курской губернии, которая в то время была переполнена хлыстами. Стоит обратить внимание на то, что появление подобного рода слухов и рассказов, происходило именно в местностях и в среде, зараженной скопцами» [9, 481].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Центрально-Чернозёмный регион, Воронежская и Курская губернии, были территориями, где старообрядчество и сектантство, существовали исторически, распространившись здесь, фактически с момента своего возникновения, раскол получил распространение во второй половине XVII века, сектантство — с середины, во второй половине XVIII века. Таким образом, к началу, середине XIX века, регион Центрального Черноземья, в силу особенностей своего исторического развития, сформировался как крупный центр религиозного сектантства и старообрядчества.

Тут получили широкое распространение как различные направления и толки раскола старообрядчества, так и самые разнообразные формы рационалистического и мистического сектантства. Причём некоторые из сект, к примеру, молокане и скопцы, исторически возникли и сложились именно в Центрально-Чернозёмном регионе. Таким образом, регион Центрального Черноземья, Воронежская и Курская губернии, являлись не только территорией, где сектантство и старообрядчество находили себе последователей, но и был своеобразным ретранслятором и малой Родиной, для некоторых форм религиозного сектантства, очагом для его распространения и в других регионах. Здесь складывался своеобразный внутренний религиозный мир, в котором переплетались различные религиозные, национальные и социальные противоречия, обусловленные особенностями заселения, освоения и исторического развития населения данных территорий.

Список литературы:

1. Апанасенок А. В. «Старая вера» в Центральном Черноземье: XVII – начало XX века. – Курск: КГТУ, 2008. – 304 с.
2. Вейнберг Л. Б. Распространение Христианства на Украине (Краткий исторический очерк, составленный по неизданным документам). – Воронеж.: Типо-Литография Губерн. Правл., 1889. – 87 с.
3. Введенский С. Раскол в Воронежском крае при святителе Митрофане (1682–1703 гг.)//Воронежские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. – 1901. – № 7. – С. 275–289.
4. Былов М. Раскол в Воронежской Епархии при Епископе Тихоне I (Святителе) (1763–1767 гг.)//Воронежские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. – 1890. – № 2. – С. 52–64.
5. Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. – 348 с.
6. Былов М. Раскол в Воронежской Епархии при Епископе Тихоне I (Святителе) (1763–1767 гг.)//Воронежские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. – 1890. – № 4. – С. 146–154.
7. Ливанов Ф. В. Раскольники и острожники. В 4 т. – СПб.: Тип. М. Хана, 1870. – Т. 2. – 829 с.
8. Ливанов Ф. В. Раскольники и острожники. В 4 т. – СПб.: Тип. М. Хана, 1872. – Т. 3. – 640 с.
9. Ливанов Ф. В. Раскольники и острожники. В 4 т. – СПб.: Тип. П. П. Меркульева, 1873. – Т. 4. – 655 с.

Section 3. Linguistics

Anochina Svetlana Petrowna,
Staatsuniversität für Service an der Wolga,
Professor des Lehrstuhls der interkulturellen Kommunikation
E-mail: kaf_rii @ tolgas.ru

Existenzäusserungen im wissenschaftlichen Text

Abstrakt: im Artikel wird der Gebrauch der Existenzsätze in der Monographie „Ansätze und Aufgaben der linguistischen Pragmatik“ beschrieben. Es wird das Verhältnis von Absicht, Illokution, Intention und Funktion am Beispiel dieser Äusserungen vorgeschlagen, sowohl Unterschiede in kommunikativen Strategien, bedingt durch die Absichtsunterschiede des Autors, festgestellt.

Stichwörter: Existenzsatz, Problembereich, Stellungnahme, Absicht, Adressatstrategie, Argumentsstrategie

Die Genre der Monographie wird durch folgende Besonderheiten gekennzeichnet: 1) umfangreiche Übersicht der vorhandenen Problembereiche, ihre Analyse und Bewertung und 2) eigene Stellungnahme dazu. Das Letztere ist dabei ein unentbehrlicher Teil des Ersten.

Demzufolge beschreiben wir den Gebrauch der Existenzsätze in beiden Teilen, beachtend die darin vertretenen kommunikativen Strategien, als auch die Verbalstrategien, die die Letzteren gestalten.

Wir teilen die allgemein vertretene Meinung über die kommunikative Strategie: ihre Bestimmung stützt auf dem Begriff der kommunikativen Intention [1, 8], indem der Begriff der Verbalstrategie Formaspekte der gegebenen kommunikativen Strategie einschliesst [2, 5].

Die Texte des 1. Teils lassen sich ihrerseits in folgende Unterteile gliedern: 1) Problembereich im allgemeinen, d. h., der Daseinraum des Wissens ist abstrakt; 2) Problembereich in den Schriften bestimmter Autoren, d. h., der Daseinraum des Wissens ist konkret. In jedem Unterteil lassen sich folgende funktionale Arten der Existenzäusserungen feststellen.

Mitteilung über die vorhandenen Erkenntnisse in folgenden Unterarten:

1) Aussagen über das Vorhandensein der Schriften im Bereich der linguistischen Pragmatik: „Andererseits gibt es jedoch theoretische Ansätze, die sich ihrer didaktischen Weitervermittlung voll bewusst sind“ [3, 99]. Diese Aussage realisiert die Echtheitsstrategie, einen der Typen der modalen Adressatstrategie, da sie bloss eine Tatsache ohne jeweiliges bewertende Kommentar feststellt [4, 6–17]. Die Aussage „Im Bereich der sozialistischen Länder standen bis dahin umfangreiche Untersuchungen zum Charakter und zum Wirkung von sprachlichen Zeichen im Kontext gesellschaftlicher Handlungen aus“ realisiert den zweiten Typ der modalen Adressatstrategie, nämlich, die situative Präsentationsstrategie, die Sinn- und Willenssphäre des Adressats beeinflusst [4, 17]. Dieser Einfluss kommt im bewertenden Kommentar „umfangreich“ zum Ausdruck.

2) Aussagen über das Vorhandensein, bzw. das Fehlen der Untersuchungsmethodologie: „Eine *eigenständige* Methodologie oder eine *vollständige* Theorie liegen bis jetzt noch nicht vor“ [3, 187]. (Hier und unten sind kursivgedruckte Wörter Zeichen der modalen situativen Strategie). Die Echtheitsstrategie wird in der Aussage: „Es fehlt also ein Handlungs- bzw. Tätigkeitsbegriff“ [3, 63] realisiert.

3) Aussagen über das Vorhandensein, bzw. das Fehlen von Interpretationen in wissenschaftlichen Schriften: „neben dieser *allgemeinen wissenschaftstheoretisch orientierten* Kritik gibt es *jedoch* eine andere...“ [3, 271].

Funktionale Arten der Existenzäusserungen im zweiten Unterteil weisen bedeutende Unterschiede auf. Erstens, kommen hier keine Aussagen über das Vorhandensein bzw. das Fehlen der Methodologie vor. Zweitens, werden die entsprechenden Unterarten der Aussagen durch entgegengesetzte Tendenzen in Bezug auf die kommunikativen Strategien geprägt.

In den Aussagen über das Vorhandensein bzw. Fehlen von Schriften wird nur die situative Strategie realisiert: „Eine *ausführliche und wesentlich sprachwissenschaftlich ausgerichtete* Untersuchung liegt vor mit der Dissertation von Uta Quasthoff“ [3, 198]. Die Aussagen über das Vorhandensein bzw. das Fehlen von Interpretationen realisieren dagegen beide modalen Adressatstrategien: „Bei Chomsky ... gibt es nur noch einen *monologisierenden* und *ideal-fiktiven* «Sprecher – Hörer»“ [3, 43]. In folgender Aussage wird die Echtheitsstrategie realisiert: „Vorschläge in dieser Richtung finden sich bei Maas und bei Wunderlich“ [3, 230].

Wir können also folgern, dass alle Arten und Unterarten der Existenzsätze in diesem Teil der Absicht „Darstellung der Geschichte der Problembereiche“ unterordnet sind.

Der Gebrauch von Existenzsätzen im zweiten Teil ist der Absicht: „Vertretung eigener Stellungnahme“ unterordnet. Diese ist in Aussagen, wo die situative Präsentationsstrategie realisiert wird, indirekt ausgedrückt. Sie ist explizit in 1) Kommentaren zu analysierendem Problembereich;

- 2) Schlussfolgerungen, die den Problembereich einer wissenschaftlichen Schule oder Richtung zusammenfassen;
- 3) der Kritik einzelner Schriften und der Polemik mit einzelnen Autoren.

In all diesen Fällen ist das Argumentieren der eigenen Stellungnahme unentbehrlich. Es ist in der Regel kontextuelle (theoretische) Argumentation [5: 163, 229–250]. Wir konnten folgende Arten dieser Argumentation in den Kommentaren feststellen:

- 1) Appellation zum gesunden Menschenverstand (des betreffenden Wissenschaftlerskreises): „Weder gibt es aber die Semantik, noch die Logik, die *reichhaltig genug* wäre, diese Probleme zu lösen“ [3, 60].

- 2) Appellation zum gesunden Menschenverstand und der wissenschaftlichen Tradition: „Es besteht weder durch das Selbstverständnis der Wissenschaftler (der gesunde Menschenverstand) noch durch den Inhalt der damaligen Wissenschaft als Philosophie (Tradition) ein unmittelbarer Zusammenhang zwischen Wissenschaft und Gesellschaft“ [3, 14].

- 3) Appellation zur Tradition: „Abgesehen davon, dass die semantischen Relationen *kraft einer Konvention* (Ausdruck der Tradition) im rein logischen Sinn bestehen“ [3, 42].

- 4) Appellation zur Intuition: „Es gibt Zwischenstufen und Vermittlungen zwischen individuellem und gesellschaftlichem Bewusstsein“ [3, 64].

- 5) Strategie der Systematisierung der wissenschaftlichen Erkenntnisse: „Wir stellen somit fest, dass es eine Ebene der Intentionalität von Sprachhandlungen gibt“ [3, 164–165].

Die empirische Argumentation ist ein anderer Typ [5, 169–170]. Dieser Typ wird durch folgende Strategien realisiert:

- 1) Explikation von Offensichtlichkeit einer Behauptung: „Offensichtlich gibt es für die sprachlichen Handlungen Bestimmungen, die für das gesellschaftliche Handeln im Ganzen gelten“ [3, 82].

- 2) Explikation von extralinguistischen Konventionen des kommunikativen Benehmens: „Wir gehen also davon aus, dass es typische kommunikative Situationen gibt“ [3, 88].

- 3) Appellation zu Beispielen: „Dies kann ich nur, weil es bei uns die mehr oder weniger genau fixierte Handlung der Entschuldigung gibt“ [3, 164].

- 4) Illustrationsstrategie, die eine Schlussfolgerung verdeutlicht [5, 177]: „... dass innerhalb dieser Gruppe ein besonderes Zusammengehörigkeitsgefühl existiert ...“ [3, 246].

Bei der Zusammenfassung der vorhandenen Erkenntnisse kommt meistens situative Präsentationsstrategie vor:

- 1) „Es lässt sich zusammenfassen, dass in der griechischen Antike zwischen Wissenschaft und Gesellschaft *kein unmittelbarer*, sondern *nur ein mittelbarer* Zusammenhang bestand“ [3, 15].

- 2) Im folgenden Satz beobachten wir die Kooperation dieser Adressatstrategie mit der Argumentationsstrategie von Explikation der Offensichtlichkeit: „Es zeigt anschaulich die semantische Komplexität des Zeichens, die in den heutigen formalen Semantiktheorien *durchweg fehlt*“ [3, 23].

- 3) Kooperation der situativen Adressatstrategie und Argumentationsstrategie von Appellation zum gesunden Menschenverstand: „Daraus folgt (Ausdruck der Zusammenfassung), dass es für ein und dasselbe Wort (Ausdruck der Argumentationsstrategie) *verschiedene* Regeln geben muss“ [3, 127].

- 4) Adressatstrategie der Echnichkeit: „d.h. es gibt so etwas wie eine praktische semantische Tätigkeit“ [3, 63]. (Die Schlussfolgerung aus der Theorie von Wittgenstein, worauf „d.h.“ hinweist — S.A.).

Bei der Polemik lassen sich folgende kommunikative Strategien finden:

- 1) situative Präsentationsstrategie: „*Die Verwechslung bzw. Identifizierung* von Vergegenständlichung und Verdinglichung findet sich zum Beispiel bei Maas“ [3, 228].

- 2) Kontextuales Argumentieren: Explikation von Offensichtlichkeit: „Wurden sie (regulative Regeln — S.A.) fehlen, verschwunden mit ihnen keineswegs (Ausdruck der Offensichtlichkeit) der gesellschaftliche Verkehr“ [3, 170]. (Polemik mit Searle — S.A.).

- 3) Appellation zum gesunden Menschenverstand: „Sie (Konventionen — S.A.) sind entweder vorhanden oder nicht“ [3, 156].

- 4) Appellation zur Tradition: „Sie (diese Freiheit — S.A.) besteht allenfalls (Ausdruck der Polemik) beim Philosophieren, nicht beim gesellschaftlichen Handeln“ [3, 156].

Es gibt mehrere Fälle der Kooperation von beiden Strategien, solche wie:

- 1) Appellation zum gesunden Menschenverstand und situative Strategie: „Es besteht nämlich zwischen der Verwendung unserer Wörter in der Sprache (Zeichen der ersten Strategie) und einem Kalkül *nicht eine bloße Analogie*“ [3, 116]. (Polemik mit Wittgenstein).

- 2) Appellation zu Beispielen und situative Strategie: „Ebenso muss man berücksichtigen, (Ausdruck der Polemik) dass es auch *zahlreiche* Handlungen gibt, die planlos getätigt werden“ [3, 228]. (Polemik mit Maas).

- 3) Appellation zur Tradition und situative Strategie: „... dass *zumindest* neben diesen *sogenannten* „Sachzwängen“ (Anführungszeichen als Zeichen der Polemik) gesellschaftliche Zwänge (Ausdruck der Tradition) *anderer Art* bestehen“ [3, 155]. (Polemik mit Lewis, Wunderlich, Schnelle).

- 4) Explikation von Offensichtlichkeit und situative Strategie: „Es gibt bei Wittgenstein eine ausgeprägte (Ausdruck der Offensichtlichkeit) Tendenz, den «subjektiven» (Anführungszeichen als Zeichen der Polemik) Faktor zu *eliminieren*“ [3, 119].

Wie im ersten Teil, ist der Gebrauch der Existenzsätze auch in diesem Teil durch die Hauptabsicht des Autors bedingt, freilich durch eine andere: die Abgrenzung eigener Stellungnahme.

Wir können demnach das Verhältnis von Absicht, Illokution, Intention und Funktion der Existenzäusserungen als eine Konsequenzkette darstellen: Absicht — Illokution (representative Sprechakte) — Intention (Informieren) — Funktion (Apperzeption) — Funktionale Äusserungsarten.

Referenz:

1. Юрина М. В. Коммуникативные стратегии партнёров в политическом интервью (на материале современной прессы ФРГ). – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2006. – 18 с.
2. Горбачёв Е. В. Семантические стратегии предвыборной коммуникации в ФРГ (на материале сообщений для прессы фракции ХДС/ХСС в Бундестаге 1998 г.). – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2001. – 18 с.
3. Braunroth M., Seyfert G., Siegel K., Vahle F. Ansätze und Aufgaben der linguistischen Pragmatik. – Kronberg: Athenaum Verlag, 1978. – 330 s.
4. Киселёв А. Ю. Адресные стратегии в научно-популярном дискурсе (на материале немецкого языка). – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2012. – 21 с.
5. Абачиев С. К., Делия В. П. Теория и практика аргументации. – М.: УРСС, 2004. – 350 с.

*Aukhadiyeva Zauresh Zhumbaevna,
Almaty Technological University,
Candidate of Philological sciences
E-mail: zauresh.59@mail.ru*

*Sagimova Aiyhankyz Sadvakasovna,
Almaty Technological University, Senior Lecturer
E-mail: aizhan.sagimova@mail.ru*

Locative meaning of prepositional and nominal combinations of German

Abstract: Locative meaning of the German language is expressed by the lexical means (these are individual words) lexical and grammatical means (nominal-prepositional and non-prepositional verbal-nominal combinations) and syntactic means (clauses) German prepositions in combination with nouns, representing various forms of space, capable to express the infinite.

Keywords: locative meaning, lexical and grammatical means, prepositions, noun, syntactic, space.

*Аухадиева Зауреш Жумабаевна,
Алматинский технологический университет,
Кандидат филологических наук, доцент кафедры
Государственного и иностранных языков
E-mail: zauresh.59@mail.ru*

*Сагимова Айжанкыз Садвакасовна,
Алматинский технологический университет,
Старший преподаватель кафедры
Государственного и иностранных языков
E-mail: aizhan.sagimova@mail.ru*

Локативное значение предложно-именных сочетаний немецкого языка

Аннотация: Локативное значение немецкого языка выражаются при помощи лексических (это- отдельные слова), лексико-грамматических средств (именно-предложные и беспредложные глагольно-именные сочетания) и синтаксических средств (придаточные предложения).

Предлоги в сочетании с именами существительными, представляющими различные формы пространства, способны выражать бесконечное разнообразие пространственной ориентации предметов.

Ключевые слова: локативное значение, лексико-грамматические средства, предлоги, существительное, синтаксис, пространство.

Локативное значение немецкого языка выражаются при помощи лексических (это-отдельные слова), лексико-грамматических средств (именно-предложные

и беспредложные глагольно-именные сочетания) и синтаксических средств (придаточные предложения). Перечисленные языковые средства, принадлежащие разным

языковым уровням, объединяются и образуют макрополе пространственности, имеющие в своем составе соответственно статическое и динамическое макрополе, однако каждый языковой элемент в рамках ФСП (функционально-семантическое поле) [13] локативности функционирует своеобразно, т. е. выполняет свою определенную семантическую функцию. Понятие «функция» определяется в ЛЭС [12] «как способность к выполнению определенного назначения, вместе с тем функция — результат функционирования, т. е. реализованное назначение, достигнутое в речи цель».

Выражая различные отношения между предметами и явлениями объективной действительности предлоги немецкого языка совмещают в своем семантическом содержании как грамматическое, так и лексическое значение [1; 2].

Если Москальская О. И. [3] подчеркивая функциональную сторону системы предлогов делает упор на грамматическое значение, то другие авторы доказывают, что предлоги имеют только лексическое значение [4; 5; 6; 7]. Противоречивые мнения лингвистов о соотношении лексического и грамматического компонентов в семантической структуре предлогов все еще находится в центре внимания, специалистов и вплоть до настоящего времени не получили своего однозначного решения. Мы поддерживаем компромиссную точку зрения, считая, что лексическое и грамматическое значения объединяются в семантической структурой предлогов, однако в определенных сочетаниях доминирующим значением может быть либо грамматическое, либо лексическое. Например: *Der Bleistift liegt auf dem Tisch am Fenster.* В данном примере предлог *auf* сочетаясь с существительным в дательном падеже, имеет лексико-грамматическое значение, в то время как чисто грамматическое (реляционное) значение указывает только на связь слов-форм в составе соответствующей конструкции. Например: *Die Werke von Goethe — Goethes Werke* (отношение принадлежности). Лексическое значение предлогов особенно проявляется в том случае, если они соединяются с автосемантическим словом. Например: *von links — von rechts, von hier — von dort.*

Анализируя специфику системы предложных отношений в русском языке В. В. Виноградов писал [4], «... что предлогов, выражающих значения времени меньше, чем предлогов с пространственными значениями». Исходя из данного высказывания можно предположить, что основное ядро немецких предлогов также составляют именно локальные предлоги. По подсчетам О. И. Воронковой [9], в немецком языке существуют 49 локальных предлогов, по данным А. Н. Шаранды [7] наиболее употребительными предлогами с пространственной семантикой являются 27, по мнению И. Шредера [8] — 36. Классифицируя немецкие предлоги по их семантическим особенностям В. Н. Съедин [6] выделяет в немецком языке 19 пространственных предлогов, а Г. Гельбиг [10] — 29, Т. Х. Текеев [11] — 27 и т. д. Такой значительный разбой в определении количества пространственных предлогов в немецком языке (49–36–29–27–19)

связан на наш взгляд с семантической структурой самих предметов, с соотношением сем локативности, с другими грамматическими и лексическими семами в условиях данного конкретного сочетания. Выделить набор сем во всей совокупности возможных сочетаний, значит описать специфические особенности предлогов как в плане содержания так и в плане выражения. Занимая важное место в формировании любого высказывания, предложно-именные сочетания с локальной семантикой определяются как лексико-морфологические и синтаксические построения, которые выражают наибольшее количество аспектов категории пространства в современном немецком языке.

Как уже было отмечено выше, предлоги соотносятся соопределены падежами в определенной форме и таким образом конкретизируют значение самих падежей. В этом случае говорят об управлении предлогов. Нужно подчеркнуть, что в немецком языке именно в зависимости от управления, предлоги могут обозначать направление или место действия. В начале мы остановимся на рассмотрении предложно-именных сочетаний со значением места, а затем со значением направления и перемещения.

При описании статических пространственных отношений немецкого языка, выражаемых при помощи предложных сочетаний в рамках определенного значения (местонахождение ориентируемого относительно ориентира), принимается во внимание классификация существительных с локальной семантикой, обозначающих различные формы пространства.

1) Выражение местонахождения ориентируемого относительно ориентира в горизонтальной плоскости

Уточнение месторасположения ориентируемого относительно ориентира на плоскости, т. е. на открытой местности реализуется сочетанием предлогов *in*, *an*, *auf* с дательным падежом существительных с пространственной семантикой. Например: *Dann schmoren die Passagiere in einem langen am Rande der Sahara.* *Das Erholungsheim befindet sich in einem wunderschönen Ort.* *Man liegt auf dem warmen Sand.* *Es liegt in einer Oase.*

Таким же способом выражается местонахождение ориентируемого относительно ориентира, в качестве которого, выступают различные виды ландшафта, земной, воздушной и водной среды. Например: *Im Kosmos waren sie jedoch vorher hoch nicht gewesen.* *Das Fräulein stand am Meere.* *Die Drossel sitzt in der Höhe.* *Da droben auf jenem Berge, da steht ein feines Schloss, da wohnen drei schöne Fräulein, von denen ich Liebe genoss.*

Местоположение людей и предметов на континентах, в странах и городах выражается конструкциями *in* + D, Например: *Wie bekommt man die Diamanten in Afrika?* *Sie leben in Frankreich.* *Mein Freund wohnt in Alma-Ata.*

Ориентация относительно краев, населенных пунктов, жилищ отражается в формах *an* + D., *auf* + D., *zu* + D., *bei* + D. Например: *... denn sie wollten einen einwöchigen Erholungsurlaub am Meer.* *Verbringen.* *Er wohnt bei Leipzig.* *Seine Großeltern bleiben zu Hause.*

Указание на месторасположение по отношению к ориентиру на закрытой местности осуществляется формами *in* + D., *auf* + D., Например: Wer füttert im Winter die Tiere im Wald? Auf Rotem Platz marschierten viele Schüler.

Контактное местонахождение предмета относительно ориентира передается при помощи предложных конструкций *auf* + d., *an* + D., *in* + D. Например: Die weiche Landung der Rakete auf dem Mond machte auf uns einen besonderen Eindruck. Im Gras lagen die Kinder. An der Wand hängt ein schönes Bild. Am Mai standen Walter und Aina zusammen auf der Tribüne.

Местоположение людей и предметов на относительно близком расстоянии от ориентира передается предложными конструкциями *an* + D., *bei* + D., *neben* + D., Например: Sie sitzen am Tisch. Das Kind stand beim Vater. Neben dem Vorstandstisch saßen zwei Politiker. Выражение относительно малого или большого расстояния до предела ориентира выражается предложениями *bis zu* + D., в подобных ситуациях дистанция может измеряться общепринятыми мерами длины. Например: Bis zum Dorf blieben hoch 15 km. Die Entfernung bis zur Mauer beträgt knapp 50 Meter.

Если два предельных расстояния определяются как точные границы, то в таких случаях употребляются формы *von* + D., *nach* + D. или *von* + D. + *zu* + D. Расстояние может определяться при помощи названия линейных единиц или существительных как (*Schritt, Meile* и т. д.). Например: Die Oberfläche Polens umfasst von Nord nach Süd 312 677 km. Vom Schlossplatz ist wohl nur ein Schritt zum Neva Kai. Характер определения расстояния между ориентируемым и ориентиром заключается в том, что это расстояние измеряется общепринятыми мерами длины. Данное значение выражается формой *von* + D. Например: Ein alter Schiffer stand ein paar Meter von der Mauer entfernt. Nur wenige hundert Meter vom Hofgarten entfernt sass ein gewisser Karl Schlesinger.

Значение пространственной близости или удаленности от ориентира как очень важное для человека в условиях пространственной перспективы имеет в немецком языке значительное количество вариативных выражений, где важная роль отводится именно различным предложным конструкциям, как это было показано выше.

Объективная ориентация возможна по отношению и так называемым фасадным предметам, имеющим лицевую сторону. В пределах этого значения выступают обычно сочетания *von* + D., *gegen* + A., *gegenüber* + D. Например: Sie stand vor dem Haus.

Противоположное значение имеет предложная конструкция *hinter* + D. в которой локализация предмета происходит относительно задней стороны ориентира.

Например: Der Garten liegt hinter unserem Haus. Hinter dem Gebirge lag das Meer.

Расположение относительно ориентира, имеющего линейное измерение, обозначается конструкцией *Akk* + *entlang*. Например: Den Weg entlang wachsen alte Linden. Den Korridor entlang stehen junge Soldaten. So kam ein Reiter die Strasse entlang.

Местонахождение объекта в промежутках, разделяющих два, ориентира, выражается в немецком языке обычно предложом *zwischen* в сочетании с дательным падежом существительного. Например: Der Fernseher steht zwischen dem Schrank und dem Tisch. Zwischen unserem kleinen Dorf und der Stadt gibt es keinen Weg.

Ориентация в промежутках, разделяющих несколько ориентиров реализуется конструкцией *unter* + D. Например: Er steht unter seinen Freunden. Er ging unter den Leuten auf und ab.

2) Выражение местонахождения предметов в вертикальной плоскости

Указание на местоположение предмета в верхней или нижней части вертикальной плоскости обеспечивается формой *über* + D и *unter* + D. В составе данных конструкции в основном выступают существительные, называющие вертикально расположенные предметы. Например: Über dem Eingang befand sich ein Wappen. Der Ball lag unter dem Bett. Ich fand es im Grase unter einem Baum.

3) Выражение местоположения объекта в объемном пространстве

Нахождение объектов, людей, животных в жилых и административных помещениях выражается сочетаниями *in* + D., *auf* + D., *an* + D. Например: 12 Wochen lag sie im Krankenhaus. Fr arbeitet als Eisengiesser auf der Werft. Sein Sohn studiert an der Hochschule.

В указании на место предмета или действия в границах пространства имеющего ограниченный замкнутый объем участвуют предложно-именные конструкции *in* + D., *auf* + D., *an* + D. Например: Die Kleider hängen im Wandschrank. Die Bücher stehen auf Regalen.

Таким образом, на основании вышеприведенных примеров мы приходим к выводу, что предлоги в сочетании с именами существительными, представляющими различные формы пространства, способны выражать бесконечное разнообразие пространственной ориентации предметов. Статическое макрополе локативности, состоящее из различных микрополей, в состав которых входят все перечисленные выше предложно-именные сочетания, получает в немецком языке дополнительное выражение при помощи синтаксических средств, которые уточняют пространственные представления.

Список литературы:

1. Прохорихин А. Б. О значении и синонимы первичных предлогов, обозначающих пространственные и временные отношения. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Калинин, 1974. – 25 с.
2. Admoni W. G. Der deutsche Sprachbau. – Leningrad, 1960.
3. Москальская О. И. Грамматика немецкого языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. – 394 с.

4. Виноградов В.В. Русский язык. – М.: Высшая школа, 1972. – 613 с.
5. Закарян А.Е. Семантика пространственных и временных предлогов в современном английском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1982. – 25 с.
6. Съедин Н. Предлоги немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1996.
7. Шаранда А.М. Сравнительная типология категории предлога. – Минск.: Наука и техника, 1981. – 230 с.
8. Schröder J. Zur Problematik der konfrontativen Beschreibung deutscher und polnischer Präpositionen in Adverbialen//Deutsch als Fremdsprache. – 1980. – 2. – S.70–78
9. Воронкова О.Б. К вопросу о системе выражения пространственных отношений в немецком и литовском языках//Контрастивная и функциональная грамматика. – Калинин. 1985. – С. 10–15.
10. Helbig G. Zur Rolle des kontrastiven Sprachvergleiches für den Fremdsprachenunterricht//Deutsch als Fremdsprache. – 1976. – 1. – S. 15–21.
11. Текеев Х.Д. Структурно-семантическая характеристика предлогов немецкого языка и послелогов карачаево-балкарского языков. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тбилиси, 1961. – 24 с.
12. Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва: «Советская Энциклопедия», 1990. – 682 с.
13. Бондарко А.В. ФСР в сопоставительном плане//Типы языковых общностей и методы их изучения. Тезисы//Все-союзной конференции по теоретическим вопросам языкознания. – М.: 1984. – 19 с.

*Bashmakova Irina Stepanovna,
Irkutsk State Technical University,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Faculty of Applied Linguistics
E-mail: bis61@mail.ru*

Categorization of mythical type knowledge by English idioms with anthroponym

Abstract: The article deals with the knowledge of mythical nature categorized by English idioms with proper name. The main directions of contextualization in terms of discourse are determined. Major categories of English idioms with anthroponym based on the myth types are defined. They are biblical, historical, folksy, bookish and Shakespearean myths. The terms “phraseologism” and “idiom” are defined as fully interchangeable.

Keywords: Paradigm shift, categorization, category, proper name, anthroponym, English idiom, phraseologism, mythological discourse, mythical type, cognitive center, symbolic meaning, contextualization, prototype.

Due to modern scientific research in the field of linguistics, scholars started to review the prevailing ideas about man and his role in the world. The periodic poles of knowledge rotation generates new methodological foundations of the science. When describing the dynamic of changes in linguistics, the term “paradigm shift” is used [1]. Active development of cognitive science denoted the determinism postulate rejection, as there was hard distinction between linguistic competence and language use, pro anthropocentric intentionality. Participating in acts of communication, the purpose of speaking is to understand the thoughts expressed by means of linguistic signs, accumulated in the form of meaningful, given in a certain system, data which are represented to our consciousness and form the basis of mental processes. Taking into consideration the fact that the information is delivered to person by different channels, it becomes clear that a person should be studied as a system by which such processes as mastering and accumulation of the received data as well as behavior, human activity should be described and explained in terms of “internal states”.

The purpose of this article is to consider the semantic relationships between anthroponym and other components

of English phraseological units in terms of the internal predication. The objective of this work is to substantiate the suggested categorization of English idioms on the types of myths in which phraseological contexts with anthroponym are components of mythological discourse. The topicality of the article is caused by increasing role of linguistic research aimed at studying the ways of mythological knowledge presentation in language and speech units.

Based on the Kant's idea [2], which postulates a modern man to be viewed as a unity of empirical and transcendental “I-for-myself” and “I-for-others”, we can observe that any empirical content knowledge occurs only in man and through him. And more, only in man this knowledge is justified, as it is exactly in man, a natural space of a living body is associated with the historic time of people's culture. The human peculiarity is the fact that man is not an inert object but he is able to unlimited self-awareness “cogito”. Simultaneously, man is a place of delusion and the source of intense appeal to knowledge and self-knowledge which makes man to be a human being [3]. Hence, the subject of numerous scientists' debate is the problem of man and history. During the structuralism

period, the idea of history as a continuous retrospective connection was lost. However, in the cognitive paradigm, the idea of the continuity of history becomes relevant. In order to learn to act in present and create a meaningful future, man has to understand his past. The history can't be redone, but it may be reconsidered. During the lifetime a person acquires information about the world, then, operates with it. This information is accumulated and fixed in language signs and symbols as proved by logic result, and form a knowledge base. The knowledge engrossed in signs and symbols is reflected in human mind adequately.

To determine the main directions of contextualization in terms of discourse within the framework of the cognitive linguistics, the semiotic aspect becomes of great significance. In the given article, idiomatic contexts with anthroponym are considered exactly as the mythological discourse components of symbolic nature [4]. Not few scientists indicated a mythological character of the context which expresses the knowledge about proper names in phraseologisms. A. F. Losev, the Russian philosopher, defines the world in which man lives as a mythical world. According to the great scientist approach in myth studying, any myth is a personal history given in words [5]. Hence, we can conclude that there is a myth, as a state of culture, there is a symbol, as a tool for expressing the state of this culture, and there is a name as a material covering to express this state. To illustrate the conclusion, given above, several examples with idiom (*as*) **rich as Croesus** are given.

1. From what he says, Cosmo observed, our friend Querini is **as rich as Croesus**, but dependent upon his father [6].

2. Royde wants to charter a yacht to hunt this monster and I thought it was a deal right up your street. You don't want to soak him, because although he is **as rich as Croesus** he hates being soaked. Charge him the top price you'd charge anybody else [6].

In ancient mythology, there is a legend about Croesus, a famous Lydian king, who possessed countless wealth and who "filled Delphi with the gifts of fabulous value" [7]. In the given examples, the anthroponym **Croesus**, which embodies a myth about a definite person who lived and had a great fortune, has a role of central component of the phraseological unit, the role of conservator of certain historical events. When compare the characters (Querini, Royde) with the legendary personality Croesus, it becomes evident to the communicants that the financial situation of those persons is more than fine. Thereby, there is a myth about the Lydian kingdom with its ancient culture, there is a proper name Croesus as a symbol of wealth and there is a tool as indicator of that wealth. The knowledge presentation in this way, gives the right to declare about the anthroponyms cognitive peculiarity when they are composed in idioms. By the personality, Croesus by name, the action "to possess great wealth" is attributed. This peculiarity is come out of the definite mythological context where the symbolic meaning of this proper name was formed and fixed. Further, in the fixed form, as a symbol of wealth, it becomes the Eternity World component (the term of A. N. Whitehead).

In this peculiarity of idiomatic semiosis, the egocentric, and more widely, anthropocentric language nature is reflected.

Language is the main form of knowledge about the world fixation which is reflected in categories. Category is a structure where the center (prototype) can be identified, i. e. mental formation, reflecting the conceptually important properties of our object representation and the periphery, a plurality of members, to varying degrees, correlating with the prototype. For English idioms analysis, prototypical semantic concepts are necessary as the theory of cognitive semantics distinction from other semantic theories is that it interprets meaning of words, taking into consideration the human factor as in reality cognition, so as in language knowledge analysis. Cognitive (prototypical) semantics is based on the meaning understanding by prototypical representations which define the features of categorization expressed in human perception. The central members of categories are used to represent the entire category. Thus, they make easy the recognition, memorization and assimilation of the category members, creating the basis for generalizations in some situations. To prove the statement, some examples with idioms *Hobson's choice*, *not to know sb. from Adam*, *Barmecide feast*, *a banquet of Lucullus* are illustrated.

1. *Hobson's choice* means the absence of choice (myth about a man, Hobson by name, who kept a livery stable in Cambridge in the XVI century and obliged his clients to take only the closest to the exit horse).

Apparently he did not even trouble to acknowledge a very gracious epistle from Richard giving him **the Hobson's choice** of going to the Egypt expedition as second-in-command or returning to Mysore [8].

The reader's attention is focused on the characterization of Richard, who has a strong character and common sense. In his written polite message, that can be proved by the words: a very gracious, epistle, fascinate, Richard offered the client "choice" with zero value. Obviously, the choice qualifier is the anthroponym *Hobson*, which comprises in its prototypical content internal predication of the event, viz. the legend about Hobson (the person). The process of mythologization made the proper name Hobson transit from the World of Activities to the World of Eternity, turning it into a symbol, a language unit. Thus, the proper name *Hobson* is the center of categorization or the central member of the idiom *Hobson's choice*, as the prototypical event "choice without alternative" can be expressed only by the anthroponym *Hobson* inclusion in the English idiom *Hobson's choice*.

2. *Not to know sb. from Adam* — to know nothing or very little about sb.

Colonel Melchett was an irascible-looking man with a habit of tugging at his short red moustache. He did so now, shooting a perplexed sideways glance at the other man. Finally Colonel rapped out, "Look here, Bantry; got to get this off my chest. Is it a fact that **you don't know from Adam** who this woman is?" The other's answer was explosive, but the chief constable interrupted him, "Yes, yes, old man, but look at it like this: Might be deuced awkward for you. Married

man, fond of your missus and all that. But just between ourselves, if you were tied up with this girl in any way, better say so now" [9].

The verbal component of the English idiom *not to know smb. from Adam* can't be the central member of the category, as it has too wide informative field: not to make a difference, not to be distinguished from others, be indifferent. The cognitive center of this idiom is the anthroponym *Adam*, representing mythological knowledge about the first person in the world, who didn't have any identifying properties but give idea about a human being generally. Hence, the knowledge comprised in the prototype *Adam* means to know nothing about somebody. The anthroponym *Adam* presence in the given idiom transforms the time factor (since immemorial time, since the first human) into the intensity factor (no idea).

3. *Barmecide feast* — imaginary abundance.

One might fancy the season over, and most of the houses gone out of town for ever with their masters. To the admirers of cities it is *a Barmecide Feast*; a pleasant field for the imagination to rove in; a monument raised to a deceased project, with not even a legible inscription to record its departed greatness [10].

4. *A banquet of Lucullus* — a variety of dishes, the meal luxury.

The tomato soup, the mysterious little pieces of white fish, the boiled mutton, the blackberry and apple tart, were transformed by their histrionic gusto into *a banquet of Lucullus*... [8].

The comparison of the two idiomatic contexts based on the words a feast/a banquet with identical meaning are extremely illustrative. In the first example, the description of New York, the city with glittering lights, with luxury for those who are in power, on the one hand, and its splendor, meaning nothing to the average man, on the other. The second example, vice versa, proves the craftsmen culinary ingenuity as they are able to turn trivial ingredients into delicious dishes.

The idioms meaning is characterized by the relations of antonymous nature thanks to the information comprised in the anthroponyms *Barmecide* and *Lucullus*, viz. by the myth

about a rich person, *Barmecide* by name, who invited the poor to have dinner with him, but ordered to serve plates, painted gold, empty; and by the myth about the ancient Roman richer *Lucullus*, whose feasts are famous for their unusual luxury. Thus, the cognitive centers of the given idioms are the anthroponyms *Lucullus* and *Barmecide*. This knowledge is of mythological nature. Each proper name has its myth (the myth of *Lucullus*, the myth of *Barmecide*). However, the myth, in its turn, is always a symbol (a symbol of the first man, a symbol of wealth, a symbol of an imaginary abundance).

In phraseological units, anthroponym being a symbol is a single, unique predicate. Thus, the idiom is endowed with the properties of symbolism on the one hand, and predicativity, on the other. The symbolic status is fixed by unique context formation where the definite prototypic situation is observed.

However, myths are different. According to proper names relevance to different categories, English idioms with the component anthroponym are distinguished into: folksy myths (cousin Betty; a plain Jane; a proper Charlie and others), the biblical myths (as old as Methuselah; a Judas kiss, and others), literary myths (a Barmecide feast; Aladdin's lamp; the Cinderella of and others), historical (a banquet of *Lucullus*; a Roland for an Oliver; Pandora's box; Achilles' heel, and others) and Shakespeare's myths (Cordelia's gift; to be a Shylock and others) [4].

The sources of origin of English idioms with proper names can be the basis of the categories as anthroponym is the cognitive center of these idioms.

Conclusions:

1. It is the human mind where the objects categorization occurs. The anthroponym in idioms defines the direction of the categorization;
2. The world we perceive by intentions is the world of myths. Myth is a live and active person. Myth is always based on facts. Any proper name in English idioms can be interpreted as myth;
3. On the basis of myth types to which English idioms date back, five major categories are defined: idioms with anthroponym in folksy, historical, biblical, literary Shakespeare's myths.

References:

1. Kuhn T. S. The Structure of Scientific Revolutions. – Chicago: Chicago Univ. Press, 1970. – 210 p.
2. Кант И. Критика чистого разума. В 5-ти т. Т. 1. – М.: Мысль, 1972. – 582 с.
3. Фуко М. Слова и вещи. – СПб.: А-сэд, 1994. – 406 с.
4. Башмакова И. С. Когнитивные аспекты антропонима в составе английской идиомы. – Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 1998. – 180 с.
5. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. – М.: Мысль, 1994. – 919 с.
6. Oxford English Dictionary. – Oxford: Univ. Press, 1984. – 769 p.
7. Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян. – М.: Мысль, 1996. – 933 с.
8. Kenkyusha. Dictionary of Current English idioms. – Tokyo, 1969. – 849 p.
9. Christie A. Death on the Nile. – New York: Bantam Books, 1987. – 277 p.
10. Dickens Ch. Hard Times. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1952. – 335 p.

Dabyltayeva Raikhan Esbergenovna,

Candidate of pedagogical sciences

Sadykova Aida Kenesbekovna,

Candidate of pedagogical sciences

Aushakhman Assel Talgatovna,

MA in Translation studies,

University of Foreign Languages and Business Career,

Kazakh National University named after Al-Farabi

E-mail: assel.sadyk@gmail.com

Corpus-based translation tools: a new paradigm in translation

Abstract: The article analyzes the possibilities to optimize the translation process using modern methods of using the system of language corpus. Corpus Internet technologies can be used effectively in teaching translation, as well as in educational and methodological work of the teacher of higher education institution. The ability to access the meaning of the word in its contextual use is provided by systems of the language corpora, which are seen as a necessary complement to the translator toolkit to enhance and develop the translation competence. The advantages of concordances, translation memory programs, which are to improve the productivity of a translator's work are considered.

Keywords: language corpora, concordance, context, translation, translation memory, teaching translation, TM-program.

Introduction

In modern society the important role is played by computer technology, which penetrates into the sphere of human activity, forming a global information space. The computerization of the translation process was one of the most important problems from the beginning of information technologies application in science. The dream of creating an automatic machine translation did not leave scientists from the beginning. The introduction of computer tools in the process, is initially focused only on the man, his ability to selecting appropriate option at the level of experience and sense of style, requires special attention to detail and technology. These successes are dependent primarily on the achievements in the study of human thought and verbal communication skills of engineering-linguistic modeling of these processes. Nowadays it is impossible to imagine the work of a translator without a personal computer that is used for the actual translation and to address related problems, for example, to search for background information and learning the terminology.

The capabilities of corpus in teaching translation

The resources such as electronic dictionaries, encyclopedias, reference books have replaced the paper-based counterparts. The main advantage of digitized resources is to simplify and accelerate the work with them, which contributes to the rapid development of resources for linguists and translators in particular.

Nowadays, many scientific experiments are carried out in line with the corpus linguistics, whose goal is the study of the process of translation. Prominent in this area are the works of M. Wilkinson, V. N. Shevchuk, N. V. Vladimova and R. K. Koshkin, where the corpus of electronic texts is seen as a means of identifying and addressing the factors that led to

the set of "negative effect" associated with the "inauthenticity" of the translated discourse.

"Corpora made up of specialised texts can be a useful source of terminology and content information. In the classroom, comparable corpora can be used to confirm translation hypotheses and to suggest possible solutions to actual translation problems related to a specific text. They can also provide a means to investigate similar domains or subdomains across languages. A specialised comparable corpus can offer information about terminology and concepts, and about the attestedness of expressions within a certain context" [1].

The corpus of texts is characterized by four basic parameters: 1) it must be of a sufficiently large volume; 2) it should be structured or marked up; 3) the texts that make up a definite corpus should be in electronic form; 4) the concept of "electronic corpus" is, as a rule, special software to work with this corpus. The value of the corpus is defined as follows:

- corpus shows language data in their real environment that allows to explore the lexical and grammatical structure of the language, as well as continuous processes of language changes over a certain period of time;
- corpus is characterized by representative, or a balanced composition of the texts, it can be used to test the search machine, morphology, translation systems, and use it in various linguistic studies;
- corpus is essential to teaching of translation, as it can quickly and efficiently check the features of the use of an unfamiliar word or grammatical form.

The effectiveness of information retrieval in the corpus depends on special software — the so-called corpus-managers, or concordancer-programs. The space of electronic text

corpora has enabled the effective use of electronic concordances, which offer the perspectives of modeling language picture of the world. Concordance is a specialized language application program, through which the sample is automatically given language units of electronic texts [2, 77]. Thus, concordance to a corpus is a list of word tokens, elements of the corpus, with reference to all contexts. The differences between the dictionaries and concordances are in representativeness, orientation on invariant, semantic or grammatical analysis.

The function of concordance can be compared with the function of search in the text editor, but the capabilities of the concordance are much greater: it analyzes not one, but several texts or corpus of electronic texts at one time. Depending on the technical capabilities concordance can provide information about the frequency of use and compatibility of a given

language unit, but also enables to access a specific text, in which the example was found.

In other words, concordance is a “program that allows analyzing large amounts of texts in order to detect patterns of use of words and expressions in the language. Concordance-program searches the requested word in the corpus and produces a new window with a few fragments of sentences from different texts where the word or phrase is used. From the results of the corpus search the meaning of the word out of context, and an analysis of its use in the language can be obtained. The search results can be used to clarify the usage and elimination of rules for the use of certain words and phrases in the language, as well as for the study of the grammatical structure of the language” [3, 12–13].

Picture 1 shows the window of search results from program Concordance 3.3 for the word *heart*.

Pic. 1.

The translator, who has access to the corpus, can see all the examples of words and phrases from the millions of words of text in a few seconds. Not limited (constantly developing) monitor corpora play a huge role in the structure of the dictionary, as they allow to follow the new words, piercing the language, or a pre-existing words to change their meaning or balance their use in accordance with the style. The method of presentation and storage of corpus texts are based on modern computer technology of data storage and processing.

The corpus of texts can be considered to be one of those means, the use of which in certain cases should be referred to a necessary condition for analysis of linguistic phenomena. For example, modern electronic corpus contains hundreds of millions of word tokens, which allows us to speak about their viability in terms of the language competence.

N. V. Vladimov notes that the “basic procedures that are available to the researcher in the analysis of corpus include:

- search for the specified words, phrases in the corpus;
- display of search results, taking into account the features of a specific field;

- counting the number of examples of use of the word in the corpus;
- sorting of search results based on the required parameters.

All these procedures are carried out quickly and accurately by a computer program of concordance compilation (searching for equivalents), which allows researchers to quickly and accurately find what they need” [4, 26].

At this point in the wide popularity acquires the possibility of using the Internet as the corpora of the texts. This became possible after the on set of online web-concordancers, the so-called «Web as well Corpus». This resource has a number of disadvantages, and it is less effective than thematic corpora working in an autonomous regime. However, given the shortage of time and lack of specialized corpora ready online-concordancers can be a source for reliable linguistic information.

Virtual (specialized) corpus is a vast in terms of volume on specific topics, specially composed to find certain linguistic information text selection for the translators. The texts are taken from various sources (periodicals, encyclopedias, the Internet) in a strictly defined category and always presented in an

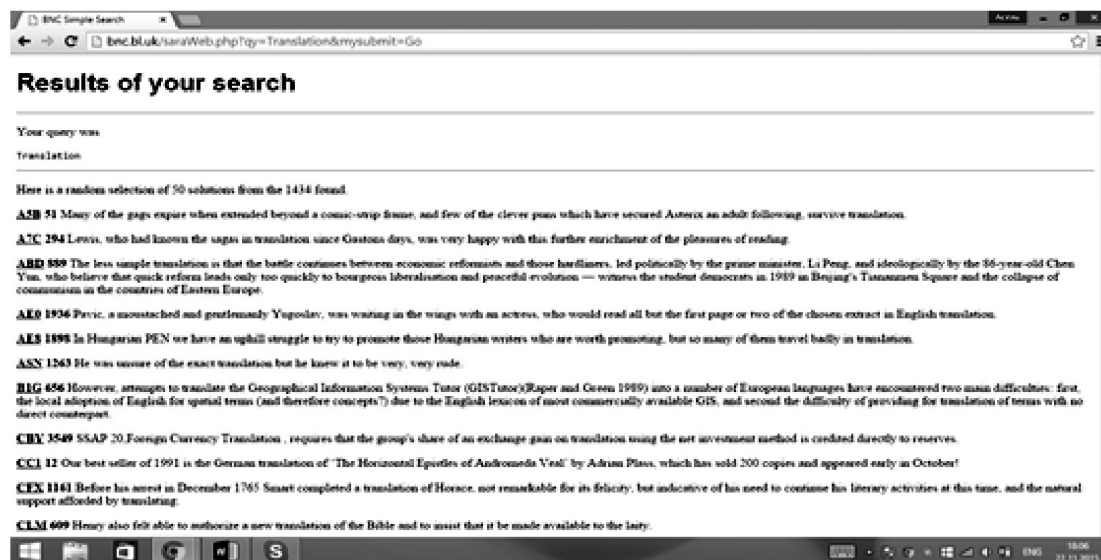
electronic form. We can say that virtual corpora produced by a translator on specific topics may help him in the following cases:

- to define the lexical and grammatical compatibility of words;
- to select from several options lexical equivalent of the original word, offered in different dictionaries or the Internet;
- to validate the decisions intuitively selected by the translator;

- to find additional encyclopedic information on the subject;

- to find terminological doublets, antonyms, holonyms, meronyms, identifying names and definitions of terms [5, 52–57].

Picture 2 shows an example of the search results of the word **translation** in the Web-based version of “British National Corpus.”

Pic. 2.

Many researchers in the field of corpus linguistics point out that the corpus gives the translator the opportunity to actually navigate the language and solve a certain number of linguistic and extra-linguistic problems in the translation process. V.N. Shevchuk notes, «This is a powerful and reliable electronic resource, in practice replaces the actual native speaker, and becomes the so-called “virtual native speaker”, the use of which, no doubt, contributes to the quality of translation. The corpus gives a clear idea of the lexical, grammatical, stylistic, spelling and punctuation rules, operating in a modern language» [5].

Conclusion

In the objectives of teaching translation corpus of texts can be seen as abstract information and provide samples of professional translation in the study of methods and techniques of translation. An analysis of text corpora, the methods of corpus linguistics and achievements are a promising direction in the field of teaching foreign languages and translation. The world practice of development in this field proves their effectiveness. The toolkit of working with words and

expressions the proposed by the corpus creates additional opportunities for saving the translator's time in finding the equivalents and contributes to the accumulation of knowledge of communicative-heuristic character, allowing the translator to cognize the language in a complex way, with the context, that is an effective strategy to address translation problems.

We believe that the corpus is more convenient and reliable means in comparison with dictionaries for several reasons. First, the corpus of texts is not a set structures as traditional dictionaries, but is constantly updated database. With it translator is able to keep up with the latest trends in the development of language-based analysis. Secondly, the corpus is a vast source of wordtokens than a dictionary due to the fact that it is much larger in volume, and the information about the word, which can be obtained from the corpus, is more objective and accurate. Thirdly, work with the corpus is much easier than with the dictionary. The corpus is placed on computer, which is currently part of work place of a translator. By means of simple manipulations the translator in a few seconds is able to get the needed linguistic information.

References:

1. Pearson J. Teaching Terminology using Electronic Resources. S. Botley, J. Glass, T. McEnery and A. Wilson (Eds). Proceedings of Teaching and Language Corpora. – UCREL technical Papers, Lancaster: UCREL, 1996. – P. 203–216.
2. Bovtenko M.A. Computer Linguodidactics: Textbook/A. Bovtenko. – M.: Flinta Science, 2005. – 216 p.
3. Sysoev P.V. Foreign languages at school. – M.: LLP “Methodological mosaic”, 2010. – Vol. 4. – P. 12–13.
4. Vladimov N.V. Hull approach to solving the problems of translation: On a material of translation from Russian into English: the dissertation ... the candidate of philological sciences: 10.02.19. – Moscow, 2005. – P. 26.
5. Shevchuk V. Electronic resources of an interpreter: Help for a beginner translator. – M.: Librayt, 2010. – P. 45–57.

*Lyubymova Iuliia Serhiivna,
Kyiv national linguistic university,
postgraduate student, Department of Eastern philology
E-mail: julia_lyubimova@mail.ru*

Potential complement as the core zone of functional-semantic microfield of potentiality in modern Chinese

Abstract: The article touches upon the issue of the peculiarities of the core zone of functional-semantic microfield of potentiality. The article focuses upon the potential mood as the core zone of the mentioned microfield in modern Chinese.

Keywords: Functional-semantic field, modality, potential mood, potential complement.

*Любимова Юлия Сергеевна,
Киевский национальный лингвистический университет,
аспирант, Кафедра восточной филологии
E-mail: julia_lyubimova@mail.ru*

Потенциальное наклонение глагола как доминанта субполя возможности в современном китайском языке

Аннотация: В статье представлен обзор особенностей центра функционально-семантического поля возможности, а также проведен анализ особенностей потенциального наклонения в китайском языке в качестве доминанты данного субполя.

Ключевые слова: Функционально-семантическое поле, модальность, потенциальное наклонение, дополнительный член возможности.

Одним из наиболее сложных для анализа семантических категорий является категория модальности, а именно средства и способы ее реализации в современном языке.

Мы считаем, что наиболее полное изучение категории модальности возможно на основе метода функционального анализа, а также моделирования функционально-семантического поля (ФСП) модальности — полевой структуры, состоящая из разноуровневых элементов языка, связанных на основе общности функции. Мы исходим из принципа единства структурных и функциональных аспектов грамматики, ее системно-языковых и речевых элементов, что позволяет исследовать систему закономерностей функционирования языковых средств, реализующихся в процессах мыслительно-речевой деятельности [1, 293].

ФСП модальности относится к ФСП с предикативным ядром и характеризуется усложненной структурой и представляет из себя комплекс ФСП (субполей) с указанным содержанием, которые не просто «соседствуют» друг с другом, они накладываются друг на друга, а также находятся в мотивированных взаимосвязанных отношениях [2, 122]. Мы понимаем ФСП как функциональное единство центра (элемента, который наиболее специализированно отображает данный смысл) и периферии (элементов с факультативным числом данных семантических признаков). Одной из главных задач, таким образом, является моделирование субполей с учетом выделения центра (доминанты) и периферии.

Исследования центра ФСП. Проблематика «ядра» и «периферии» стала объектом исследования таких ученых, как В. В. Виноградов, Е. В. Гулыга, Е. В. Шендельс, В. Г. Адмони, М. М. Гухман, А. В. Бондарко и другие.

В. Г. Адмони трактует центр как сердцевину, которая образуется при помощи оптимальной концентрации всех признаков, которые содержит данный элемент [3, 49].

Е. В. Гулыга и Е. В. Шендельс определяют доминанту как конститuent, который наиболее специализированно выражает данное значение, передаёт его наиболее однозначно, а также систематически используется [4, 10].

Подобное понимание ядра находим и у А. В. Бондарко, который указывает на следующую совокупность признаков, которыми должен обладать центр ФСП: максимальная концентрация базисных семантических признаков; проявление максимального количества оппозиций; наибольшая специализированность в проявлении указанных семантических функций; функционирование в языке на регулярной основе [5, 18].

На примере анализа доминанты субполя возможности в китайском языке мы исследуем особенности ее реализации в речи. В свое время вопросами грамматической системы занимались такие выдающиеся лингвисты, как Люй Шусян, Ван Ляо-И, Гао Минкай, Ли Цзиньси, Лю Шижун, Чжу Дэси, Чао Юаньжэнь, Хуа Линь, Чжао Юньпинь, Чжу Шеньци, Тань Аошуан, Хуан Шуин, Н. В. Солнцев, С. Е. Яхонтов, А. А. Драгунов. Проанализировав некоторые из работ вышеуказанных авторов, мы делаем вывод,

что в китайском языке доминантой субполя возможности выступает категория потенциального наклонения глагола — 可能式 — *kěnéng shì*. Наклонение понимается нами как грамматическая категория, эксплицирующая способ регулирования субъектом речи его коммуникативно-информационного взаимодействия с адресатом [2, 90].

Таким образом, **предметом** представленной статьи является субполе возможности в составе макрополя модальности в китайском языке. **Цель** статьи — анализ особенностей потенциального наклонения в китайском языке в роли доминанты субполя возможности.

Особенности потенциального наклонения в китайском языке. С. Е. Яхонтов [6, 154], исследуя вопросы возможности и невозможности совершения действия в китайском языке, указывает, что это значение, помимо модальных слов, также реализуется особой глагольной формой которая, по мнению А. А. Драгунова, является единственным существующим в китайском языке наклонением глагола [7, 21].

Люй Шусян в своей работе [8, 211] анализирует значение возможности, которое помимо прочих показателей реализуется инфиксом 得 *dé*, совмещающим в себе значение таких модальных глаголов, как 可 *kě* и 能 *néng* — мочь; быть в состоянии что-либо сделать. Ван Ляо-И, исследуя 能源式 — *néng yuán shì* — потенциально-волевое наклонение, так же помимо ряда модальных глаголов, входящих в его состав, выделяет дополнительный член возможности действия с инфиксом 得/不 (*dé/bù*) как показателя потенциального наклонения [9, 106].

Подробное описание потенциального наклонения предлагает Чао Юаньжень [10, 210–212]. Мы согласны с его утверждением о том, что потенциальное наклонение в китайском языке реализуется при помощи 可能式补语 — *kěnéng shì bǔyǔ* — дополнительного члена (комплемента) возможности/невозможности (вероятности) действия у глаголов: выражается при помощи суффикса 得 *dé*, отрицательной формы 不得 — *bù dé*; при помощи инфиксов 得 *dé*/不 *bù* для реализации значения возможности/невозможности совершения действия соответственно в сложных словах с дополнительным членом направления (趋向补语 — *qūxiàng bǔyǔ*) либо результата действия (结果补语 — *jiéguǒ bǔyǔ*), а также с «пустым» комплементом (傀儡补语/虚补语 — *kuǐlěi bǔyǔ/xū bǔyǔ*). Рассмотрим каждый из вышеуказанных способов отдельно. Заметим прежде, что грамматическое описание может иметь функциональный характер и при подходе от формы к содержанию, таким образом, в центре внимания находятся значения грамматических форм и закономерности их функционирования [1, 298].

При суффиксации глагола элементом 得 *dé*, образуется сложное слово, которое выражает возможность совершения какого-либо действия. Например, 做得 — *zuòdé* — быть в состоянии сделать, 写得 — *xiědé* — быть в состоянии написать, 懂得 — *dǒngdé* — быть в состоянии понимать. Обычно такого рода сложные слова передают

пассивное значение, например, но также могут передавать активное состояние [10, 211].

Отрицательная форма строится при помощи 不 *bù*: 吃不得 — *chībude* — не мочь есть, 走不得 — *zǒubude* — не мочь идти. У некоторых сложных слов отрицательная форма является основной, в то время как утвердительная является обратной производной. Например, 见得 — *jiàndé* — видеть (мочь видеть) является обратной производной формой от 见不得 — *jiànbude* — не мочь видеть. Чаще всего утвердительная форма используется в риторических вопросах и не часто употребляется. Например: 他还走得吗? 我累得站不住。 — *tā hái zǒubude ma? Wǒ lèi de zhàn buzhu.* — Он все еще можешь идти дальше? Я так устал, что уже с ног валюсь.

Стоит отметить, что отрицательная форма может также образовываться путем присоединения к глаголу отрицательного наречия 不 *bù*: 舍得 — *shěde* — быть в состоянии отказаться сделать что-то, быть готовым пойти на ...; 舍不得 — *shěbude* = 不舍得 — *bù shěde* — не быть в состоянии расстаться; жаль сделать что-то.

Стандартной формой потенциального наклонения можно назвать форму, образованную от сложного слова с дополнительным членом результата действия (结果补语)/направления действия (趋向补语) путем инфиксации элементами 得/不. Таким образом, сложный глагол в потенциальном наклонении несет в себе значение вероятности, возможности выполнения данного действия. Формула следующая: гл. + 得/不 + 结果补语 (доп. член результата)/趋向补语 (доп. член направления). Например:

这件事她做得完吗? — 恐怕做不完, 这个学期她几乎都没空儿。 *Zhè jiàn shì tā zuò dé wán ma? — Kǒngpà zuòbùwán, zhègè xuéqī tā jīhū dōu méi kòngr.* — Она сможет закончить это дело? — Боюсь, не сможет, в этом семестре у нее почти нет свободного времени.

Объект при глаголе в потенциальном наклонении может располагаться непосредственно после комплемента возможности, а также в начале предложения в инвертированном положении (усложненное определением дополнение). Кроме того, дополнительный член возможности не может оформляться наречием, так как указывает не на то, как именно совершается действие, а на саму возможность/невозможность совершения этого действия. Сравните:

1) 这件事你做得不太好。 — *Zhè jiàn shì nǐ zuò dé bú tài hǎo.* — С этим делом ты справился не совсем хорошо.

2) 这件式你做不好, 让我做吧。 — *Zhè jiàn shì nǐ zuòbùhǎo, ràng wǒ zuò ba.* — Ты с этим делом не справишься, давай я сделаю.

Следует отметить, что вопросительная форма предложений с модальностью возможности, выраженной глаголом в потенциальном наклонении, образуется при помощи вопросительной частицы 吗 *ma*, а также при помощи утвердительно-отрицательной формы вопроса. Например, 你看得懂吗? — *nǐ kàn dé dǒng ma?* / 你看得懂看不懂? — *nǐ kàndédǒng kànbudǒng?* — Ты понимаешь?

Одной из форм потенциального наклонения также является присоединение к основному глаголу так называемых «пустых» комплементов 傀儡可能补语/虚补语 (*kuǐlěi bǔyǔ/xū bǔyǔ*) — 了 *liǎo*, 来 *lái* [10, 210]. Некоторые лингвисты соотносят его со стандартной формой, указывая эту как один из видов. Пустой дополнительный член не несет в себе конкретного значения, а просто дает возможность глаголу перейти в форму потенциального наклонения [11, 8]. Формула следующая: гл. + 得/不 + 了/来. Например, 箱子太重了, 我拿不了。 — *Xiāngzi tài zhòngle, wǒ nábuliǎo*. — Чемодан слишком тяжелый, я не смогу поднять.

文章太长了, 两天写不来。 — *Wénzhāng tài chángle, liǎng tiān xiěbulái*. — Статья очень длинная, за два дня я не смогу написать.

Ставится под сомнение соотношение 来 с разрядом «пустых» комплементов, так как 来, по мнению некоторых специалистов, не несет в себе оттенка возможности, не указывает на субъективную оценку говорящего, а всего лишь на умение человека как таковое, является аналогом 会 *huì* — уметь что-либо делать [11, 9]. Например, 这首歌她唱不来。 = 她不会唱这首歌。 — *zhè shǒu gē tā chàngbulái*. = *tā bù huì chàng zhè shǒu gē*. — Она не умеет петь эту песню.

В утвердительных предложениях к глаголу в потенциальном наклонении также может добавляться модальный глагол 能 *néng*, тем самым усиливая и подчеркивая возможность действия. 这件事你能做得好。 — *zhè jiàn shì nǐ néng zuòdehǎo* — Ты точно сможешь справиться с этим делом. Однако в отличие от формы 不能/不可以 ... глагол в потенциальном наклонении в отрицательной форме не несет значение того, что действие должно прекратиться, либо запрещено. Например, 你不能/不可以进去。 — *nǐ bù néng/bù kěyǐ jìn qù*. — Ты не можешь войти (нельзя). 你进不去。 — *nǐ jìnbuqù*. — Ты не сможешь войти (не пройдешь).

Стоит также упомянуть об особой форме 词汇性的可能补语 — *cíhuì xìng de kěnéng bǔyǔ* — вербализированный комплемент возможности, который, в отличие от большинства сложных глаголов, переходящих в форму потенциального наклонения посредством инфиксации, в основном или же в принципе существует лишь в форме потенциального наклонения [10, 212]. Например, 来得及 — *láidejí* — успевать, 来不及 — *láibují* — не успевать (来及 не существует), 犯得着 — *fàndezháo* — стоит ли того? (в рит. попр.), 犯不着 — *fànbuzháo* — не стоит делать (犯着 не существует) [10, 212], а также, существующие исключительно в отрицательной форме 恨不得 — *hènbudé* — так и хотелось бы, жаль, что невозможно, 巴不得 — *bābudé* — так мечтать (хотеть), ждатель не дожидаться, не терпится [12, 39].

Очевидно, что рассмотрение грамматических единиц в контексте ФСП расширяет рамки грамматики. Основой такого анализа является соотнесенность системно-категориальных аспектов грамматики с речевой деятельностью говорящего, которая особенно четко проявляется в том, что при анализе языкового материала принимается во внимание интенциональность грамматических значений — та или иная степень связи с намерением говорящего [1, 295].

Мы делаем **вывод**, что потенциальное наклонение глагола в китайском языке, выражаемое дополнительным членом (комплементом) возможности/невозможности совершения действия, максимально концентрирует в себе значение модальности возможности, содержит базисные семантические признаки данной модальности, а также наиболее специализированно отображает данное значение в грамматической форме.

Перспективы дальнейших исследований заключаются в изучении периферии поля возможности и анализе связи этого субполя с другими субполями в составе макрополя модальности.

Список литературы:

1. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований/Бондарко А. В. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 736 с.
2. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность./Бондарко А. В., Беляева Е. И., Бирюлин Л. А. и др. — Л.: Наука, 1990. — 263 с.
3. Адмони В. Г. Основы теории грамматики/В. Г. Адмони. — М., Л.: Наука, 1964. — 106 с.
4. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке/Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. — М.: Просвещение, 1969. — 184 с.
5. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры/Бондарко А. В., Ахапкина Я. Э., Воейкова М. Д. и др. — СПб.: Наука, 2005. — 478 с.
6. Яхонтов С. Е. Категория глагола в китайском языке/С. Е. Яхонтов. — Л.: Из-во Ленинградского ун-та, 1957. — 179 с.
7. Драгунов А. А. Исследования по грамматике китайского языка/А. А. Драгунов. — М., Л.: Издательство АН СССР, 1952. — 230 с.
8. Люй Шу-сян. Очерк грамматики китайского языка. Часть первая. Категории/Шу-сян Люй. — М.: Наука, 1965. — 349 с.
9. 王力. (1986) 文集. 第二卷. 中国现代语法, 山东教育出版社. 页数: 568.
10. Chao, Y. (1968) A grammar of spoken Chinese, Berkeley & Los Angeles: U. of California Press. 380 p.
11. 柯理思. (2001). 从普通话里跟得有关的几个格式去探讨方言类型学, 语言研究, 2 期. 7–18 页.
12. Прядохин М. Г., Прядохина Л. И. Краткий словарь трудностей китайского языка. Учебный словарь-справочник/М. Г. Прядохин, Л. И. Прядохина. — М.: Муравей, 2002. — 464 с.

Rahimova Sarafat Matjusupovna,
UrSU, Deutschlehrerin an der Fakultät der Fremdsprachen
Husinova Laylo Nasarbaj kisi,
UrSU, Studentin des 4. Kursus der deutschen Abteilung
E-mail: zarahim@bk.ru

Grundlagen der Kommunikationsmöglichkeiten

Abstrakt: In diesem Artikel geht es um die Sprache als Kommunikationsmittel. Wie man sie richtig einsetzen kann, um Missverständnisse zu vermeiden.

Stichwörter: Kommunikation, Mitteilung, Wirkung, Gesprächspartner, Signale, Zustand, Verständigung, Missverständnis.

Was ist Kommunikation? Kommunikation bezeichnet den Informationsaustausch zwischen Personen und ist eine grundlegende Notwendigkeit menschlichen Lebens, Beziehungen schafft und verändert. Die Kommunikation von Mensch zu Mensch ist von großer Bedeutung, man muss zunächst wissen, welche Einzelfaktoren wichtig für die Kommunikation sind und welche Wirkung sie auf den Einzelnen haben. Kommunikation bedeutet Verständigung, Mitteilung/Information, Interesse, Austausch.

Die akustischen, visuellen und kinestetischen (erfühlbaren) Signale vom Menschen müssen im Gedächtnis behalten werden. Kommunikation erfolgt generell in drei Schritten, wobei die nachfolgenden Schritte immer auf den vorhergegangenen aufbauen.

Der erste Schritt der Kommunikation beginnt mit dem Äußern einer Mitteilung. Dabei ist darauf zu achten, dass unser Gesprächspartner auch tatsächlich hört, was wir ihm mitteilen möchten.

gesagt ist noch nicht gehört

Der zweite Kommunikationsschritt beginnt damit, dass unser Gesprächspartner vernommen hat, was wir ihm mitteilen wollten. Damit geht jedoch nicht automatisch einher, dass er auch verstanden hat, was wir ihm gerade mitgeteilt haben. Im Normalfall gibt ein Gesprächspartner dem anderen sogenannte Feedback um anzuzeigen, dass er verstanden, bzw. nicht verstanden hat. Dabei kann es sich beispielsweise um ein Nicken handeln, oder um eine Gegenfrage.

gehört ist noch nicht verstanden

Es gibt wahrscheinlich in keinem anderen Bereich so viele Missverständnisse wie in der Sprache. So gehen wir grundsätzlich von der Überzeugung aus, dass wir wissen, was jedes einzelne Wort für jeden bedeutet, ohne jedoch dabei zu beachten, dass Hunderte von Wörtern existieren, die mehrdeutig sind, und dass bestimmten Wörtern eine spezifische, persönliche Bedeutung zugeordnet werden kann. Anschauliche Beispiele hierfür sind Worte wie Disziplin, Verantwortung, Einsatz und Vertrauen, die in ihrer Bedeutung variieren, je nachdem ob eine spezifische Situation oder der in unserer Gesellschaft festgelegte Begriff gemeint ist.

Vielleicht liegt ein Missverständnis vor, oder unser Gesprächspartner war gerade mit seinen Gedanken nicht bei der Sache. In manchen Bereichen ist eine Verallgemeinerung

notwendig, um vom Partner verstanden zu werden. Durch bewusstes und unbewusstes Verallgemeinern können aber Informationen unterdrückt oder entstellt werden, was wiederum Kommunikationsverluste zur Folge haben kann. Diese entstehen ebenfalls, wenn sich inhaltliche Aussagen durch unpräzise Sprache sinngemäß ändern.

Um die Sprache als Kommunikationsmittel richtig einzusetzen und Missverständnisse zu vermeiden, ist es notwendig, bestimmte Grundregeln zu beachten:

- Die sprachliche Formulierung soll so weit wie möglich deinem Gesprächspartner angleichen, um hierdurch dem Unterbewusstsein Gleichwertigkeit zu vermitteln und Vertrauen entstehen zu lassen.
- Die genaue Wortwahl ermöglicht eine bildhafte Ausdrucksweise (Visualisierung), die leichter verstanden und schneller aufgenommen wird.
- Um in das Unterbewusstsein tiefer einzudringen reicht der aktive Wortschatz oft nicht aus. Deshalb sollte man bestrebt sein, den Wortschatz zu erweitern, die man versteht, aber selten oder nie gebraucht.
- Der Gesamtwortschatz der deutschen Sprache umfasst etwa 500 000 Wörter, auch wenn darin Fachausdrücke aus den unterschiedlichen wissenschaftlichen Disziplinen enthalten sind.
- Unser passiver Wortschatz umfasst alle Wörter die wir kennen und mittels derer wir die Äußerungen unserer Mitmenschen verstehen können — auch wenn wir sie nicht gebrauchen. Je nach Bildung und geistiger Leistungskraft kann ein solcher passiver Wortschatz etwa bis zu 50 000 Wörter umfassen.
- Die Fülle der Wörter, die wir täglich zum Formulieren unserer Gedanken nutzen umfasst — je nach Bildung und Übung — etwa 2000 bis 4000 Wörter — kein Vergleich also zu unserem passiven Wortschatz!

Nun folgt der dritte Kommunikationsschritt. Unser Gesprächspartner hat nun also gehört und verstanden, was wir ihm mitteilen wollten. Daraus ergibt sich jedoch nicht automatisch, dass er dem auch zustimmt. Also gilt:

verstanden ist noch nicht einverstanden

Nachfolgend wird das „4-Ohren-Modell“ vorgestellt. Das „4-Ohren-Modell“ zeigt, wie schwer es ist, den anderen wirklich zu verstehen, denn: jedes „Verstehen“ von Botschaften,

ist immer nur ein Bild davon, was wir glauben, dass der andere gemeint hat. Obwohl der Gesprächspartner „Verstanden“ signalisiert, wird jedoch nicht garantiert, dass all seine Gefühle und Gedanken sich auch so im Kopf abgebildet haben, wie wir uns das vorstellen. Es muss damit gerechnet werden, dass bestimmte Begriffe für die beiden Gesprächspartner — jeweils aus ihrer Persönlichkeit heraus betrachtet — etwas anderes bedeuten können. Ursachen hierfür können sein: Schichtenspezifische Sprachgewohnheiten, Eigenbild und Fremdbild, Bildung, Erziehung.

Das folgende Beispiel zum „4-Ohren-Modell“ macht dies deutlich:

Bei einem Volleyballspiel trainieren die Sportler und machen Fangübungen. Einer von den Sportlern läuft seine Passroute und lässt den Ball fallen. Der Erste sagt zum Zweiten: „**Fang doch mal den Ball!**“, worauf er erwidert: „**Werfe den Ball doch mal vernünftig!**“. Wenn wir nun einmal überlegen, was einer anderem damit eigentlich sagen wollte, so ergeben sich vier verschiedene Elemente, aus denen sich die Nachricht zusammensetzt:

1. Der Sach-Inhalt Der Inhalt der Nachricht soll deutlich machen, **worüber ich informiere** = Sach-Information. Wir werden über den Zustand des Nichtgefangenen Balles unterrichtet. Dieser **Inhalt** der Nachricht sollte immer im Vordergrund stehen, wenn es „um die **Sache**“ geht.

2. Die Selbstoffenbarung Diese Nachricht enthält Äußerungen, die ich **von mir selbst preisgebe** = Selbstdarstellung, also Informationen über die Sender-Person. Aus dem obengenannten Beispiel können wir entnehmen, dass einer darauf angewiesen ist, dass der andere den Ball fängt. Weil er auch an dessen Erfolg oder Misserfolg gemessen wird.

3. Die Beziehung Weiterhin informiert die Nachricht über das, **was ich von dir halte** und **wie wir zueinander stehen** = Beziehung. Dies zeigt sich häufig in der Betonung, der gewählten Ausdrucksweise sowie an anderen körpersprachlichen Signalen, wie z. B. der Gestik und Mimik. Auf diese Seite der Nachricht reagiert der Empfänger normalerweise besonders sensibel, denn hier fühlt er sich als Person in bestimmter Weise angesprochen oder kritisiert. In unserem Beispiel gibt der Sportler durch seinen Hinweis zu erkennen, dass er kein Vertrauen zu anderem hat oder schon schlechte Vorerfahrungen mit dem Spieler hat. Da die Erwidderung recht patzig ausfällt, ist anzunehmen, dass der Spieler die Nachricht genau so aufgefasst hat.

4. Der Appell Die meisten Nachrichten haben außerdem das Ziel, auf den Empfänger Einfluss zu nehmen, d. h. die

Sender-Person möchte die Empfänger-Person zu etwas veranlassen = Aufforderung. In unserem Beispiel meinte der Sportler vermutlich: „Konzentrier dich mehr und gebe dir etwas mehr Mühe!“. Eine Nachricht kann also auch dazu dienen, den Empfänger zu veranlassen, bestimmte Dinge zu tun oder zu unterlassen, zu denken oder zu fühlen. Diese Einflussnahme kann offen oder verdeckt erfolgen. Im letzteren Fall handelt es sich um Manipulation. Die folgende Grafik verdeutlicht dies:

Sach-Ohr

Wie ist der Sachverhalt zu verstehen?

Appell-Ohr

Was soll ich aufgrund seiner Mitteilung tun, denken oder fühlen?

Offenbarungs-Ohr

Was ist das für einer?

Was ist mit ihm?

Beziehungs-Ohr

Wie redet der eigentlich mit mir? Wen glaubt er sich vor sich zu haben?

Nun ist es häufig so, dass wir nicht im gleichen Maße mit allen unserer „vier“ Ohren hinhören. Je nach Tagesform, Gemutszustand und Verhältnis zu unserem Gesprächspartner neigen wir dazu, eines oder mehrere unserer Ohren „abzuschalten“ bzw. besonders genau damit hinzuhören. Je nachdem, mit welchem Ohr wir besonders hinhören, ist unser Empfang ein anderer:

– Den Sach-Inhalt versuchen wir zu verstehen.

– Sobald wir die Nachricht auf die Selbstoffenbarungsseite hin überprüfen, machen wir uns über unseren Gesprächspartner Gedanken — „Was ist das für eine (r)?“ bzw. „Was ist im Augenblick los mit ihm/ihr?“.

– Mit dem „Beziehungs-Ohr“ hören wir auf die Dinge, die uns persönlich betreffen — „Wie steht der Sender zu mir, was hält er von mir, wen glaubt er vor sich zu haben, wie fühle ich mich behandelt?“.

– Die Überprüfung der Appell-Seite schließlich geschieht unter der Fragestellung „Was will er von mir?“ bzw. in Hinblick auf die Informationsnutzung — „Was soll ich tun, nachdem ich dies nun weiß?“.

Der Gesprächsverlauf ist somit von der Empfangsbereitschaft des „jeweiligen Ohres“ abhängig. Oft ist dem Empfänger gar nicht bewusst, dass er einige seiner Ohren abgeschaltet hat und dadurch die Weichen für das zwischenmenschliche Geschehen stellt. Wenn nun also Sender und Empfänger die verschiedenen Seiten einer Äußerung unterschiedlich schwer gewichten, kann es zu Missverständnissen kommen.

Kommunikation soll beeindrucken und überzeugen!

Referenz:

1. Krämer Gesa. Quappe Stephanie. – Interkulturelle Kommunikation mit NLP-Uni-Ed., 2006. – S. 276.
2. Schulz von Thun Friedemann. Miteinander reden – Das „innere Team“ und Situationsgerechte Kommunikation. – Rowohlt, Reinbek, 1998.
3. Schulz von Thun Friedemann, Ruppel Johannes, Roswitha Stratmann. Miteinander reden. – Rowohlt, Reinbek, 2000, 2003.

Smirnova Anastasija Olegovna,
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
Department of Foreign Languages, Master's Degree Student
E-mail: seapretty@gmail.com

Quantitative analysis of lexical means in rendering the concept "fear" from German language to Russian (on the basis of novel "Fear" ("Die Angst") by St. Zweig)

Abstract: The article observes quantitative methods of analysis, regarding statistic-linguistic analysis as the most appropriate tool for the texts' quantitative evaluation. The aim of the article is to study the usage peculiarities of the noun "fear" in Russian and German languages («страх», "die Angst") and analyze the difficulties of their translation. This analysis was carried out on the basis of novel "Fear" ("die Angst") by St. Zweig, where the concept "fear" plays crucial role for understanding the feelings and sufferings of the main female character.

Keywords: quantitative linguistics, statistic-linguistic analysis, concept, fear, S. Zweig.

Смирнова Анастасия Олеговна,
Санкт-Петербургский государственный
университет аэрокосмического приборостроения,
магистрант, гуманитарный факультет
E-mail: seapretty@gmail.com

Квантитативный анализ лексических средств при передаче концепта «страх» с немецкого на русский язык (на материале новеллы С. Цвейга «Страх»)

Аннотация: Данная статья представляет собой рассмотрение квантитативных методов анализа, в частности лингвостатистического анализа, как средства количественной оценки при анализе лингвистического материала. Цель статьи заключается в исследовании особенностей словоупотребления существительного «страх» ("die Angst") в русском и немецком языках, а также рассмотрении сложностей перевода данного существительного. Материалом исследования послужила новелла С. Цвейга «Страх», где рассматриваемый концепт имеет первостепенное значение для понимания эмоционального состояния главной героини.

Ключевые слова: квантитативная лингвистика, лингвостатистический анализ, концепт, страх, С. Цвейг.

Лингвистическая наука соприкасается с множеством различных гуманитарных и негуманитарных научных областей. Например, с математикой, информатикой, физиологией и другими. В результате этого взаимодействия появляются междисциплинарные области исследований, которые постепенно начинают приобретать актуальность именно благодаря междисциплинарной составляющей. Здесь можно отметить, такие направления, как математическая лингвистика, компьютерная лингвистика, психологическая лингвистика, социолингвистика, лингвокультурология и т. д. В настоящей статье мы хотели бы обратить внимание на такую область, как квантитативная лингвистика, которая использует в своих исследованиях количественные и статистические методы анализа [1, 38]. Именно поэтому ее иногда называют количественной лингвистикой. Подобные методы часто используются в естественных и математических науках, откуда они и берут свое начало. В лингвистике квантитативные методы начали использоваться как средство анализа лишь в XX веке. Появление такого метода оказало огромное

влияние на лингвистическую теорию, и подойти к анализу текстов с иных позиций.

Квантитативный анализ в лингвистических исследованиях играет существенную роль, поскольку он позволяет не просто проанализировать определенные части речи и использование тех или иных падежей языка, но и исследовать частоту употребления этих частей речи, проследить закономерность их использования и выявить причины, лежащие в основе. Например, можно изучить частоту употребления падежей или временных глагольных форм и их изменении с течением времени. Такой анализ, основывающийся на применении статистических методов исследования текста, называется лингвостатистическим. Данные, полученные в результате подобного анализа, могут послужить основой составления частотных словарей или позволить установить статистические характеристики текста.

Как известно, в любой науке существует два метода анализа: количественный и качественный. Однако стоит отметить их зависимость друг от друга. Любая качественная характеристика текста зависит от частоты употребления в

ней определенных элементов [3, 233]. Именно сочетание этих методов позволяет провести полноценный анализ текста на основе статистических данных с учетом особенностей текста и его построения. При этом следует отличать количественные методы анализа от качественных. Квантитативные или количественные методы подразумевают использование математического аппарата в исследованиях, поскольку связаны с измерениями тех или иных явлений текста. Отличительной чертой таких методов является предварительный сбор данных. В ходе исследования выделяются определенные параметры, которые необходимо измерить. Эти параметры называются переменными [5, 155]. Результаты подобных исследований с применением статистического анализа данных обязательно представляются в виде чисел и уже только после этого происходит интерпретация полученных результатов и соотношение с исследуемым объектом. Эта группа методов включает: дисперсный анализ, кластерный и факторный анализы и др. Качественные методы, в свою очередь, подразумевают использование нечисловых данных. Примерами подобных методов в лингвистике являются конверсионный и этнографический анализ [5, 156].

Наше исследование основывается на применении квантитативных методов при анализе лексических единиц в новелле С. Цвейга «Страх». Целью нашей работы является анализ концепта «страх» (“Angst”) в русском и немецком языках, в частности рассмотрение существительных, которые могут передавать значение концепта, исследование разницы в оттенках их значений и особенностей передачи данного концепта при переводе текста новеллы С. Цвейга «Страх» с немецкого языка на русский. Существует большое количество определений «концепта», однако большинство ученых сходится на том, что это «мыслительная единица». С. Д. Лихачев, например, считал, что это «результат столкновения словарного значения с личным и народным опытом» [6, 133]. В. А. Маслова определяет данное понятие как «оперативную, содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [4, 31]. Два этих определения являются с нашей точки наиболее приемлемыми, поскольку точно отражают основную идею данного понятия. Концепт, как правило, возникает из значения слова, однако при этом смешивается с личным опытом и представлениями человека. В качестве объекта исследования концепт «страх» в данной новелле был выбран не случайно. Он составляет основную основу произведения, выражает основной его настрой. Ощущение страха у героини в новелле не исчезает

ни на минуту. Данный концепт не только характеризует душевный настрой и переживания героини, но и, как может показаться, словно сам является действующим лицом, неотступно сопровождающим героиню.

При этом стоит отметить, что в немецком языке есть множество слов для выражения состояния страха. Рассмотрим основное и наиболее употребляемое существительное для обозначения данного концепта. Слово “die Angst” употребляется в новелле 49 раз. Интересно отметить, что в древневерхненемецком языке существительное “die Angst” начало употребляться лишь в VIII веке и означало «узость пространства». Таким образом, можно проследить процесс преобразования физической величины («узость») в психологическое состояние («стеснение»). Этимологами выдвигается предположение, что на определенном этапе слово было полисемично и обозначало сразу два понятия, однако в современном немецком языке слово моносемично [2, 368–369]. Слово “die Angst” имеет большое количество синонимов, которые при этом могут отличаться друг от друга оттенками значения. Среди них: die Bangigkeit, die Beklemmung, die Furcht, die Furchtsamkeit, die Panik, die Bagnis (gehoben), die Phobie, das Grauen, der Schrecken. Представляется интересным рассмотреть существительное “die Angst”, как самое частотное в новелле для обозначения страха, и существительное “der Schrecken”. “Die Angst” обозначает «неясное чувство опасности», часто безосновательное. “Der Schrecken”, в свою очередь, определяется как «неожиданное и очень непродолжительное чувство страха». Таким образом, “die Angst” это продолжительное чувство, это страх, что произойдет что-то плохое [7, 58–61]. Существительное “der Schrecken” встречается в новелле всего два раза. Близкое к этому слову существительное “das Grauen” встречается в новелле 12 раз. Другое существительное “die Furcht”, обозначающее «чувство угрозы, исходящее от чего-то конкретного», встречается 3 раза. В таблице 1 и на рисунке 1 показано не только процентное количество по отношению друг к другу (см. рис. 1), но и отношение ко всем словам текста (см. таблицу 1).

Подобный анализ позволяет сделать вывод, что чувство героини представляет собой глубокую тревогу и предчувствие того, что случится нечто плохое. При этом, поскольку вторым по частотности является слово “Grauen”, к чувству героини примешивается и чувство ужаса. В новелле чувство страха неясное, героиня не знает в каком виде опасность предстанет перед ней в следующий раз, это лишь страх быть раскрытой, это страх за то, что ее мирная, спокойная жизнь подверглась внешнему вторжению.

Таблица 1. – Анализ абсолютной и относительной частоты слов в немецком тексте новеллы

Существительные, передающие концепт «страх»	Абсолютное значение	Относительное значение
Angst	49	0,0097
Grauen	12	0,0023
Furcht	3	0,0005
Schrecken	2	0,0003

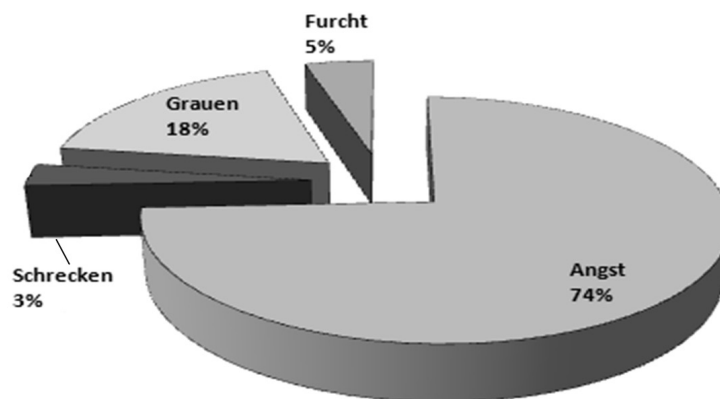

Рис. 1. Процентное соотношение частоты встречаемости существительных для передачи концепта «страх» в немецком тексте новеллы

Концепт «страх» для русской культуры, также как и для немецкой, является значимым. В русском языке существует большое количество синонимов слова «страх», например: ужас, боязнь, трепет, паника, испуг, опасение. Согласно этимологическим исследованиям, первичным значением слова «страх» было «оцепенение» [2, 391]. Страх для носителей русского языка и культуры определяется как состояние сильной тревоги и беспокойства, это очень сильный испуг или боязнь. При этом стоит отметить, что во многих определениях слова «страх» фигурирует слово «состояние», которое составляет ядро смысла. При определении слова «ужас», например, так же используется слово «страх»: «Ужас — это чувство сильного страха». Стоит отметить, что в русском языке синонимы также отличаются друг от друга оттенками значений, например, «испуг» означает некое кратковременное ощущение страха, «ужас» и «страх» более длительное состояние, но при этом «испуг» и «страх» характеризуется крайне высокой интенсивностью, а «паника» и вовсе отличается тем, что является неконтролируемым состоянием [2: 395, 397]. Следовательно, можно сделать вывод, что наиболее близким к немецкому

«die Angst» является слово «страх». Страх целиком охватывает человека, влияя на его поведение и состояние. Боязнь гораздо слабее по эмоциональным характеристикам. Слову «боязнь» больше соответствует немецкое «die Furcht». Испуг и ужас не могут контролироваться человеком, эти чувства возникают неожиданно резко от столкновения с чем-то ужасным. При этом, ужас с нашей точки зрения является чуть более продолжительным, нежели «испуг», это сильное чувство страха, которое характеризуется большей интенсивностью чем «испуг». Следовательно, ближе к слову «ужас» оказывается «der Schrecken». «Das Grauen» с нашей точки зрения занимает промежуточное положение между «страхом» и «ужасом».

В тексте новеллы существительное «die Angst» чаще всего переводится на русский язык как «страх», однако встречаются и перевод словом «ужас», что обусловлено условиями контекста. В русском переводе новеллы само слово «страх» встречается 37 раз, на основании чего можно сделать вывод, что не всегда немецкое слово «die Angst» переводится как «страх». Слово «ужас», в свою очередь, встречается в переводе 12 раз, а слово «испуг» — 6.

Таблица 2. – Анализ абсолютной и относительной частоты слов в переводе новеллы на русский язык

Существительные, передающие концепт «страх»	Абсолютное значение	Относительное значение
Страх	37	0,0082
Ужас	12	0,0026
Испуг	6	0,0013

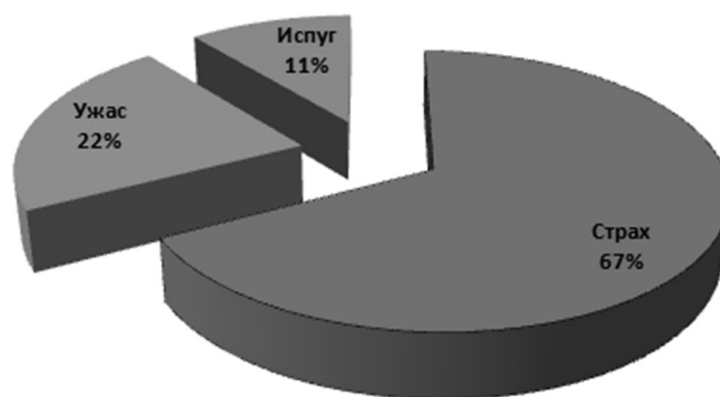

Рис. 2. Процентное соотношение частоты встречаемости существительных для передачи концепта «страх» в русском тексте новеллы

Утверждение, что существительное “die Angst” не обязательно передается на русский существительным «страх», можно подтвердить конкретными примерами. Рассмотрим некоторые из них. Выбранные примеры отображают разные способы передачи слова “die Angst” в определенном контексте. Из примеров мы исключили передачу значения через другие части речи, являющиеся производными от слова «страх», например, наречие «страшно», которое несколько раз встретилось в русском тексте.

В примерах три раза существительное “Angst” переводится как «ужас».

Пример 1. *Dieseschlotternde Angst, diese sichtliche Hilflosigkeit schien ihr irgendwie wohlzutun...* — *Этом трепет и ужас, эта явная беспомощность были ей, видимо, приятны...*

Пример 2. *Aber sie spürte im Rücken mit dem durch die Angst grausam geschärften Ahnungsgefühl eine gleichsam beschleunigte Annäherung und lief immer hastiger ...* — *Но обостренным от ужаса чутьем она уловила, что шаги за спиной тоже ускоряются...*

Пример 3. *... nickte die Person, als sie die namenlose Angst in dem Gesichte gewahrte* — *успокоительно заметила посетительница, увидев, какой невыразимый ужас написан на лице Ирены.*

Данная замена представляет собой синонимическое соответствие, которое обусловлено условиями контекста. Синонимы, как известно, могут отличаться друг от друга своей стилистической окраской. Это помогает правильно выбрать для перевода слово, точно удовлетворяющее стилистическим требованиям контекста. В данных примерах было использовано слово «ужас», которое довольно близко по смыслу к слову «страх», однако отображает большую степень испуга. «Ужас» эмоционально более сильное чувство, это крайняя степень страха. В данном случае автор хотел подчеркнуть силу этой эмоции у героини.

Помимо этого среди примеров передачи существительного “die Angst” встречается перевод с помощью существительного «тревога», что также представляет собой синонимическое соответствие. Данный синоним также отличается от слова «страх» силой эмоции.

Пример 4. *... unablässig jagte sie die innere Angst, die sich wie jedes stärkere Gefühl bei ihr in Nervosität verwandelte, von einem Zimmer ins andere* — *нет, внутренняя тревога, выражавшаяся у нее, как всякое сильное переживание, в нервном возбуждении, гнала ее из комнаты в комнату.*

Тревога представляет собой очень сильное волнение и беспокойство, как правило, вызванное страхом. Тревога как раз и появилась у героини в результате страха. Страх это более длительное ощущение, тревога же кратковременна и более сильная с эмоциональной точки зрения. Страх героини перерастает в тревогу и почти доводит ее до безумия.

Опираясь на рассмотренные примеры, можно отметить, что использование синонимов с разной стилистической окраской использовано с целью сохранения стилистического контекста, а также точной передачи образа

героини и ее переживаний. Использование синонимов помогает не только избежать повторов, но и показать степень эмоциональной напряженности. Следовательно, при передаче подобных концептов необходимо обязательно учитывать контекст и весь сюжет произведения.

Интересно рассмотреть пример опущения слова «страх» в переводе.

Пример 5. *Dabei waren ihre Knie wie aufgeweicht von der Angst und trugen unwillig die Schritte vorwärts...* — *При этом ноги у нее были как ватные и не желали двигаться...*

В данном случае опущение обусловлено условиями контекста, поскольку из текста новеллы и так понятно, что героине действительно страшно, ее ноги не подчиняются ей. Как правило, такое оценочное и происходит с человеком в минуту шока или опасности. Причастие “aufgeweicht” имеет значение «размягченный», «размокший» и это значение достаточно точно передается при переводе. Использованное сравнение позволяет полноценно сохранить образ оригинала, не нарушив стилистических особенностей контекста.

Следующий пример отражает возможность замены части речи при переводе.

Пример 6. *Zum zweiten mal kam ihr heute diese Angst, ihn und seinen Blick auf der Straße plötzlich zu spüren.* — *Второй раз за этот день пугалась она его внезапно мелькнувшего на улице силуэта и взгляда.*

В данном случае также стоит отметить, что происходит замена подлежащего в предложении: в немецком предложении подлежащим является “die Angst”, а в русском — личное местоимение «она». Подобная замена представляет собой грамматическую трансформацию. Можно также сказать о замене словосочетания “kam (diese) Angst” глаголом прошедшего времени «пугалась». Несмотря на упрощение конструкции предложения, данный глагол несовершенного вида очень хорошо вписывается в контекст, подчеркивая то, что это происходило с героиней уже не первый раз.

Таким образом, были проанализированы некоторые примеры, отражающие те случаи, когда немецкое слово “die Angst” не переводилось с помощью своего прямого соответствия «страх» в русском языке. В результате этого анализа можно сделать вывод, что передача подобных концептов, которые несут значимость для культуры, требует особого внимания, а также наличия экстралингвистических знаний у переводчика, поскольку необходимо понимать какую роль играет концепт в культуре и какой смысл вкладывают в него носители этой культуры.

В заключение представляется необходимым отметить, что разница между традициями словоупотребления существительного «страх» в русском и немецком языках и особенностями их перевода заключается в том, что одному русскому слову «страх» соответствует несколько немецких, при этом интересно отметить, что они отличаются друг от друга оттенками значений и особенностями употребления в контексте. Это вызывает сложность при

перевод с русского языка на немецкий, поскольку для передачи идеи существительного «страх» существует достаточно широкий выбор лексических средств. Сузить параметры этого выбора помогает как лингвистический, так и экстралингвистический контекст, так как концепт всегда несет на себе отпечаток той или иной культуры.

Анализ, проведенный на основе количественных методов, позволяет сделать вывод, что в оригинальном тексте и переводе новеллы чаще всего используются слова “die Angst” и «страх». Как было отмечено ранее, в немецком языке “die Angst” обозначает неясное чувство опасности,

следовательно выбор данного существительного автором неслучаен: он подчеркивает сильную тревогу героини, внутреннее ощущение постоянного страха, глубокое беспокойство, которое чуть не сводит ее с ума. Именно поэтому, перевод словом «страх» кажется наиболее уместным, ведь в рамках русской культуры «страх» — это чувство опасности и крайней тревоги. Таким образом, можно сделать вывод, что, хотя значения этих двух концептов не всегда полностью покрывают друг друга, они являются наиболее близкими соответствиями не только в целом, но и в рамках рассматриваемой новеллы.

Список литературы:

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 347 с.
2. Евсюкова Т. В. Лингвокультурология: учебник / Т. В. Евсюкова, Е. Ю. Бутенко. – 2-е изд., стер. – Москва: Флинта, 2014. – 480 с.
3. Марчук Ю. Н. Компьютерная лингвистика: учебное пособие / Ю. Н. Марчук. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 317 с.
4. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В. А. Маслова. – Мн.: Тетра Системс, 2004. – 356 с.
5. Кашеева А. В. Количественные и качественные методы исследования в прикладной лингвистике // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – Выпуск № 3(049). – С. 155–162.
6. Крюкова Г. А. Концепт. Определение объема содержания понятия // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – Выпуск № 59. – С. 128–135.
7. Хантакова В. М. К проблеме тождества и различия в межязыковой синонимии // MagisterDixit. – 2011. – Выпуск № 2. – С. 56–63.
8. Best J. and Khan J. Research in Education. – Englewood Cliffs (NJ). – Prentice Hall, 1989. – 384 p.
9. Creswell John W. Research design: Qualitative, quantitative, and mixed method approaches / John W. Creswell. – 2nd ed. – 260 p.
10. Punch K. Introduction to Social Research: Quantitative and Qualitative Approaches. – London, Sage, 1998. – 386 p.
11. Eblox. Geschichte lesen online // Angst von Stefan Zweig // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eblox.bplaced.net/angst> (дата обращения: 06.12.2015).
12. Электронная библиотека RoyalLib.com // Стефан Цвейг. Страх // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.com/read/tsveyg_stefan/strah.html#0 (дата обращения: 06.12.2015).

Section 4. Pedagogy

*Ajibayeva Aynura Jakshymbekovna,
candidate of pedagogical sciences,
associate professor, Talas State University,
city Talas, Kyrgyzstan
E-mail: a_ajibaeva@mail.ru*

Management of pedagogical staff as component of quality management of training of future elementary school teachers

Abstract: The single questions of management in education are considered in this article. The role of department as administrative subsystem of higher education institution in improvement of quality of preparation of pedagogical personnel, including for elementary school is shown.

Keywords: management of pedagogical staff, a component of management, management in education, department as an administrative subsystem of higher education institution.

*Ажибаева Айнура Жакшымбековна,
кандидат педагогических наук, доцент,
Таласский государственный университет,
г. Талас, Кыргызстан
E-mail: a_ajibaeva@mail.ru*

Управление педагогическим коллективом как компонент управления качеством подготовки будущих учителей начальной школы

Аннотация: В статье рассматриваются отдельные вопросы менеджмента в образовании. Показана роль кафедры как управленческой подсистемы вуза в повышении качества подготовки педагогических кадров, в том числе для начальной школы.

Ключевые слова: управление педагогическим коллективом, компонент управления, менеджмент в образовании, кафедра как управленческая подсистема вуза.

Значительную роль в управлении качеством подготовки педагогических кадров играют вузовские кафедры, деятельность которых регламентируется «Положением о кафедре высшего учебного заведения», утвержденном постановлением Правительства Кыргызской Республики от 29 мая 2012 г. № 346.

Опираясь на данное «Положение», а также на другие нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность системы высшего образования Кыргызской Республики, мы определили, что основной миссией кафедры вуза, выпускающей учителей начальной школы, является:

- формирование высокого профессионального уровня выпускников в области общей педагогики и педагогики начального образования;
- эффективная организация учебного процесса и проведение учебно-методической работы;
- подготовка высококвалифицированных научно-педагогических кадров, призванных сохранить и приумножить научные ценности общества.

В соответствии с миссией вузовской кафедры и опираясь на вышеназванное «Положение», мы вычленим и основные функции кафедры, а именно:

- учебно-педагогическая — участие в подготовке квалифицированных специалистов, прежде всего в сфере педагогики начального образования;
- учебно-методическая — распространение знаний в области науки и практики педагогики путем подготовки и издания учебно-методической и научной литературы, развитие всесторонних связей кафедры с родственными научно-учебными заведениями в стране и за рубежом;
- научно-исследовательская — проведение исследований и разработок по педагогике начального образования, публикация итогов исследований, выступления ученых кафедры с докладами и сообщениями наразного уровня конференциях;
- организационно-методическая — пополнение интеллектуального потенциала и постоянное повышение квалификации сотрудников кафедры, в соответствии

с тенденциями современного развития педагогической науки, педагогики, включая стажировки профессоров и преподавателей в научных организациях страны и за рубежом, обучение в специализированных центрах повышения квалификации преподавателей.

Роль кафедры в управлении качеством подготовки учителей для начальной школы обусловила рассмотрение в нашем исследовании решение заданной проблемы с позиций деятельности кафедры и ее управленческой составляющей.

И первый аспект данного вопроса — управление коллективом (персоналом), обеспечивающее взаимозависимость эффективной работы коллектива и качества подготовки учителей начальной школы.

Управление — сложный комплекс кооперативных воздействий людей на управляемую систему в целях обеспечения её развития в нужном, заранее определенном направлении, которое в свою очередь устанавливается в той же управляющей системе.

Управление — вид человеческой деятельности, представляющий собой целенаправленное воздействие на людей, активизирующее их совместную деятельность [6, 274].

Изменения, происходящие в современном образовании и связанные с резким повышением значимости человеческого фактора, выдвинули управление коллективом кафедры на передний план управленческой деятельности, стимулировали бурное развитие научных исследований в этой области. Результатом усложнения и обогащения деятельности по управлению коллективом кафедры и ее изучения явились разнообразные трактовки управления персоналом в современной литературе.

Употребляя общепринятое «управление персоналом», мы подразумеваем деятельность по управлению коллективом кафедры, от которого зависит эффективность подготовки педагогических кадров.

Управление персоналом, по словам Н. Маусова, это «непрерывный процесс, направленный на целевое изменение мотивации людей, чтобы добиться от них максимальной отдачи, а, следовательно, высоких конечных результатов». В этом и подобных ему определениях выделена важнейшая, стержневая функция управления персоналом. Однако они отражают лишь часть управленческой деятельности, не охватывая множество других его аспектов, которые будут рассмотрены далее [5].

Управление персоналом, — пишет И. Н. Герчикова, — это самостоятельный вид деятельности специалистов-менеджеров, главной целью которых является повышение производственной, творческой отдачи и активности персонала; ориентация на сокращение доли и численности производственных и управленческих работников; разработка и реализация политики подбора и расстановки персонала; выработка правил приема и увольнения персонала; решение вопросов, связанных с обучением и повышением квалификации персонала [2].

В данном определении раскрываются цель и ряд важнейших функций управления персоналом. Его важным

достоинством является конкретность в раскрытии содержания деятельности по управлению кадрами. Однако это определение, как, впрочем, и другие дескриптивные дефиниции, имеет, по меньшей мере, два существенных недостатка:

- во-первых, оно слабо отражает сущность и специфику управления персоналом;
- во-вторых, перечисляет далеко не все его важнейшие функции.

Характеристика управления персоналом, данная А. Я. Кибановым, Д. К. Захаровым заключается в том, что управление персоналом — это «комплекс управленческих (организационных, экономических, правовых) мероприятий, обеспечивающих соответствие количественных и качественных характеристик персонала и направленности его трудового поведения целям и задачам предприятия (организации)» [3; 4].

Исходя из сказанного, делаем вывод, что система управления персоналом (СУП) — совокупность подсистем, отражающих отдельные стороны работы с персоналом и предназначенных для выработки и осуществления эффективного воздействия на него. В системе современного вуза такой подсистемой является кафедра.

Наш опыт работы в качестве заведующей кафедрой показывает, что в управлении коллективом кафедры с целью повышения качества подготовки педагогических кадров можно выделить следующие аспекты:

1) Управление коллективом кафедры является деятельно-ориентированным. Оно направлено в основном на практические действия. Особое ударение делается на решение служебных проблем в целях выполнения задач и подготовки педагогических кадров благодаря поддержке членов кафедры, каждого отдельного преподавателя, совершенствованию условий труда и их удовлетворению.

2) Управление кафедрой является индивидуально-ориентированным. Каждый преподаватель рассматривается как личность, и на кафедре предлагаются программы, устремленные к индивидуальным потребностям.

3) Управление кафедрой ориентировано на будущее. Оно должно обеспечивать вуз компетентными и заинтересованными в результатах своего труда преподавателями. Таким образом, в долговременных стратегиях вуза следует обязательно учитывать человеческий фактор.

Система управления кафедрой предполагает формирование целей, функций, организационной структуры управления, вертикальных и горизонтальных функциональных взаимосвязей заведующего кафедрой и преподавателей в процессе обоснования, выработки, принятия и реализации управленческих решений.

Мы согласны с А. Н. Асаулом, что все системы управления обладают рядом общих свойств:

- они являются первым слоем управления любой организации, так как именно люди, объединённые общими целями, и составляют эту организацию;
- управление персоналом присутствует во всех функциональных сферах деятельности — в

производстве, маркетинге, финансовой сфере, инновационной сфере;

- главные цели системы управления персоналом совпадают с целями организации;
- системы имеют общие черты, свойственные коллективам людей — потребность в общении, возможность возникновения конфликтов;
- они содержат примерно одинаковые по функциональному составу элементы [1, 84].

Система управления в вузе включает подсистему линейного руководства, а также ряд функциональных подсистем, специализирующихся на выполнении однородных функций.

Так, к примеру, подсистема линейного руководства осуществляет управление вузом в целом, управление отдельными функциональными подразделениями. Функции этой подсистемы выполняют: ректор, проректоры, деканы, заведующие кафедрами.

Подсистема планирования и маркетинга выполняет следующие функции: разработка кадровой политики и стратегии управления, анализ кадрового потенциала, анализ рынка труда, организация кадрового планирования, планирование и прогнозирование потребности в персонале, организация рекламы, поддержание взаимосвязи с внешними источниками, обеспечивающими организацию кадров.

Поскольку основной базой исследования является Таласский государственный университет (ТалГУ), вопросы подготовки учителей для начальной школы входят в компетенцию кафедры педагогики данного университета.

Кафедра педагогики ТалГУ осуществляет следующие функции:

1. Руководит развитием коллектива и осуществляет: поучение, переподготовку и повышение квалификации преподавателей, введение в должность и адаптацию новых членов кафедры, оценку кандидатов на вакантную должность, текущую периодическую оценку кадров, организацию научно-исследовательской деятельности, реализацию деловой карьеры и служебно-

профессионального продвижения, организацию работы с кадровым резервом.

2. Осуществляет мотивацию и стимулирование труда по следующим направлениям: управление мотивацией и стимулированием трудового поведения, нормирование трудового процесса через распределение часов, разработка форм участия членов кафедры в научно-исследовательских проектах, разработка форм морального стимулирования членов кафедры, организация нормативно-методического обеспечения системы управления коллективом кафедры.

3. Кафедра педагогики ТалГУ осуществляет социальное развитие своих членов, а именно: организацию общественного питания, развитие общей культуры преподавателей, управление социальными конфликтами и стрессами.

4. Кафедра как подсистема управления осуществляет такие функции как анализ сложившейся организационной ситуации на кафедре, проектирование деятельности кафедры, разработка штатного расписания.

5. Кафедра как управляющая подсистема осуществляет информационное обеспечение членов кафедры, а именно: ведение учета и статистики персонала, информационное и техническое обеспечение системы управления кафедрой, обеспечение членов кафедры научно-технической информацией, организация работы органов массовой информации организации, проведение патентно-лицензионной деятельности.

Естественным образом все названные функции фокусируются вокруг основной функции кафедры: управление качеством подготовки учителей начальной школы.

Система управления кафедрой является подсистемой в системе управления вузом, следовательно, с одной стороны, цели системы управления кафедрой должны быть увязаны с целями функционирования и развития вуза; с другой стороны, цели системы управления кафедрой должны быть увязаны с потребностями ее членов и студентов.

Таким образом, цель управления коллективом кафедры — это повышение качества образования, а, исходя из цели нашего исследования — это высокое качество подготовки кадров для начальной общей школы.

Список литературы:

1. Асаул А. Н. Организация предпринимательской деятельности [Текст]/А. Н. Асаул. – СПб.: Интар, 2005. – 119 с.
2. Герчикова И. Н. Менеджмент [Текст]/И. Н. Герчикова. 4-ое изд., перераб. и доп. – М., 2010.
3. Захаров Д. К. Методология организации маркетинга персонала на предприятии: дисс. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 [Текст]/Д. К. Захаров. – М., 2003. – 277 с.
4. Кибанов А. Я. Управление персоналом организации: Учебное пособие [Текст]/А. Я. Кибанов. – М.: Инфра, 2008. – 720 с.
5. Маусов Н. К. Управление карьерой персонала в условиях производства [Текст]/Н. К. Маусов, Н. М. Кулаков, П. В. Журавлев. – М.: Изд-во РОА, 1993.
6. Токтомышев С. Ж. Высшее образование Республики Кыргызстан [Текст]/С. Ж. Токтомышев//Международная конференция по региональному развитию Центральной Азии. – Исламабад, 1994. – С. 16–24.

*Artyukhina Alexandra Ivanovna,
PhD, professor, the Head of the Department of Pedagogy*

*Velikanova Olga Fedorovna,
PhD, senior lecturer of the Department of Biochemistry*

*Tretjak Svetlana Vladimirovna,
PhD, senior lecturer of the Department of Foreign languages*

*Chumakov Viacheslav Igorevich,
PhD, teacher of the Department of Social work,
Volgograd State Medical University
E-mail: mothersasha@rambler.ru*

*Velikanov Vasilii Viktorovich,
Volgograd State Socio-Pedagogical University,
PhD, associate professor of the Department of Management of staff
E-mail: Helen901@mail.ru*

*Ivanova Nina Vasilievna,
Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering,
PhD, professor, the Head of the Department of
Landscape's Design and professional communications
E-mail: ivanovaninav@mail.ru*

Interactive teaching methods in the development of situational readiness of a specialist

Abstract: The article substantiates the necessity of situational professional readiness development in university graduates. It generalizes the practical experience of interactive teaching methods implication by Volgograd state universities — Medical University, Socio-Pedagogical University and Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering — with the aim of situational professional readiness development in a specialist.

Keywords: interactive teaching methods, situational professional readiness.

Rapidly changing world imposes new demands to the university graduates. A Bachelor and any specialist should easily adapt to the workplace and to engage effectively in professional activities. Training in Russian universities is based on the competence approach, which implies a shift of emphasis in the training on practical orientation and the development of situational readiness of graduates. The problem of developing students' situational professional readiness lacks attention. As we consider, the cause is the discrepancy between the theoretical views on the nature of the immediate situational readiness of a specialist and lack of normative documents of the higher school formulating the aim, educational methods and technologies of its development.

It is known that the result of the impact of the educational process on the university student has traditionally been the development of pre-employment readiness of a graduate. However, in real professional life it is not enough to possess this readiness. It is important not only to master the key professional competences, but also be able to apply them adequately to the situation, that is, to possess the immediate, situational readiness of a specialist, to be competent. University teaching staff can shape a student's competence, but it is impossible to make him competent, it is only the person himself who can become competent.

The present work is devoted to theoretical understanding and practical aspects of implementation of effective approaches of situational professional readiness development in the educational process of the university. The empirical work involved several Volgograd state universities — Medical University, Socio-Pedagogical University and Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering.

The research issue is relevant, as the readiness is a fundamental condition for the successful implementation of any activity. At the same time, the analysis of philosophical, psychological and pedagogical literature shows that there is no universally accepted definition of readiness. Today there are many different interpretations of this concept, researchers give different explanations. N. D. Levitov defines readiness as a "prelaunch state", and V. A. Krutetskiy explains it as "readiness of the ensemble of the individual properties" leading to the success of the activity [4]. We support the understanding of professional readiness as a set of individual characteristics of a person in combination with his education, characterized by a certain level of readiness for the activity. The structural and functional components composing the unity of professional readiness are motivational, cognitive and emotional-volitional.

The emergence of the state of readiness for an activity begins with goal setting based on the needs, motives, currently available knowledge and skills, personal characteristics, beliefs, values and other psychological qualities. Next come development of a plan, models and schemes of upcoming activities with the subsequent transition to the actualization of the developed readiness, the use of certain means and methods of activity, comparing of the progress and interim results with the intended purpose, making adjustments. It should be noted that growth of the readiness level is determined primarily by the dominant motive, which provides the required duration and orientation of activity [4].

Pedagogical experience shows that for the development of situational professional readiness it is necessary to immerse students in situations close to the real professional activity throughout the entire process of training. Of all the rich arsenal of teaching methods [6] intended for this purpose, we selected and tested several interactive methods such as case studies, role play, business game and competence-oriented tasks. To achieve the goal of development of the students' immediate readiness it is necessary to fulfill two prerequisites:

- 1) students should know why a professional needs situational professional readiness and consciously try to develop it;
- 2) the use of interactive methods should be complex, interrelated, interdependent and methodically substantiated.

Case method is based on a specific business situation, i. e. the imitation, an ideal reflection of a real situation of a company activity, or a purposefully created situation, simulating typical professional environment. Students are encouraged not only to analyze the situation, but to foresee its progress (outcomes). Among the available data there may be both redundant and missing information, so students should identify missing information and request it. For the development of situational readiness it is important for the students to solve cases constantly — as a home task, in class, at the stages of knowledge actualization, input and output control, topic review. Cases of different levels of complexity are used for training and the finals. With varying time intervals students are offered to solve case on the studied topics being limited in time. To develop professional readiness we used monothematic, complex and interdisciplinary cases which required actualization of knowledge mastered at different university departments. There was an essential requirement for the students to add to the portfolio the information not only about the result, but also on the ways of resolving each case study and the analysis of the likelihood of different solutions.

Such role plays as “patient- reception ward doctor”, “doctor-nurse-patient”, “therapist — clinical laboratory diagnostician” were acted spontaneously to train skills of spontaneous communication. All students of the group participated in them. There were also games covering the studied topics that created the opportunity to put the earlier acquired knowledge and skills into practice. Future pedagogues played the fol-

lowing role games “I am a teacher”, “teacher-tutor-student”, “tutor-student-student's parent”. Future architects imitated communication with the customer, with the builders, local authorities, the public, etc. In any case, a mandatory element of the concluding discussion is a self- evaluation of the players considering the parameters of correct behavior in the situation with regard to the time spent for decision-making [5]. Business games, especially those involving ascertaining and searching (according to the classification of L. V. Ezhova), allow to practice business cases. The dynamics of these games will depend on the newly incoming information and commands (the firm documents or the findings of the patient examination, etc.) that provides contextual orientation of learning by immersing students in a real professional problems and producing readiness for standard and non-standard decisions. Any mistake in the course of the game is analyzed. The outcome of the discussion should involve both a correct solution of the problem and recommendations for the prevention of errors.

Universities implement two approaches to the development of competencies. According to the first approach, teachers form students' individual competency components (knowledge, abilities, skills), and then integrate them and create the conditions for the actualization of competencies. The second approach is designed to generate competence in the activities, so that all components of the competencies are required in the educational process. This approach seems more appropriate for the development of situational professional readiness and it is implemented through competence-oriented tasks. Speaking about the competence-oriented assignments, we mean the organization of independent activity of students (both classroom and extracurricular), including a system of specific pedagogical (quasiprofessional) situations and tasks aimed at development of different types of learning activities and the implementation of competence-based experience. So, the specificity of the competence-oriented tasks is that they should be interdisciplinary, on the one hand, and be linked with the professional activities on the other [2; 3].

While developing competence-oriented tasks, we created conditions for stimulating students' learning, cognitive and professional motivation, interest, intellectual and practical skills as well as development of skills of implementing the knowledge, working in a team, formulating individual point of view and applying creativity [1]. Competence-oriented tasks are fulfilled by students in a limited amount of time, acustoming them to fast thinking and decision-making.

The study showed that the triad “cases – games – competence-oriented tasks” promotes the development of students' situational readiness. We made this conclusion considering the following indicators: the speed and accuracy of case solving in the groups of pilot training had increased. In the allotted time students fulfilled more competence-oriented tasks.

Students of pilot-training groups demonstrated a distinct tendency to improve academic performance and to develop an adequate self-esteem. Our study did not reveal any reliable and

significant differences in the development of situational readiness of students of different specialties. At the initial stage of the study of each module it is advisable to apply competence-oriented tasks and case method, and to conduct role-playing and business games at the final stage, that will contribute to the development of situational readiness of students.

Thus, the study shows that development of situational readiness of university graduates can be achieved in case of setting it as a distinct goal of training, involving highly-skilled teaching staff and developing methodical maintenance of implementation of interactive methods “cases – role-play and business games – competence-oriented tasks”.

References:

1. Вахтина Е. А., Артюхина А. И. Компетентностно-ориентированные задания в самостоятельной работе студентов-медиков // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». – 2014. – № 3(30) // [Electronic resource]. – Available from: <http://www.grani.vspu.ru/jurnal/35>
2. Гурьянова А. В. Компетентностный подход в образовании // [Electronic resource]. – Available from: <http://festival.1september.ru/articles/574903>
3. Демидова М. Ю., Никифоров Г. Г., Камзеева Е. Е. Диагностика учебных достижений по физике. Особенности подготовки учащихся к ЕГЭ и ГИА // [Electronic resource]. – Available from: <http://edu.1september.ru/courses/16/009/7.pdf>
4. Загвязинский В. И. Теория обучения. Современная интерпретация / В. И. Загвязинский. – М.: Академия, 2001. – 407 с.
5. Одилова Н. Ф. Эффективность использования ролевых игр в процессе обучения [Текст] / Н. Ф. Одилова // Молодой ученый. – 2011. – № 12, Т. 2. – С. 121–124.
6. Современные образовательные технологии / под ред. Н. В. Бордовской – 2 е изд. стер. – М.: Кнорус, 2011. – 432 с.

*Gurov Valery Nikolaevich,
Professor, doctor of pedagogical Sciences, honored worker
of higher professional education of Russia, laureate of Government prize
of the Russian Federation in the field of education, head of Department
of the theory and practice of education management Institute
of education development of the Republic of Bashkortostan
E-mail: valeriygurov@bk.ru*

*Lyutova Gulnara Rishadovna,
Director of the Center of additional education «Studio Word»,
Director of the private educational institution
of additional education «Arista» (Belebey),
the deputy of the Council of the urban settlement of the city Belebey municipal district
Belebeyevsky District, a member of the Union of Entrepreneurs Belebey*

Monocities Bashkortostan: private educational organization in the context of formation of a professional orientation of older teens through more general developmental programs

Article is based on research grant

Abstract: The questions address the problem of formation of a professional orientation of older teens in mono on the basis of more general developmental programs of private educational organization.

Keywords: one-industry town, a private educational organization, vocational guidance older teens, more general developmental program.

*Гуров Валерий Николаевич,
профессор, доктор педагогических наук,
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ в области образования,
заведующий кафедрой теории и практики управления образованием
института развития образования Республики Башкортостан
E-mail: valeriygurov@bk.ru*

Лютова Гульнара Ришадовна,
директор Центра дополнительного образования «Студия Слова»,
Директор ЧОУ ДПО «Ариста» (г. Белебей),
депутат Совета городского поселения город Белебей
муниципального района Белебеевский район,
член Союза предпринимателей г. Белебей

Моногород Башкортостана: частная образовательная организация в контексте формирования профессиональной ориентации старших подростков на основе дополнительных общеразвивающих программ

Статья написана на основе исследовательского гранта

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы решения проблемы формирования профессиональной ориентации старших подростков в моногороде на основе дополнительных общеразвивающих программ частной образовательной организации.

Ключевые слова: моногород, частная образовательная организация, профессиональная ориентация старших подростков, дополнительные общеразвивающие программы.

Белебей (по-башкирски — Бәләбәй) — городское поселение в Республике Башкортостан Российской Федерации, входит в состав Белебеевского района, одновременно являясь его административным центром. Численность населения — 59 430 человек. Значимыми предприятиями города являются: Предприятие «БелЗАН», Белебеевский филиал ОАО «Башспирт», Белебеевский ордена «Знак Почёта» молочный комбинат, Предприятие «Керамика», Белебеевский машиностроительный завод [1].

Выбор профессионального пути учащимися начинается еще в школе. Ее решению способствует профориентированная работа. Профориентационная работа является одной из самых перспективных психолого-педагогических форм помощи учащейся молодежи на современном этапе развития общества, когда постоянно меняющиеся политические, экономические и социальные условия затрудняют и без того довольно сложный процесс выбора профессии.

Еще более усложняется этот процесс для молодежи, проживающей в моногородах. Социокультурное пространство моноиндустриальных городов, к которым относится и город Белебей, характеризуется снижением численности населения за счет превышения смертности над рождаемостью; спрос и предложение на рынке труда остаются несбалансированными; продолжается отток наиболее активной и талантливой молодежи; по сравнению с другими территориями республики уровень доходов населения низкий.

В этой связи возникает необходимость поиска новых форм и методов профессиональной ориентации старших подростков в условиях моногорода.

Объект исследования: профессиональная ориентация старших подростков в системе дополнительного образования.

Предмет исследования: процесс формирования профессиональной ориентации старших подростков на основе дополнительных общеразвивающих программ частной образовательной организации в моногороде.

Гипотеза исследования: профессиональная ориентация старших подростков на основе дополнительных общеразвивающих программ в моногороде будет эффективной, если:

- в организацию профессиональной ориентации старших подростков включаются ресурсы нескольких организаций, включая международные, на основе сетевой формы реализации дополнительных общеразвивающих программ частной образовательной организации с использованием возможностей государственно-частного партнерства;

- в содержание дополнительных общеразвивающих программ частной образовательной организации включены образовательные модули по выявлению потенциала способностей личности старших подростков и уровня его готовности к профессиональному самоопределению;

- дополнительные общеразвивающие программы частной образовательной организации создают условия для получения старшим подростком минимального личного опыта в отношении различных областей профессиональной деятельности;

- семья старшего подростка становится активным субъектом процесса проводимой профориентационной работы на основе дополнительных общеразвивающих программ частной образовательной организации в моногороде.

Конкретные методы и методики реализации исследования

Методологическую основу исследования составляют положения диалектики о взаимосвязи и взаимообусловленности явлений; о развитии личности как субъекта познания, общения и трудовой деятельности; об активной роли личности в познании, о диалектической взаимосвязи содержания и формы, структуры и функций; о единстве эмпирического и теоретического в научном исследовании; психолого-педагогические представления о взаимодействии как многокомпонентном процессе, осуществляемом

в совместной деятельности и общении; современные концепции педагогики и психологии, определяющие содержание, формы и методы профориентационной работы в образовательном процессе; современные теории мотивации.

Для реализации поставленной цели и задач исследования необходимо использование следующих методов:

- теоретические: теоретический анализ и синтез, обобщение опыта, абстрагирование, моделирование;
- эмпирические: наблюдение, опрос, тестирование, беседа, эксперимент, праксиметрический метод (изучение документации и результатов деятельности), модифицированные методы (конструирование производственных ситуаций, экономических отношений);
- статистические: количественная и качественная обработка материалов методами математической статистики, педагогическое измерение, множественное сравнение.

Характеристика предполагаемых результатов

В ходе инновационной деятельности будет осуществлено:

1. Разработана и апробирована организационно-содержательная модель профессиональной ориентации старшеклассников с включением ресурсов нескольких организаций, в том числе международных, на основе дополнительных общеразвивающих программ частной образовательной организации в моногороде;

2. Разработана и апробирована организационно-правовая документация в соответствии с логикой и принципами государственно-частного партнерства в области образования;

3. Обобщен опыт работы по реализации дополнительных общеразвивающих образовательных программ частной образовательной организации в моногороде;

4. Обобщены и систематизированы результаты инновационной деятельности в виде учебных пособий, методических рекомендаций, монографии и т. д.

Возможные потребители: результаты исследования могут быть использованы социальными педагогами и психологами, учителями-предметниками для формирования готовности к выбору профессии и профессиональной направленности у старших подростков общеобразовательных школ и системы среднего профессионального образования в условиях моногорода, частными дополнительными образовательными организациями.

Параметры, по которым определяется эффективность инновационной деятельности:

1. Повышение уровня адекватной соотнесенности профессионального выбора старших подростков с главными задачами кадровой политики государства.

2. Повышение уровня социальной адаптированности и оптимизма старших подростков в отношении профессионального будущего.

3. Повышение уровня комплексности работы по профориентации старших подростков, что предполагает работу по основным направлениям: профинформирование, профдиагностику, морально-эмоциональную поддержку

самоопределяющимся школьникам, помощь в конкретных профессиональных выборах и помощь в планировании перспектив дальнейшей жизни.

4. Повышением эффективности формирования профессиональной ориентации старших подростков на основе дополнительных образовательных программ в частной образовательной организации в моногороде с включением в их содержание ресурсов нескольких организаций, в т. ч. международных, на основе сетевой формы реализации с использованием государственно-частного партнерства.

5. Повышением возможностей в выявлении потенциала способностей личности старшего подростка и уровня его готовности к профессиональному самоопределению за счет включения в содержание дополнительных образовательных программ соответствующих образовательных модулей.

В ходе проведенной исследовательской работы будет получено:

- организационно-содержательная модель формирования профессиональной ориентации старших подростков в моногороде на основе дополнительных общеразвивающих программ частной образовательной организации.
- нормативно-правовая документация, учебные планы и программы;
- обобщены и систематизированы результаты работы в формате монографии, учебного пособия, учебно-методического пособия, методических рекомендаций.

Социальная значимость данного проекта заключается в том, что в ходе проводимой работы в моногороде за счет включения в этот процесс ресурсов городских и международных организаций на основе сетевого взаимодействия с использованием возможностей государственно-частного партнерства и потенциала семьи решается проблема формирования старших подростков с многомерным инновационным мышлением. Данный проект представляет собой способ разработки и успешной реализации жизненного сценария подростков в будущем.

Социальная значимость данного проекта состоит в преодолении имеющегося разрыва в профориентационной работе со старшими подростками в моногородах и городах с многопрофильной экономикой. Это также способствует дальнейшей успешной социальной адаптации выпускников моногородов.

Одновременно будут предприняты шаги к более системному подходу в реализации кадровой политики моногорода за счет профессиональной ориентации старших подростков.

Обобщение задач работы:

1. Анализ современного состояния проблемы профессиональной ориентации старших подростков в науке и передовой педагогической практике на основе дополнительных общеразвивающих программ в частной образовательной организации в моногороде.

2. Определение организационно-содержательных компонентов модели формирования профессиональной

ориентации старших подростков на основе дополнительных общеразвивающих программ частной образовательной организации в моногороде и критериев ее эффективности;

3. Внедрение организационно-содержательной модели формирования профессиональной ориентации старших подростков в моногороде на основе общеразвивающих программ в частной образовательной организации с включением ресурсов нескольких организаций, в т. ч. международных и сетевой формы реализации и государственно-частного партнерства;

4. Включение в содержание дополнительных общеразвивающих программ частной образовательной организации образовательных модулей по выявлению потенциала способностей личности старшего подростка и уровня его готовности к профессиональному самоопределению;

5. Вовлечение семьи старшего подростка как активного субъекта профориентационной работы на основе общеразвивающих программ частной образовательной организации в моногороде.

Список литературы:

1. Белебей // [Электр. ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Белебей> (Дата обращения: 27.01.2016).
2. Гуров В. Н., Лютова Г. Р. Педагогические условия реализации концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ в контексте моногорода // Инновации в образовании. – 2012. – № 12. – С. 33–43.
3. Лютова Г. Р., Гуров В. Н. Инновационный проект: «Государственно-частное партнерство в контексте развития муниципального образовательного комплекса» / В сборнике: Педагогический менеджмент в развитии образовательных комплексов. Методология, методические разработки и материалы (гор. округ г. Нефтекамск). – Уфа, 2015. – С. 48–53.
4. Лютова Г. Р., Гуров В. Н. Исследовательский проект «Профильное обучение в общеобразовательных организациях города» / В сборнике: Педагогический менеджмент в развитии образовательных комплексов. Методология, методические разработки и материалы (городской округ город Нефтекамск). – Уфа, 2015. – С. 35–44.
5. Гуров В. Н., Мазитов Р. Г., Лютова Г. Р. Подготовка управленческих кадров образования в контексте государственно-частного партнерства // Инновации в образовании. – 2015. – № 7. – С. 125–135.
6. Gurov V., Mazitov R., Lyutova G. Management training education in the context of public-private partnership // Proceedings of the 1st International Academic Congress «Fundamental and Applied Studies in the Pacific and Atlantic Oceans Countries». (Japan, Tokyo, 25 October 2014). – Tokyo University Press: 2014. – Volume I. – P. 663–668.
7. Gurov V., Mazitov R., Lyutova G. Management training education in the context of public-private partnership // Canadian Journal of Science, Education and Culture. – Toronto Press: 2014, July–December. – No. 2(6), Volume III. – P. 389–394.

*Laptev Ivan Grigoryevich,
candidate of pedagogical Sciences, Professor, Department of preschool
and primary education, Astrakhan state University
E-mail: aspu@aspu.ru*

Role playing English flute in the revitalization process of musical development of younger students

Abstract: In article practical experience of younger pupils play the recorder and the success of this musical activity in the revitalization process of musical development of children.

Keywords: recorder, primary school children, musical activity, promotion of musical development.

*Лаптев Иван Григорьевич,
кандидат педагогических наук, профессор, кафедра дошкольного
и начального образования, Астраханский государственный университет
E-mail: aspu@aspu.ru*

Роль игры на блокфлейте в процессе активизации музыкального развития младших школьников

Аннотация: В статье рассматривается практический опыт игры младших школьников на блокфлейте и успешность этой музыкальной деятельности в процессе активизации музыкального развития детей.

Ключевые слова: блокфлейта, младшие школьники, музыкальная деятельность, активизация музыкального развития.

Успешный многолетний практический опыт показывает, что музыкальность младших школьников активно развивается в процессе игры на блокфлейте [1].

Блокфлейта отличается от других инструментов своего семейства наличием семи пальцевых отверстий на лицевой стороне и одного на тыльной — так называемого октавного клапана. Звук в блокфлейте формируется в клавовидном мундштуке, находящемся на торце инструмента. В мундштуке находится деревянная пробка, прикрывающая отверстие для вдувания воздуха (оставляя лишь узкую щель). Звукоряд блокфлейты диатонический, но с использованием виолочных аппликатур расширяется до полного хроматического. Блокфлейта обычно имеет строй «Фа» или «До», то есть это самый низкий звук, который можно на ней извлечь. Наиболее распространённые разновидности блокфлейты по высоте звучания: сопранино, сопрано, альт, тенор, бас. Для младших школьников наиболее приемлемым для игры является блокфлейта сопрано «До».

Небезынтересно, что звуки этого инструмента с колеблющимся столбом воздуха воспринимаются не только слуховым анализатором, но и вибрационно, на основе «костно-тканевой проводимости, которая в слуховых восприятиях играет довольно большую роль» [2].

Методика музыкального развития детей, прежде всего, с низким уровнем музыкальных задатков, позволяла осваивать навыки игры на блокфлейте в увлекательной форме. Дети (3–5 учащихся) аккуратно закрывали отверстия на инструменте, при этом поиск верного звука для слухового и визуального контроля сопровождался игрой педагога на блокфлейте. Как только верное звучание было найдено учащимися, весь класс повторял интонационно верно этот звук. Унисонное звучание трансформировалось в инструментальную несложную мелодико-ритмическую модель, сыгранную педагогом на одном звуке. Как музыкально-ритмическое эхо модель повторяли учащиеся — инструменталисты, затем все ученики класса с увлечением пели эти мелодико-ритмические фразы. Далее учащиеся осваивали точность интонационного звучания трёх звуков, что уже позволяло инструментально музицировать с завершением музыкальной фразы. Но это было на последующих уроках музыки.

В дальнейшем, с целью активизации развития музыкально — слуховых представлений, как основного компонента музыкального развития младших школьников, в индивидуальном порядке детям предлагалось сначала мысленно сочинить «свою» мелодию на пяти звуках, а затем сыграть её. Беседы с детьми указывали на адекватность предварительного сочинения и последующего проигрывания музыкально-ритмической модели. В связи с тем, что блокфлейта «сопрано», при последовательном открытии отверстий, имеет диатонический строй в до-мажоре, а примарная певческая зона детей звучит ровно на октаву ниже, то практически все дети с низким уровнем музыкальных задатков верно повторяли голосом «свой» мелодический рисунок. Это был значительный прогресс в музыкальном

развитии детей. Инструментальная деятельность учеников с низким уровнем музыкальности на уроке составляла не более 5–7 минут, что способствовало успешному усвоению школьного программного материала всеми детьми в классе.

Современные российские требования к общеобразовательной школе по предмету «Музыка» стали более динамичными. В «Стандарт начального общего образования по искусству» как раздел опыта музыкально-творческой деятельности, восполняющим и нивелирующим дисбаланс координации между слухом и голосом, обладающим компенсаторными возможностями, вводится инструментальное музицирование [3].

Опыт инструментального музицирования с детьми указывает на высокие потенциальные возможности игры на блокфлейте как средства активизации музыкального развития младших школьников.

И ещё. В качестве заинтересованности инструментом блокфлейта, «родственником» флейты, младшим школьникам можно рассказать древнюю легенду. А начать можно со строк М. Цветаевой из поэмы «Крысолов»:

*Сладкие сны, густые чащи...
А сердце всё тише, а флейта всё слаще...
Не думай, а следуй, не думай, а слушай.
А флейта всё слаще, а сердце всё чаще...*

И затем возможна свободная транскрипция учителя о музыканте-крысолове из немецкого города Хамельн земли Нижняя Саксония, который в значительной мере известен благодаря легенде о гаммельнском крысолове...

Однажды в городок Гаммельн пришли крысы. Они причиняли жителям города неисчислимые бедствия. И вот явился крысолов, взявшийся избавить город от беды. Магистрат заключил с ним договор, по которому обязался выплатить 1000 талеров, если он сумеет избавить город от крыс. Крысолов заиграл на волшебной флейте и крысы вышли из своих нор, собираясь вокруг него. Когда крысолов убедился, что все грызуны выползли, он двинулся в сторону реки Везер. Вся толпа крыс и мышей последовала за ним, бросилась в воду и утонула. Но жадный магистрат не захотел заплатить Крысолову положенную ему сумму. Тогда Крысолов отплатил жителям Гаммельна: он снова заиграл на своей флейте и все жители города — и взрослые, и дети — всю неделю без отдыха танцевали и пели, а затем навсегда исчезли из Гаммельна. Рассказывают, что где-то далеко в зарослях альпийских лугов живут счастливые люди, не знающие несправедливости, вражды, корысти, и будто эти люди красиво поют, а говорят они на гаммельнском диалекте.

Младшие школьники с восторгом и воодушевлением воспринимают необычный рассказ учителя о музыканте-флейтисте, что, несомненно, способствует желанию лучшего усвоения навыков игры на блокфлейте.

Следует заметить, что основными являются два важных навыка — точное перекрытие отверстий блокфлейты и верная без напряжения подача воздуха в мундштук.

Если на уроках музыки игре на блокфлейте и повторению голосом всем классом небольших музыкально-

ритмических моделей и мелодий уделялось несколько минут, то во внеклассной работе музыкальная деятельность младших школьников в процессе инструментального музицирования приобретала поистине широкий характер. Дети изучали нотную грамоту и осваивали при игре на блокфлейте немецкую аппликатурную систему.

Был организован ансамбль блокфлейтистов, который выступал не только в школе на родительских собраниях, но и на торжественных мероприятиях города Астрахани. В репертуаре ансамбля, играющего без сопровождения и сопровождаемого игрой на фортепиано, были народные песни и музыкальные пьесы классического характера. Например, любимыми произведениями ансамблистов были русские народные песни «Со вьюном я хожу», которая исполнялась трехголосным канонem и песня «Во кузнице», где звуки первых двух слогов исполнял солист и далее мелодию подхватывал весь инструментальный ансамбль.

Из музыкальной классики чаще всего исполнялись пьесы из «Детского альбома» П. И. Чайковского [5] — № 4 «Мама», № 5 «Марш деревянных солдатиков», № 16 «Старинная французская песенка» и № 17 «Немецкая песенка», в которой важным приёмом легкого стоккатирования, являлось выполнение навыка подачи звука в мундштук как бы слогом «ту».

Из зарубежной музыки дети исполняли в унисон лишь фрагменты пьесы «Снег танцует» из сюиты для фортепиано Клода Дебюсси «Детский уголок» и тоже унисонные

фрагменты пьесы «Кукла (Колыбельная песня)» из цикла пьес для фортепиано в 4 руки «Детские игры» Жоржа Бизе.

С увлечением дети разучивали и исполняли аранжированные для ансамбля блокфлейт в сопровождении фортепиано песни различных народов. Это — итальянская народная песня «Четыре таракана и сверчок» с вокальным исполнением, австрийская «Ах мой милый Августин» с удобным для пальцев тональным отклонением, греческая «Колечко» с первоклассницей-солисткой, английские «Покажи, как играет флейта» и «Наш оркестр» с хоромым исполнением этих песен.

Достаточно широкий диапазон исполняемых на блокфлейтах в процессе классной и внеклассной музыкальной деятельности пусть небольших, но значимых в мировой музыкальной литературе музыкальных произведений расширял музыкальный кругозор учащихся, способствовал развитию музыкальных способностей, давал повод для прослушивания дома с родителями, не без помощи интернета, других музыкальных произведений из этих же циклов. Более того, в семейном кругу инициировалось создание семейных музыкальных ансамблей, о чем с гордостью сообщали дети.

Таким образом, практика подтвердила гипотезу о принципиальной важности игры младших школьников на блокфлейте в процессе активизации музыкального развития.

Список литературы:

1. Лаптев И. Г. Детский оркестр в начальной школе. — М., 2000. — С. 45.
2. Руководство по фониатрии/под ред. В. П. Морозова. — Л., 1970. — С. 130.
3. Стандарт начального общего образования по искусству//Начальная школа. — 2004. — № 10. — С. 7.
4. Laptev I. Innovative aspect of musical abilities of younger schoolboys. — «Global Science and Innovation»: A global perspective on science, technology and innovation conference. 17–18 December 2013. — USA, Chicago, 2013. — P. 259–261.
5. Laptev I. Instrumental music – arrangements plays «Children's album» P. Tchaikovsky. — Lap Lambert Academic Publishing, Deutschland, Saarbrücken, 2015. — 149 p.

*Fruktova Yana Stanislavovna,
the Borys Grinchenko Kyiv University,
associate professor,
Department of Journalism and New Media
E-mail: yana.fruktova@gmail.com*

Fundamentality of curriculums content in the professional training journalists while obtaining the "Bachelor's" degree on the basis of competence approach

Abstract: This article presents the theoretical justification of fundamentality of journalists professional training curriculums while obtaining the "Bachelor's" degree on the basis of competence approach. The general professional competencies which define the content of invariant core of future professionals knowledge are enumerated in this research.

Keywords: journalism, education content, curriculums, professional training, competence approach, competence.

Фруктова Яна Станиславовна,
Киевский университет имени Бориса Гринченко,
доцент кафедры журналистики и новых медиа
E-mail: yana.fruktova@gmail.com

Фундаментализация содержания образовательных программ профессиональной подготовки журналистов ОКУ «Бакалавр» на основе компетентностного подхода

Аннотация: В статье представлено теоритическое обоснование фундаментализации программ профессиональной подготовки журналистов образовательно-квалификационного уровня «Бакалавр» на основе компетентностного подхода, представлен перечень общепрофессиональных компетенций, которые определяют содержание инвариантного ядра знаний будущих специалистов.

Ключевые слова: журналистика, содержание образования, образовательная программа, профессиональная подготовка, компетентностный подход, компетенции.

Современными тенденциями развития украинской системы образования выступают фундаментализация содержания, усиление гуманистической направленности, духовного и общекультурного компонентов как на уровне общеобразовательном, так и профессиональной подготовки специалистов. При этом особая роль уделяется формированию у студентов системного подхода к анализу сложных социальных феноменов, критического мышления, воспитания социальной ответственности за результаты профессиональной деятельности [1]. Эти процессы в Украине происходят в условиях построения гражданского общества, социально-политического и экономического кризиса, трансформации социальной психологии, системы жизненных ценностей и ориентиров, морально-этических норм. Трудно переоценить роль журналистики как социального института в период как внутренних изменений общества так и усиления влияния внешних факторов, таких как глобализация, евроинтеграция, информационная экспансия. Несмотря на многочисленные работы современных украинских теоретиков журналистики и массовой коммуникации, таких как В. Буряк, М. Василенко, В. Владимиров, О. Гоян, О. Гриценко, В. Демченко, М. Житарюка, В. Здоровега, В. Иванов, С. Квит, О. Мелешенко, И. Михайлин, А. Москаленко, З. Партько, Б. Потятиник, В. Ризун, С. Сырополко, М. Скуленко, Ю. Шаповал, Е. Шестакова, В. Шкляр актуальным остается вопрос фундаментализации содержания профессиональной подготовки специалистов медиасферы. Кроме того не разработанной остается проблема отбора содержания инвариантного генерализованного ядра знаний, форм, средств и методов его реализации в условиях трансформации информационного пространства, современного университетского образования. Обнаруженное противоречие между теорией и практикой, объективная необходимость модернизации профессиональной подготовки специалистов с учетом внедрения двухступенчатого высшего образования, внедрение основных и дополнительных специализаций обусловили необходимость научного обоснования решения обозначенной выше проблемы.

В современных условиях для выпускников учебных заведений первоочередным становится понимание социального значения своей профессии и, соответственно, понимание своего места в системе социальных отношений, а также способность к критической оценке своего профессионального опыта, сознательного выбора путей и методов совершенствования личных и профессиональных качеств. При этом введение двухцикловой профессиональной подготовки специалистов по образовательно-квалификационным уровням (ОКУ) бакалавра и магистра требует пересмотра ее содержания, форм, методов, создание нового поколения дидактических средств. По мнению экспертов, наибольшее беспокойство вызывает именно ОКУ «Бакалавр». На Хельсинском семинаре [2] учеными были определены следующие характеристики бакалавриата: повышает уровень гибкости и мобильности; способствует модуляризации образовательных программ; расширяет возможности взаимодействия образования и трудовой деятельности; усиливает роль парадигмы образования в течение жизни. При этом цель бакалаврских программ — «научить учиться». Они имеют различные профили и ориентации с целью учета различных индивидуальных и академических потребностей и запросов рынка труда и не могут рассматриваться как часть более длительной (магистерской) программы обучения. Что ни в коем случае не снижает культурную ценность высшего образования. Бакалаврские программы должны обеспечивать прозрачность и сопоставимость предоставляемых базовых компетенций, которые не должны зависеть от краткосрочных потребностей рынка труда и служить узким профессиональным целям. По мнению международных экспертов, в бакалаврских учебных программах необходимо предусматривать развитие достаточного количества навыков для трудоустройства, а также организацию стажировок и обучение на рабочем месте. В заключительном документе Семинара подчеркивается взаимосвязь системы высшего образования с обществом в целом и говорится о том, что все программы бакалавриата должны включать в себя

универсальные (transversal) или общие (generic) навыки и компетенции.

Дублинский дескриптор [3] степени бакалавра определяет, что эта степень присуждается выпускникам, которые: продемонстрировали знания и понимание своей области изучения, которые основываются на фундаменте общего среднего образования, но является более высоким уровнем по отношению к последнему; в типичном случае это уровень, который основывается на овладении материалом современных учебников и включает определенные элементы, свидетельствующие о *знании важнейших основ соответствующих наук*; умеют применять свои знания и свое понимание таким образом, как это принято в соответствующей профессиональной сфере, и обладают компетенциями, проявляющимися в умении выстраивать аргументацию и принимать решения в своей сфере знания; обладают способностью собирать и интерпретировать нужные данные, чтобы на их основе строить суждения, предполагающие оценку социальных, этических и других аспектов проблемы; способны доносить информацию, идеи, проблемы и их решения как до специалистов, так и до неспециалистов; развили в себе способности к обучению, которые необходимы для продолжения образования и самообразования. Интегральная компетентность как обобщенное описание квалификационного уровня, который выражает основные компетентностные характеристики уровня «Бакалавр» по обучению и профессиональной деятельности в соответствии с положениями Национальной рамки квалификаций на уровне бакалавриата [4], содержит следующие позиции: способность решать сложные специализированные задачи и практические проблемы в определенной области профессиональной деятельности или в процессе обучения, предусматривает применение определенных теорий и методов соответствующей науки и характеризуется комплексностью и неопределенностью условий; критическое осмысление основных теорий, принципов, методов и понятий в обучении и профессиональной деятельности; концептуальные знания, приобретенные в процессе обучения и профессиональной деятельности, включая определенные знания современных достижений решения сложных непредвиденных задач и проблем в специализированных сферах профессиональной деятельности и/или обучения, предусматривает сбор и интерпретацию информации (данных), выбор методов и инструментальных средств, применение инновационных подходов донесение до специалистов и неспециалистов информации, идей, проблем, решений и собственного опыта в области профессиональной деятельности управления комплексными действиями или проектами; ответственность за принятие решений в непредвиденных условиях ответственность за профессиональное развитие отдельных лиц и/или групп лиц, способность к дальнейшему обучению с высоким уровнем автономности.

В докладе EUA «Тенденции 2010: десятилетие перемен в европейском высшем образовании» [5] сделаны следующие выводы: создание первого цикла — бакалавриата,

по замыслу инициаторов реформ, должно усилить ориентацию высшего образования на рынки труда, однако во многих странах мира основной квалификацией для входа на рынок труда остается квалификация магистра; наблюдается негативная тенденция проектирования бакалаврских программ за счет сокращения продолжительности обучения, увеличение дидактических единиц, без пересмотра принципов отбора их содержания, форм, методов и средств обучения; учебные программы не являются гибкими, исключают творчество и инновации. В некоторых европейских странах, в частности Венгрии, Польше, преподаватели и студенты не уверены в ценности первого болонского цикла и в его признании работодателями. Подобные тенденции наблюдаются и в Украине.

В целях расширения признания бакалавров на рынке труда и в поддержку выпускников в их росте сегодня предприняты попытки по разработке и научному обоснованию структурно-функциональных моделей специалистов; структуры и содержания профессиональных компетенций; динамического обновления образовательных программ, привлечение работодателей и внешних экспертов к перестройке учебных планов.

Кроме вышеизложенного, по нашему мнению, при проектировании образовательных программ профессиональной подготовки высшего учебного заведения необходимо учитывать то, что в условиях перманентного научно-технологической революции жизненный цикл современных технологий, в частности информационных, становится соизмеримым, а в большинстве случаев значительно меньше, чем срок профессиональной деятельности специалиста. В этих условиях доминирующим в образовании становится формирование способности специалиста на основе соответствующей фундаментального образования перестраивать систему своей профессиональной деятельности с учетом социально значимых целей и нормативных ограничений — то есть формирование личностных характеристик будущего специалиста. Фундаментальные знания сегодня рассматриваются как знания о социальных и профессиональных нормах деятельности специалиста, основа его образования и профессиональной подготовки. Фундаментальные знания формируют способность человека овладевать новыми знаниями, ориентироваться в возникающих проблемах, эффективно выполнять профессиональные задачи, прогнозировать результаты деятельности. Фундаментальные знания являются инвариантными в отношениях: отрасли знаний-специальность-специализации.

Сегодня высшие учебные заведения в соответствии с Законом Украины «О высшем образовании» [6] на основании образовательно-профессиональной (образовательно-научной) программы по каждой специальности получили возможность разрабатывать учебный план, который определяет перечень и объем учебных дисциплин в кредитах Европейской кредитно-трансферной системы [7] (ЕКТС), последовательность изучения дисциплин, формы проведения учебных занятий и их объем, график учебного процесса,

формы текущего и итогового контроля. Высшее учебное заведение в пределах лицензированной специальности может определять перечень и вводить специализации. Сейчас сложилась ситуация, когда в рамках специальности «Журналистика» внедряются как традиционные специализации такие как «Прессовая журналистика», «Радиожурналистика», «Тележурналистика», «Интернет журналистика», тематические «Спортивная журналистика», «Образовательная», «Религиозная», «Экономическая», «Военная» и другие, так и новые «Реклама и связи с общественностью», «Издательское дело и редактирование» и другие.

Результаты формирования системы компетенций как общепрофессиональных (инвариантный компонент профессиональной подготовки), так и специально профессиональных (вариативная составляющая содержания, специализации основные и дополнительные) являются одними из ключевых моментов оценки знаний будущего специалиста.

Киевский университет имени Бориса Гринченко в связи с изменениями перечня специальностей профессиональной подготовки специалистов и увеличением автономности высших учебных заведений Украины начал эксперимент по внедрению новых образовательных программ. Группа научно-педагогических работников под руководством доктора филологических наук, профессора Бондаревой Е.Е и кандидата филологических наук (журналистика) Нестеряка Ю.В. разработала программы подготовки журналистов. Объем программы подготовки бакалавров составляет 240 кредитов Европейской кредитно-трансферной системы. Уровень программы относительно Национальной рамки квалификаций Украины — шестой. Цель программы — предоставить образование в области социальных коммуникаций, подготовка универсального журналиста, ориентированного на деятельность в современных конвергентных средствах массовой информации, студентов с углубленным интересом к определенным отраслям социальных коммуникаций к дальнейшему обучения магистратуре (медиа-коммуникации, журналистика, литературное творчество). Программа дает возможность получить дополнительную квалификацию «Фотокорреспондент», «Специалист по интервьюированию СМИ». Ориентация программы — образовательно-профессиональная. Трудоустройство выпускников возможно в редакциях печатных изданий, телевизионных и радиоорганизациях, издательствах, медиа и онлайн структурах, в частности информационных агентствах, образовательных учреждениях, политических партиях и общественных организациях (руководитель кружка, журналист, фотокорреспондент, сотрудник пресс-центра, сотрудник отдела по связям с общественностью, сотрудник онлайн структуры). Продолжение образования: магистратура по журналистике и междисциплинарные программы по социальным коммуникациям (реклама и связи с общественностью, издательское дело и редактирование, медиакommunikation). На основе критического анализа современной теории и практики профессиональной подготовки журналистов в Украине и мире мы научно обосновали следующий перечень компетенций,

на основе которого было отобрано содержание образования. Ключевые, базовые: мировоззренческая, гражданская, коммуникативная, информационная, научно-исследовательская, самообразовательная. Общие профессиональные: ценностно-смысловая — осознание социальной роли профессиональной деятельности, морально-этических принципов ее осуществления. Социально-коммуникационная — обнаружение, продуцирование и передача социального смысла в конкретном социальном времени-пространстве. Информационная — способность к сбору, обработке, хранению, продуцированию, передачи профессионально важной информации с учетом социокультурного контекста; умение выделять общественно значимую информацию из общего информационного потока. Дискурсивная — способность к продуцированию логично выстроенных текстов с учетом экстралингвистических факторов (прагматичных, социокультурных, психологических и других). Тексты, которые рассматриваются в контексте конкретного события, «формы жизни» (репортаж, интервью и т.д.). Стилистическая — способность выбирать способы и формы использования языковых средств, в каждом конкретном коммуникативном случае, оценивать потенциальные выразительные и эмоциональные возможности языковых средств. Информативная — владение на профессиональном уровне современными инфокоммуникационными технологиями, в частности, навыками использования программно-аппаратных средств, работы в электронных сетях, использования ресурсов интернета. Правовая — способность к анализу медиа-права, идентификации правонарушений в данной сфере профессиональной деятельности, принятия превентивных мер. Деонтологическая — готовность осуществлять во время профессиональной деятельности самостоятельный нравственный выбор на основании общечеловеческих ценностей, этических положений и норм профессиональных стандартов в области журналистики. Прогностическая — способность прогнозировать роль СМИ в контексте культурной, политической и социально-экономической жизни общества; умение идентифицировать угрозы и риски в сфере медиа. Социологическая — способность использовать в профессиональной деятельности знания об основных принципах функционирования современного общества и его социальных институтов, сущности социальных процессов и отношений, механизмов формирования социальной структуры, роли СМИ в этих процессах; понимание роли аудитории в потреблении и производстве массовой информации, представление о ее основных характеристиках и методах изучения; осознание природы общественного мнения и смысла гражданского участия в современных СМИ. Психологическая — способность к применению психологических знаний в профессиональной деятельности, в том числе выявление предпосылок и прогнозирование последствий коммуникационных воздействий на масс-медийную аудиторию. Педагогическая — готовность к использованию знаний по теории воспитания при осуществлении профессиональной деятельности, реализации профессиональных

задач по формированию иерархии ценностей аудитории, ее отношение к процессам и явлениям окружающей действительности, разработки просветительских проектов, реализации концепции медиаобразования населения. Кросс-культурная — готовность к использованию профессионально-профилированных знаний по комплексному анализу особенностей развития культуры и традиций этносов с целью осознания их специфики и содержательного своеобразия, определение картины мира определенной социальной группы, ее концептосферы; выявление, продуцирование и воспроизводство социальных смыслов в конкретном социальном времени и пространстве. Исследовательская — выявление актуальных проблем современной медиа сферы и журналистики как социального института, владение методологией теоретического и эмпирического исследования журналистских явлений; переноса научных результатов в процесс организации массовой коммуникации с целью повышения ее эффективности. Проектная — способность к использованию современных положений экономики и бизнеса в профессиональной деятельности, в частности медиапроектов. Креативная — способность к генерированию новых идей и реализации их в конкретных медиа-произведениях/проектах. Акмеологическая — стремление к профессиональному росту, повышению уровня профессиональной квалификации, ответственное отношение к ходу и результатам деятельности, объективная самооценка себя как специалиста, профессиональная рефлексия. К группе специализированно-профессиональных компетенций были отнесены ниже представленные. Кросс-медийная — готовность осуществлять профессиональную деятельность в условиях становления конвергентных медиа, усиление роли интернет-журналистики. Коммуникационно-технологическая — способность к использованию научных положений теории информации и коммуникации, основ психологии и социологии с целью научно-обоснованного выбора социально-коммуникационных технологий для создания и продвижения на рынке современных медиа продуктов и медиа услуг. Производственно-технологическая — владение знаниями и навыками по газетно-журнальному, радио-, теле- и интернет-производству, освоение новейших современных

инфокоммуникационных технологий создание и продвижение на рынке медиа продуктов и медиа услуг. Медиакритики — способность к аналитическому восприятию и критическому осмыслению содержания и формы материалов СМИ, их оценки, анализа текстовых структур, стилевых параметров медиатекста, эффективности воздействия на массовую аудиторию.

На основании выше перечисленных компетенций было отобрано перечень и содержание учебных дисциплин инвариантного компонента профессиональной подготовки, усилено его практико-ориентированный аспект, укрупнено дидактические единицы, исключено дублирование учебного материала, пересмотрено программы практик. В инвариантный компонент фундаментальной профессиональной подготовки журналистов были включены следующие дисциплины: «Современные стратегии развития науки», «Социальная философия», «История украинской и мировой журналистики», «Современная научная картина мира: страноведение, политология», «Мировая культура и межкультурная коммуникация», «Психология и социология массовой коммуникации», «Медиаправо и медиаполитика», «Теория информации и коммуникации».

При этом многолетний педагогический опыт убеждает нас в том, что изменение содержания является недостаточным для улучшения результатов обучения. Поэтому внедрение новых образовательных программ предусматривает пересмотр подходов к преподаванию: отказ от репродуктивных методов обучения в пользу продуктивных проблемных, контекстное обучение как моделирование профессионально значимых ситуаций с целью использования теоретических знаний, формирования компонентов компетенций, увеличение интерактивности педагогического взаимодействия, использование новых неформальных диагностики результатов обучения (кейс-стади, медиа-проекты). Лонгитюдное исследование позволит нам проверить эффективность предложенной дидактической системы, получить экспертную оценку работодателей не только относительно содержания программы профессиональной подготовки журналистов, что было нам предоставлено на этапе ее разработки, но и уровня квалификации выпускников.

Список литературы:

1. Національна стратегія розвитку освіти в Україні на 2012–2021 роки//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.meduniv.lviv.ua/files/info/nats_strategia.pdf.
2. Официальные документы и материалы по Болонскому процессу//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bp.spbu.ru/GeneralDocs/BolognaGeneral.zip>.
3. Dublin descriptors//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tempus.ac.rs/here/tl_files/Dokumenti/Dublinski%20deskriptori.pdf.
4. Національна рамка кваліфікацій Додаток до постанови Кабінету Міністрів України від 23 листопада 2011 р. № 1341/[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1341-2011-%D0%BF>
5. Trends 2010: A Decade of Change in European Higher Education.//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ond.vlaanderen.be/hogeronderwijs/bologna/2010_conference/documents/EUA_Trends_2010.pdf
6. Закон України «Про вищу освіту» від 01.07.2014 № 1556-VII/[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/1556-18>.
7. Довідник користувача європейської кредитно-трансферної системи (ЕКТС). – Брюссель, 2009. – 44 с.

*Chumak Larisa Vladimirovna,
Communal Higher Education Establishment
«Kherson academy of continuing education»,
assistant professor of chair of theory and methods of upbringing
E-mail: larisaks2008@mail.ru*

Integrality of training-attestation development complex of professional skills of foreign literature teachers in the system of postgraduate education

Abstract: the article considers the essence of pedagogical integration in lifelong teacher's education. The conceptual basis of the integral training-attestation development complex of professional skills of foreign literature teachers in the system of postgraduate education are represented in article.

Keywords: pedagogical integration, post-graduate education, integrated training-attestation complex of professional skills of the teacher of foreign literature in the system of postgraduate education.

*Чумак Лариса Владимировна,
Коммунальное высшее учебное заведение
«Херсонская академия непрерывного образования»,
доцент кафедры теории и методики воспитания
E-mail: larisaks2008@mail.ru*

Интегральность учебно-аттестационного комплекса развития профессионального мастерства учителя зарубежной литературы в системе последиplomного образования

Аннотация: в статье рассматривается сущность педагогической интеграции в непрерывном образовании педагогических кадров. Обозначаются концептуальные основы интегрального учебно-аттестационного комплекса развития профессионального мастерства учителя зарубежной литературы в системе последиplomного образования.

Ключевые слова: педагогическая интеграция, последиplomное образование, интегральный учебно-аттестационный комплекс развития профессионального мастерства учителя зарубежной литературы в системе последиplomного образования.

Растущая диверсификация интеграционного процесса актуализируется реализацией компетентно-ориентированной парадигмы развития образования в XXI ст. и считается положительным явлением для систем высшего образования как внутри каждой страны, так и в международном контексте. Одним из прогрессивных и перспективных путей образовательных реформ является совершенствование интегративного феномена профессионального мастерства учителя. Акмеологическим резервом модернизации отечественной системы образования можно определить активного учителя-мастера — педагога нового типа: методологически компетентного в области современной философии образования специалиста, способного осуществлять не только традиционное информационно-накопительное, но и логично-ориентированное образование, необходимое молодежи для умения работать с постоянно растущим потоком информации; владеющего гностическими умениями и желающего оптимизировать профессиональную среду своей способностью генерировать новые идеи, использовать инновационные и коррекционные

технологии обучения, технологии развития одаренности и творчества.

Проблемы совершенствования учебного процесса в высшем учебном заведении в контексте перехода от отдельных научных подходов к интегративной целостности решали В. Загвязинский, Б. Кедров и др. Методологические основы формирования и развития личности учителя обосновывали В. Гмурман, И. Зязюн и др. Вопросы совершенствования интеграции знаний в содержание профессионального образования изучали А. Вознюк, И. Яковлев и др. Концептуальные положения педагогической интеграции разрабатывали В. Безруков, С. Шапоринский и др.

Рассматривая технологизацию образования в контексте усовершенствования личности, одним из принципов развития педагога И. Зязюн называет интеграцию «педагогической теории и практики в индивидуально-личностный опыт с опережающей ролью теоретического знания» [1, 34].

«Многоракурсность» педагогической интеграции М. Иванчук рассматривает как «связь однотипных частей и элементов содержания, методов и форм обучения,

целесообразно организованную в рамках образовательной системы и способствующую саморазвитию личности» [2, 30].

Всестороннее и целостное развитие профессионального мастерства учителя зарубежной литературы происходит в процессе профессиональной, учебной и самостоятельной деятельности. Благоприятными условиями для совершенствования филологом собственной педагогической системы с проявлениями творчества является его обучение и самообразовательная деятельность в курсовой период повышения квалификации. Использование интегрированного подхода в учебном процессе учреждений непрерывного образования обуславливается не только решением текущих дидактических и перспективных развивающих задач, но и предоставляет курсанту относительную свободу выбора темы, содержания, способов обучения.

Итак, педагогическое интегрирование в системе последипломного образования можно определить качественно отличным способом структурирования, презентации и усвоения программного материала, предоставляющим возможность системно излагать знания в новых органических взаимосвязях и значительно влиять на развитие профессионального мастерства учителя зарубежной литературы.

Специфика отчасти персонифицированного, личностного контекста проблемы развития профессионального мастерства учителя в системе последипломного образования актуализирует необходимость рассмотрения его интегрального комплекса как в плоскости практической педагогической деятельности, направленной на оптимизацию методического инструментария специалиста и его приемов мотивации учеников, научную организацию труда на уроках зарубежной литературы и т. д., так и в контексте учебного процесса системы последипломного образования и функционирования хтагогического аспекта в качестве самостоятельного познания филологом научных основ, помогающих ему совершенствовать собственную педагогическую систему.

Достижение необходимых результатов предполагается за счет интенсификации (от фр. *Intensification* — напряжение и делаю) качественных факторов, т. е. за счет использования потенциала умственных возможностей учителя. А. Кузьминский считает, что «в процессе обучения в рамках экстенсивного подхода возможности мозга используются лишь на 15–20 %. Предпосылкой интенсификации учебного процесса является эффективное использование возможностей мозга. Интенсивность обучения может обеспечить единство и взаимосвязь ряда факторов, а именно: «организация учебного процесса на достаточном научном уровне с точки зрения понимания сущности обучения, его движущей силы, логики, методов, форм и типов; обеспечение высокого уровня психолого-педагогической подготовки учителя; оптимальность содержания учебного материала с точки зрения его доступности и индивидуальных возможностей; демократизация и гуманизация

организации учебной деятельности; ... владение учителем педагогической технологией и техникой, психотехникой и психоэкономикой; обеспечение высокого социально-экономического статуса учителя в обществе» [4, 79].

Итак, сложность решения вопроса обеспечения интенсификации обучения объясняется как объективными факторами социально-экономического развития, так и субъективной составляющей личности учителя.

Решению проблем профессионального роста учителя и формирования собственной педагогической системы в межкурсовой период значительно помогает умение специалиста «органично сочетать заимствованные перспективные методы и приемы педагогического труда с личным опытом» [6, 86].

Хотя «интересные методические находки учителей есть в каждом педагогическом коллективе и задача руководителей школ — выявить их, помочь учителям создать собственный опыт, сделать его достоянием других» [5, 69], однако, результаты исследования Исаевой Г. показали «недостаточное использование перспективного педагогического опыта: 69 % учителей отметили, что указанный вопрос на заседаниях педагогических советов, производственных совещаниях, совещаниях при директоре почти не рассматривается; на школьных конференциях, педагогических чтениях данный аспект педагогической деятельности освещается эпизодически и нерегулярно. Трудностями, связанными с его применением 89 % специалистов назвали нехватку времени вследствие перегрузки классным руководством; низкую научную организацию труда; недостаток открытых уроков с элементами передового опыта» [3, 93]; недостаточную заинтересованность администрации и коллектива заведений во внедрении передового опыта, как методов педагогики, так и передового опыта своих коллег в пределах своего школьного коллектива и т. д.

Согласно исследованиям Ярошенко О., «опрос 154 учителей-предметников Киева и Полтавской области засвидетельствовал продуктивную реализацию на практике идей ППД только у 5 % коллег; 24 % справились с этой задачей частично; остальные — 71 %, несмотря изучение и осознание содержания опыта, проведение серии пробных занятий, не достигли ожидаемых результатов» [6, 86].

Следовательно, совершенствованию учебно-воспитательного процесса в целом и повышению профессионального уровня учителя в частности способствуют: диагностическое изучение проблем объективного и субъективного характера, определение эффективных методов, форм и способов, использование приемов самоанализа и коррекции собственной педагогической деятельности.

Следовательно, при формировании интегрального учебно-аттестационного комплекса развития профессионального мастерства учителя зарубежной литературы в системе последипломного образования целесообразным станет определение двух специфических блоков, а именно:

1. Блок межкурсового периода, предусматривающий как конструктивное методическое взаимодействие

на уровнях: а) школьного методического объединения (предметная комиссия; совещания филологов; профессиональные доклады на школьной педсовете; коллективная научно-методическая работа группы учителей над одной темой; школьные методические выставки; внутришкольные педагогические чтения и т. п.); б) городского (районного) методического кабинета (консультативный центр; творческая лаборатория; тематические мероприятия гор. района), так и действенность хьютагогического (самообразовательного) аспекта в качестве реализации программы собственного профессионального роста в формах самопознания, самопрогнозирования, самоконтроля;

2. Блок курсового периода, который реализуется: использованием педагогических технологий учебного процесса заведений последилоного образования (технология проблемного обучения, технология кооперативного обучения, технология контекстного обучения, технология развития критического мышления, технологии эвристического обучения, технология продуктивного обучения; технология проектной деятельности; кооперированное обучение и т. п.); расширением спектра интерактивных методов лекционно-практической и семинарской

работы («десантный метод» — упражнение, поручение, беседа; «метод цепочки» — упражнение, беседа, поручение, соревнования; «релейные контрольные работы» — упражнения; «работа на листках взаимоконтроля» — беседа, упражнение, работа с наглядностью; аутентичная беседа; мозговая атака, метод изучения педагогических ситуаций, метод обсуждения «кейсов», метод обсуждения собственного опыта учителей, метод деловой игры, метод общения в малых группах и т. п.); усилением психологических аспектов, стимулированием проявлений активности, инициативы, самостоятельности и творчества; совершенствованием личных навыков решения научных, профессиональных и практических проблем; обогащением опыта творческого решения разноплановых (теоретических и практических задач) и др.

Таким образом, реализация концептуальных основ интегрального учебно-аттестационного комплекса развития профессионального мастерства учителей зарубежной литературы в системе последилоного образования способствует обеспечению общеобразовательных учреждений высококвалифицированными филологами-мастерами.

Список литературы:

1. Зязюн І. А. Технологізація освіти в контексті удосконалення професійного розвитку особистості/І. А. Зязюн//Розвиток педагогічної і психологічної наук в Україні 1992–2002. – Х.: ОВС, 2002. – Ч. 2. – С. 32–38.
2. Іванчук М. Г. Інтегроване навчання: сутність та виховний потенціал (Виховання особистості молодшого школяра в умовах інтегрованого підходу до навчання). – Чернівці: Рута, 2004. – 360 с.
3. Ісаєва Г. М. Організація роботи в школі з використання вчителем передового педагогічного досвіду/Г. М. Ісаєва//Педагогіка: Респ. науч.-метод. сб./редкол.: Н. Д. Ярмоченко (отв. ред.) и др. – К.: Рад. школа, 1965. – Вып. 27. – 1988. – С. 93–97.
4. Кузьмінський А. І. Технологія і техніка шкільного уроку: Навч. посіб./Кузьмінський А. І., Омеляненко С. В. – К.: Знання, 2010. – 335 с. – С. 79.
5. Сгадова В. В. Впровадження передового досвіду – важливий засіб удосконалення педагогічної майстерності вчителя/В. В. Сгадова//Педагогіка: Респ. науч.-метод. сб./редкол.: Н. Д. Ярмоченко (отв. ред.) и др. – К.: Рад. школа, 1965. – Вып. 27. – 1988. – С. 88–93.
6. Ярошенко О. Г. Удосконалення підготовки вчителів до освоєння передового педагогічного досвіду/О. Г. Ярошенко//Педагогіка: Респ. науч.-метод. сб./М-во просвещения УССР. НИИ педагогтики УССР. – К.: Рад. шк., 1965. – Вып. 28. – 1989. – 152 с. – С. 86–90.

Section 5. Political science

Bočáková Olga,
PhD., Associate Professor,
The University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava,
Faculty of Social Sciences, Slovak Republic
E-mail: olga.bocakova@ucm.sk

Intergenerational solidarity

Abstract: This paper addresses solidarity between generations. We refer to the ageing of population, which is a matter of intergenerational solidarity. Because the population is getting old, intergenerational solidarity and family are of great significance.

Keywords: population, generation, seniors, family, intergenerational solidarity.

Introduction

Young people consider democratic rules and traditions as important in order to build a fair and better society without historical grievance as well as without visible inequalities between people [3]. Solidarity of contacts in the family represents a basic dimension of family solidarity. In essence it is the assistance at the time of non-self-sufficiency, spending of free time together, removing of solitude etc. In connection with the demographic development of the population the importance of family care for elderly members, who may need this care is on the rise [6]. Today some of the social functions of the state take over the third sector, we can also talk about corporate social responsibility [1]. Šýkorová is writing about three basic theories in the area of family solidarity [5]:

- *reciprocity theories*: these function on the principle “I will give — I will get”, which means that when it is necessary I will help, I will look after. In case that I myself need help, it will be provided to me by other family members.

- *theory of obligations*: are based on moral standards, caring for the nearest and dearest. A feeling of responsibility “to pay one’s debt” is entering here, which we have towards the parents from the childhood. I. e. the point is that in the childhood and in the period of our youth our parents looked after us and now it is our obligation to look after them.

- *theories of relations*: strong emotive bonds between the members of the family are getting to the forefront. It is the feeling of love, care, devotion to our parents.

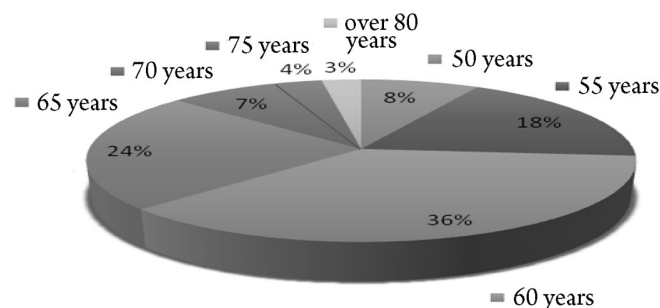
Kubíčková writes that the family is and remains the greatest support for the elderly [2]. Emotional support is the most frequent manner of help between the family members. After having studied the publication *Sociologie stáří a seniorů* (Sociology of Old Age and Seniors) by Sak and Kolesárová dated from 2012 several issues of perception of seniors by young population aroused our interest [4]. We were interested how seniors in our society are perceived by Slovak young people.

So we have addressed the students of secondary schools and universities in Slovakia in the number of 300, i. e. the age group from 16 to 30 years and we have handed over the questionnaires at selected secondary schools and universities. We have selected the following questions from this publication to be able to compare the results of our findings with how seniors are perceived by the Czech young population. It is of course only a research sample, which cannot be generalised for the whole population.

1. Who do you consider to be a senior according to age?

Table 1. – Senior according to age
(Source: prepared by the author)

Answers	Number	%
50 years	24	8 %
55 years	55	18 %
60 years	110	36 %
65 years	71	24 %
70 years	20	7 %
75 years	12	4 %
over 80 years	8	3 %

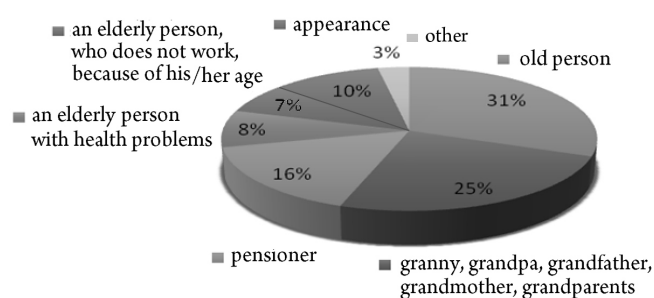
Graph. 1. Senior according to age

In the Slovak population in the same way as in case of the Czech population there is not an unanimous opinion on, who the senior is, which age group it actually is. Our respondents designated mostly the group of 60 years to be seniors.

2. What do you imagine under the concept “senior”?

Table 2. – Concept senior
(Source: prepared by the author)

Answers	Number	%
old person	92	31 %
granny, grandpa, grandfather, grandmother, grandparents	74	25 %
pensioner	48	16 %
an elderly person with health problems	25	8 %
an elderly person, who does not work, because of his/her age	20	7 %
appearance	32	10 %
other	9	3 %

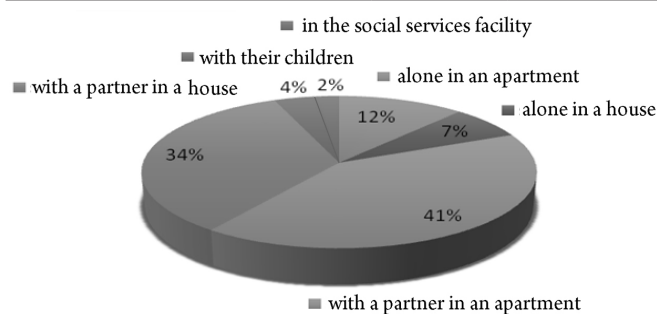
Graph. 2. Concept senior

Under the concept senior they imagine an elderly person; 92 of the respondents answered in this way, which is 31 %. Then follows the connection of this concept with the concept of granny, grandpa, grandfather, grandmother, grandparents — this wording was provided by 74 respondents, which is 25 %.

3. Who do your grandparents live with?

Table 3. – How do your grandparents live?
(Source: prepared by the author)

Answers	Number	%
alone in an apartment	35	12 %
alone in a house	21	7 %
with a partner in an apartment	124	41 %
with a partner in a house	102	34 %
with their children	12	4 %
in the social services facility	6	2 %

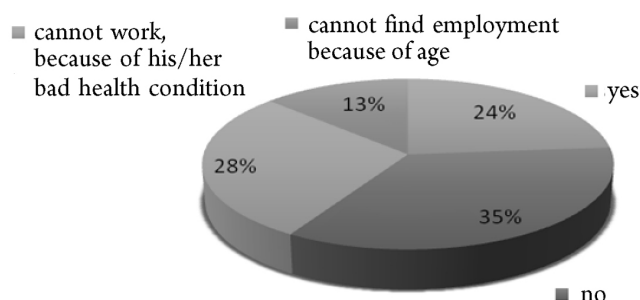
Graph. 3. How do your grandparents live?

On the basis of the statements from our respondents we can state that the majority, i. e. 124 grandparents live with a partner, a spouse in the apartment.

4. Are your grandparents interested in employment in spite of the fact that they are pensioners?

Table 4. – Interest of grandparents in employment
(Source: prepared by the author)

Answers	Number	%
yes	71	24 %
no	105	35 %
cannot work, because of his/her bad health condition	85	28 %
cannot find employment because of age	39	13 %

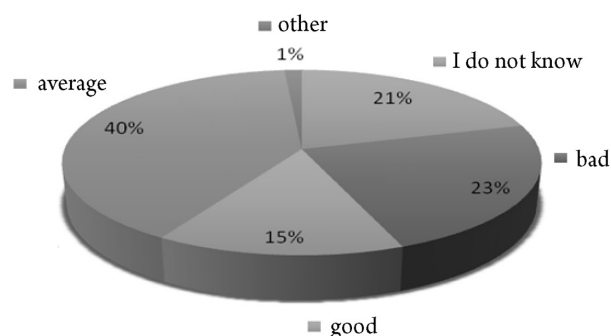
Graph. 4. Interest of grandparents in employment

In most cases the respondents stated that their grandparents enjoy their retirement age, they have been working for quite a long time, they are tired, ill and are not interested in any other work. It is thus true that they criticised their low pensions, but they prefer being more modest and being at home. Many are troubled by the diseases

5. How do you assess the financial situation of your grandparents?

Table 5. – Financial situation of the grandparents
(Source: prepared by the author)

Answers	Number	%
I do not know	62	21 %
bad	70	23 %
good	44	15 %
average	120	40 %
other	4	1 %

Graph. 5. Financial situation of the grandparents

The majority of respondents, which is 120, i. e. 40 % assessed the financial situation of their grandparents as average.

Conclusion. Modern European society of the 21st century has to implement social and political measures, which would move the area of intergenerational relations and the area of intergenerational solidarity to a higher level.

References:

1. Horváth P. Sociálny štát. In Aktívne a zdravé starnutie – dôstojný život seniorov v 21. storočí, Nemšová. – 2013. – P. 17–30. ISBN 978–80–8105–455–6.
2. Kubíčková D. Seniori a komunita spoločnosti a ich možnosti v demokratickom a právnom štáte. In Aktuálne otázky politiky III. – Trenčín: TnUAD, 2014. – S. 151–157. ISBN 978–80–8075–630–7.
3. Mihálik J. Political legacy and youth civic engagement in Slovakia. – Novo Mesto: Faculty of Organization Studies, 2015. – 160 s. ISBN 978–961–93688–8–6.
4. Sak P., Kolesárová K. Sociologie stáří a seniorů. – Praha: Grada, 2012. – 225 p. ISBN 978–80–247–3850–5.
5. Sýkorová D. Od solidarity jako základu integračních vztahů v rodině k ambivalenci a vyjednávání // In Sociologický časopis. – 2006. – Vol. 42, No. 4. – P. 683–699.
6. Trusínová R. Modely péče o nesoběstačné rodinné členy // In. Mezigenerační solidarita v péči o seniory. – Praha: Slon, 2013. – P. 126–139. ISBN 978–80–7419–117–6.

Kubíčková Darina,
PhD., doctor of philosophy,
The University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava,
Faculty of Social Sciences, Slovak Republic
E-mail: darina.kubickova@ucm.sk

Relations between generations

Abstract: In this paper we address the importance of the family nowadays. We refer to the intergenerational relations. We describe the intergenerational coexistence.

Keywords: Family, Generation, Coexistence, Senior citizens, Young people.

Introduction

The world is getting changed and the change of the world brings about also the change in human relations. The relations between the people generally deteriorate in the present day world. Conflicts or misunderstandings between the generations often take place. Democratic rules and traditions are very important between people. Support for democracy is driven predominantly by notions of freedom and tolerance [8]. State is not the last way possible treatment of the human community, but the only one on the developmental path for still more sophisticated form of organization of human existence [5].

The possibility of being with the family in the final phase of human life is irreplaceable and for the seniors it makes it possible to spend their everyday life more happily. The network of intergenerational relations provides benefits to all three generations:

- to the children;
- to the parents;
- to the grandparents.

To the children — to the younger generation at least positive emotional spending the period of childhood and youth.

To the parents — this group is probably the most profiting, because assistive activity of their parents is providing space to them for harmonising parental, domestic as well as working obligations.

To the grandparents — it provides the possibility of being with the family, of more efficient use of free time, the feeling of being necessary, useful.

The coexistence between generations can be described in the following models:

- *Equal coexistence*: it is mutual well-being between the generations inside the family life, the family members accept each other, i. e. also the senior members are accepted;
- *Liberal coexistence*: there are unclear or no rules in the family, the emotional bonds get weaker, the respect for the older member of the family is getting lost, this applies mainly to the period when they are not self-sufficient;
- *Sycophantic coexistence*: the parents or grandparents buy the favour of their children, grandchildren, because they do not show natural interest in them;
- *Irreconcilable coexistence*: it is here negative, egoistic, immoral attitude of younger generation towards the older generation and vice versa;
- *Forced coexistence*: it is a situation, when younger generation is involuntarily forced to live together with the senior: with a parent or grandparent e. g. at the time of a disease;
- *Self-serving coexistence*: The point here is unscrupulousness of the children, who pretend the interest in their parents and grandparents. They use them, they even sometimes misuse them for their benefit.

The present policy of the state is such that a senior should stay as long as possible in their home, in their natural environment. However sometimes the family wants, sometimes it does not want and sometimes it cannot look after their senior. *The degree of intergenerational cohesion is measured by the preparedness of the children, also of the grandchildren to give a helping hand without claims to any remuneration to the parent,*

who is not self-sufficient or who is incapacitated. Not every family is capable or maybe also willing to look after their parent or as the case may be after the grandparent and this may be dependent on the following factors [10]:

- *Disturbance of the integration in the family took place:* aggression or aggressiveness of the senior, endangering of safety, non-compliance with the hygienic habits etc.
- *New phenomena such as immobility, incontinence etc. begin here.*
- *Change in values arise, such as:* impact on the family life style, housing and financial issues, etc.
- *The choice between care and employment is not easy:* who wants to take care must work.
- *Unfamiliarity of the work with a senior citizen:* they are ill, handicapped, disturbed mentally and socially, etc.
- *Risk of impairment of the health condition of the senior himself/herself.*
- *Property issues or self-interest of the carers.*

Demands of the young people on the life are great. Everyone wants to have a nice apartment or a house, a nice car, nice clothes, wants to go on holidays.

However these features were not typical for our country. The character of a family, where several generations used to live together and were able to communicate and be happy, because they were together, is getting changed under the impact of new trends in the society. These acquire positive, but also negative consequences. Communication, exchange of experience and learning together of “the young as well as of the old” belongs irretrievably to the past. The point was the continuity of several generations, which brought benefits for everyone. For centuries it holds true that connection of energy, vitality and enthusiasm of the young with life experience of a senior is an equation, the result of which is the benefit in favour of the matter. Regrettably the actual reality is such that this natural relation is getting changed, however not for the better.

The present young generation retreats from the traditional activities of literacy culture, as a matter of fact it is the first generation, which in the context of their activities belongs to cyber-culture. The contrasting development of old and young generation led to the deep generation gap between the young and the old generation [9]. The point is not political and social past, but the literacy culture and cyber-culture. At the present time it is the concept of individual quality of life, based on the theory perception of quality of life, which is more and more important than the subjective satisfaction or dissatisfaction with one's own life.

An important factor is [2]: *satisfaction with life, feeling of life happiness, emotional balance, mastering of life situations.*

According to World Health Organisation (WHO) it is assumed that the following six basic areas participate in the quality of life: *bodily health, psychical well-being, standard of independence, social relations, environment, spirituality.*

Bočáková points out that many seniors are dependent on themselves, they do not have loved ones who should take care of them [1].

An important factor in the area of quality of life of a human being is their health condition. With increasing age there is also an increase of diseases. Subjective assessment of one's health is often influenced by the fact, how a human being feels at the given time, whether their health is relatively “fine” [6]. Holmerová and coll. emphasise, that not only citizens, but also public officials and politicians should be trying to preserve self-sufficiency and independence of ageing people. They mention the following factors of quality of life of the seniors [4]: *health, life style, social environment, material security, working activity, health care, network of provided social services, housing, education, ethical approach to this target group.*

It is necessary to support a family, where intergenerational solidarity and respect to the elderly people takes place. It is also necessary to prevent social exclusion of the seniors and to strengthen the intergenerational solidarity. It is mainly the loneliness that belongs to the main potential problems of an ageing human being. Family problems have very negative influence on the senior citizens, when they meet neither the dependants of their family nor their friends. The assistance between generations belongs to the traditions of a family life. It is the opinion of most seniors that grandparents should live separately from their children, but in their vicinity, so that in case of emergency they could be helped by them [7]. Elderly people do not want to be a burden for their children, they do not want to be dependent on their children, grandsons and granddaughters. Irrespective of age a family represents certain background and certainty for every human being. At the old age a well functioning family means mental, physical and material help. It prevents the feeling of loneliness and improves the quality of life of a human being. The generation of grandparents has a very close relation to their grandchildren. It has a very positive benefit for the relations of both generations, but also on the family and society as a whole. Intergenerational policy, which draws its attention to the solidarity between generation is getting to the forefront. Demographic development at the present time is unfavourable, it is connected with the decrease of birth rate, decrease of marriage rate, etc. This demographic development brings also about that we are returning more and more to generation families, it leads to increase of life expectancy. This means that two different generations live next to each other: i. e. adolescents and grandparents. Intergenerational bridging of grandparents and grandchildren is a positive aspect [3]. Young people can draw on the life wisdom of their grandparents, patience and kindness of the grandparent generation. Thanks to the grandchildren the grandparents have the feeling that they are helpful, useful and on the other hand the grandchildren know in whom they can confide, because the grandchildren have enough time for them. The grandchildren find the sense of life in their children, the continuation of their family. They can see themselves in them, pleasure from life, possibility of communication and support. They are happy, when their close family is around them.

Conclusion

Grandchildren pass with pleasure the values such as respect, modesty, love, faith, decency, justice, fairness, patience, diligence, love to nature and love to animals ... to their children and grandchildren. They also hand over

experience from the past, such as appreciation of work, health, they are telling the fairy tales. As far as the grandchildren are concerned they should not forget their grandparents, they should respect them. Because the family is the foundation and sense of life.

References:

1. Bočáková O. Chudoba a bezdomovectvo ako sociálny problém. In Aktuálne otázky politiky III. – 2014. – S. 114–124. ISBN 978–80–8075–630–7.
2. Čornaničová R. Kvalita života v senu. – Ostrava, 2004. – P. 143–153. ISBN 80–7326–026–3.
3. Hartl P., Hartlová H. Psychologický slovník. – Praha: Portál, 2004. – 774 p. ISBN. 80–7178–303–X.
4. Holmerová I. a kol. Aktivní stárnutí//Česká geriatrická revue. – 2006. – roč. 4, č. 3. – S. 163–168. ISSN 1214–0732.
5. Horváth P. Sociálny štát. In Aktívne a zdravé starnutie – dôstojný život seniorov v 21. storočí, Nemšová. – 2013. – P. 17–30. ISBN 978–80–8105–455–6.
6. Klán J. Poruchy chování ve stáří//Česká geriatrická revue. – 2005. – vol. 4, No. 2. – P. 53–54. ISSN 1214–0732.
7. Kuchářová V. Život ve stáří. – Praha, 2002. – 89 p.
8. Mihalik J. Political legacy and youth civic engagement in Slovakia. – Novo Mesto: Faculty of Organization Studies, 2015. – 160 s. ISBN 978–961–93688–8–6.
9. Sak P., Kolesárová K. Sociologie stáří a seniorů. – Praha: Grada, 2012. – 225 p. ISBN 978–80–247–3850–5.
10. Schlosserová I. Fenomén staroby v Slovenskej republike. In Sociálna a ekonomická núdza – bezpečnosť jedinca a spoločnosti. – Bratislava: VŠZaSP sv. Alžbety, 2009. – P. 344–355.

Section 6. Psychology

Kovaleva Natalia Borisovna,
Moscow State Pedagogical University,
Ph.D. in Psychology, Department of psychological anthropology
E-mail: nkovaig@mail.ru

Mediagermenevtika as a resource of personality development

Abstract: The article discusses the possibility of “mediagermenevtik” (N. B. Kovaleva, 2012) developed within the framework of the reflective-positional approach to setting situations of students’ personal development in modern hypertext environment of the artistic media texts.

Keywords: reflection, position, personal development, mediagermenevtika, hermeneutic of the club, art mediabase, hypertext.

Among the urgent tasks to be solved in the field of media education it is useful to distinguish the tasks for the development of abilities for self-determination, positional communication, joint creativity and design of the future, and the culture of expressing their thoughts in the language of images [1–6].

Reflective-positional model of the educational environment [3–5] initiates the development of ideals and value orientations of personality in modern hypertext environments developed on the basis of highly artistic texts and other cultural samples. As a modeling, representation acts on “position as the means of realization of values” [3; 4], on the basis of the reflexive organization of joint creativity. Mediahermeneutics (the term was coined by N. B. Kovaleva in 2012) creates perspective opportunities for shaping a world view in individual projection, for strengthening the internal world of the cognizing subject and for effective self-determination to the values of education and development of creative thinking in the context of the development of cultural heritage [5; 6]. The main characteristics of this new humanitarian technologies are:

1. Discursive spaces are elaborated with the help of the imaginative art tools and are built as a response to the relevant to adolescent problem situations.
2. Meeting a bright personality and his paradoxical ideas or staging the interesting “adult” tasks are critical to building value-semantic relations and high motivated activities of the students.
3. Productive learning environment is created in accordance with the principles of intertextuality and openness of the context.
4. The output is in a creative-reflective stance, and presentation and discussion of results of the joint creativity shared communicative space is necessary.
5. The students have to disclose the main compositional features of art media texts and also they have to discover some spiritual values and ideals, promoted by the authors.

6. The most difficult is the creation of conditions for initiation of the value-semantic self-determination of participants in the field of socio-cultural problems and of formulating its own programme of action.
7. The main aim is the formation of children and adult community, which members are united around a common cause on the basis of value-semantic self-determination.

Let us consider a small example of a setting that was implemented within Mediagermenevtik story-activity workshop. “Real creativity and its importance in the world of the professions of the future” in the format of the youth forum. The forum was held in November 2015 by a team of Hermeneutic technicians of the Club of Moscow state pedagogical University under the guidance of N. B. Kovaleva and F. A. Kovalev. The unanimous point of view of team Hermeneutic of the club is that the answers to many questions related to the non-necessity of self-determination of teenagers and the formation of their identity lies in the discovery of the origins of creativity, understanding the sense of life and the value of finding their own path.

In anticipation of this work, using their own creative intuition and metaphors, we had to understand the realities of the modern media space and the impact of the effects of consumer attitude to life and its simulation by people of mass society. As a problem issues have been raised the questions about what true art means, why is real creativity “necessary like air” for people and how to discover the own source of “genuine inspiration”. The short story “Kolokol” from the film Andrei Tarkovsky’s “Andrei Rublev” (originally “The Passion According to Andrei”) has been chosen as the main text to create eventfulness of this forum. According to many experts in cinema and real art this film is one of the most amazing and beautiful gems of world cinema. In particular, such well-known directors like Ingmar Bergman wrote: “*My discovery of Tarkovsky’s first film was like a miracle. Suddenly, I found myself standing at*

the door of a room the keys of which had, until then, never been given to me. It was a room I had always wanted to enter and where he was moving freely and fully at ease. Tarkovsky is for me the greatest, the one who invented a new language, true to the nature of film, as it captures life as a reflection, life as a dream". But for the modern youth it is very difficult to understand such art, to see its importance and its intricate beauty.

From our point of view, this work is one of the few samples, which reveals the fullness and depth of the problem of true art. Moreover, an experienced director, not giving direct answers, creates a poetic metaphor, embodying all the most important aspects of the Russian tradition of understanding the creativity. Novella "Kolokol" is a full-fledged independent work and it tells the story of the great bell, cast under the team of inexperienced teenager Boriska, who has been the son of the famous Russian bell casting master. The film provides a rich material for reflection on the motives of a young hero, and what enabled him, in the end, to perform its unprecedented feat. Andrei Tarkovsky was able to clearly describe the atmosphere of Russia's life at the beginning of the XV century in the fullness of its insecurity, hopelessness, suffering, and, no matter what — hope. The idea to show how "out of the mud from the dust of the earth", the great bell — something that has always venerated the divine voice in Russia and call handling — great, in fact, the idea amazes even experienced audience. Of particular importance, in our view, is the last episode — an episode coming back to life, lifting off his voluntary vow of silence of the great icon painter Andrei Rublev. Who gets your vote, together with the voice of the great bell, drawing new strength in Boriska's feat, in his condition, in his tears.

In the process of understanding the actions of the heroes, building their own responses on the base of Tarkovsky statements, the participants and facilitators look for new

understanding of the nature of creativity, find new way to conceptualize the future and own actual place in life. The texts of N. Berdiaev and other philosophers create important intellectual support for such reflections. Interesting tasks and bright context of additionally attracted texts create a high level of motivation for the participants of the joint research of the system of signs and images of this Tarkovsky film. We set the following question, "What does the silence of Rublev do? What does it mean to break the silence? What is the true power of the word? What is the impetus of creativity? What is the correlation between the concepts of «creativity» and «technology»? How to combine the flexibility and hardness in the person of the creator? How to overcome alienation, to go beyond their own world and become part of the growing community?" — You can see that these questions are challenging and encourage reflection.

Each group established their own small creative scene in response to a discussion request of leaders to define the nature and criteria of the creativity and the arts. It is in the process of discussion and comparison of interpretations of creative groups that manages to eventually create a figurative and metaphorical context of reasoning about important issues and project ideas.

According to the participants — reflection of these questions gives a new vision of how to organize their lives and forms, more sensible attitude towards project of its own development and education [6].

Thus, **Mediagermenevtika** helps to problematize the inner world of the participants, their ability to "positional" arguments for the essence of happening. And through this it makes them obtain the possibility of new experience in the space of existence of significant "Other" which has been "terra incognita" up to the moment.

References:

1. Zhilavskaya I. V. Media education of youth: monograph. – Moscow: Higher School of Economics, 2013. – 243 p.
2. Fedorov A. V. Does the youth of today spontaneously generated a high level of media competence? // The media education. – 2014. – no. 2. – P. 82–89.
3. Kovaleva N. B. Psycho-pedagogical Conditions of Translation of the Value of Education and the Development of Individual Educational Trajectory in Teenagers // Psychological Science and Education. – 2014. – vol. 19, no. 4. – P. 64–72. ISSN (printed version): 1814–2052. doi: <http://dx.doi.org/10.17759/pse>.
4. Kovaleva N. B. Metasubject and Personal Results as a Basis for Modernization of Education // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series "Humanities". – 2015. – no. 11–12. – P. 75–79. ISSN 2223–2982.
5. Kovaleva N. B. The Role of Reflection in the Development of a Culture of Collective Creativity / Azimuth of research (ASR): pedagogy and psychology. – 2015. – vol. 13, no. 4. – P. 120–123. ISSN 2309–1754.
6. Kovaleva N. B., Kovalev F. A. Innovative Design of Educational Technology (in the Aspect of Implementation of the FGOS of General education). – Moscow: Moscow Institute of Open Education, 2015. – 167 p. ISBN 978–5–98547–109–0.

*Shuriyeva Aislu Baurzhanovna,
post-graduate, FGBOU VPO
M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University,
Ufa, Bashkortostan
E-mail: aishusha_90@mail.ru
Iztileuova Samanta Shekernayevna,
master of pedagogy and psychology,
Teacher of chair «Pedagogy and psychology»,
S. Baishev Aktobe University*

Autistic disorder in childhood

Abstract: The authors consider the symptoms, causes and treatment of such disease as autism in childhood. Autism is among the most common in childhood and it is determines the actuality of early diagnostic and correction of this disease.

Keywords: autism, childhood, treatment, symptoms, disorder.

The term “autism” refers to a cluster of conditions appearing early in childhood. All involve severe impairments in social interaction, communication, imaginative abilities, and rigid, repetitive behaviors. To be considered an autistic disorder, some of these impairments must be manifest before the age of three. Autism is a complex developmental disorder distinguished by difficulties with social interaction, verbal and nonverbal communication, and behavioral problems, including repetitive behaviors and narrow focus of interest [1].

Classic autism is one of several disorders categorized as autism spectrum disorders (ASD). Other ASDs include Aspergersyndrome, Rett syndrome, childhood disintegrative disorder, and pervasive developmental disorder [2].

Autism usually manifests before a child is three years old and it continues throughout his/her lifetime. The degree of impairment varies from mild to severe. Autism is treatable and, with early diagnosis and treatment, autistic children have the ability to lead healthy, full lives [2].

Each child diagnosed with an autistic disorder differs from every other, and so general descriptions of autistic behavior and characteristics do not apply equally to every child. Still, the common impairments in social interaction, communication and imagination, and rigid, repetitive behaviors make it possible to recognize children with these disorders, as they differ markedly from healthy children in many ways.

Many parents of autistic children sense that something is not quite right even when their children are infants. The infants may have feeding problems, dislike being changed or bathed, or fuss over any change in routine. They may hold their bodies rigid, making it difficult for parents to cuddle them. Or, they may fail to anticipate being lifted, lying passively while the parent reaches for them, rather than holding their arms up in return. Most parents of autistic children become aware of the strangeness of these and other behaviors only gradually. Impairments in social interaction are usually among the earliest symptoms to develop. The most common social impairment is a kind of indifference to other people, or aloofness, even towards parents and close care-givers. The

baby may fail to respond to his or her name being called and may show very little facial expression unless extremely angry, upset, or happy. Babies with autism may resist being touched, and appear to be lost in their own world, far from human interaction. Between seven and 10 months of age, most infants often resist being separated from a parent or well-known caregiver, but these infants may show no disturbance when picked up by a stranger.

Other children with autism may be very passive, although less resistant to efforts by others to interact. However, they do not initiate social interaction themselves. Still others may attempt to engage with adults and peers, but in ways that strike others as inappropriate, or odd. Some individuals with autism have normal intelligence, and many have special talents in areas such as music or memory. However, individuals with autism may have other mental or emotional problems that co-exist with their autism. Some of these other disorders may include impulse control disorders, obsessive-compulsive disorder, mood and anxiety disorders, and mental retardation [3].

There is no commonality and specificity on the exact cause of autism, though continuous studies are carried out on the subject. Different children can suffer from autism because of reasons that are completely different. Although autism is the result of a neurologic abnormality, the cause of these problems with the nervous system is unknown in most cases. Research findings indicate a strong genetic component. Most likely, environmental, immunologic, and metabolic factors also influence the development of the disorder [4].

There is probably no single gene or genetic defect that is responsible for autism. Researchers suspect that there are a number of different genes that, when combined together, increase the risk of getting autism. In families with one child with autism, the risk of having another child with autism is low. The concordance of autism in monozygotic twins is significant. A number of studies have found that first-degree relatives of children with autism also have an increased risk of autism spectrum disorders.

- In some children, autism is linked to an underlying medical condition. Examples include metabolic disorders (untreated phenylketonuria [PKU]), congenital infections (rubella, cytomegalovirus [CMV], toxoplasmosis), genetic disorders (fragile X syndrome, tuberous sclerosis), developmental brain abnormalities (microcephaly, macrocephaly, cerebral dysgenesis), and neurologic disorders acquired after birth (lead encephalopathy, bacterial meningitis). These medical disorders alone do not cause autism as most children with these conditions do not have autism.

- Environmental factors and exposures may interact with genetic factors to cause an increased risk of autism in some families.

- Over time, many different theories have been proposed about what causes autism. Some of these theories are no longer accepted, however.

- Emotional trauma: Some believed that emotional trauma at an early age, especially bad parenting, was to blame. This theory has been rejected.

- Vaccines: Although the mercury preservative used in some vaccines is known to be neurotoxic, the most recent research on this subject does not suggest a specific link between vaccines and autism. Except for some influenza (flu) multidose preparations, thimerosal was removed from or reduced in all vaccines routinely recommended for children 5 years of age [4].

A child suffering from autism is likely to have problems in three important areas of development, which include behavior, language and social interaction. However, it is important to realize that autism symptoms are varied and two children who have the same diagnosis may exhibit signs and symptoms that are completely different. One of the main autism symptoms in children is the complete inability to interact or communicate with other people [5].

Many parents notice the symptoms of autism in toddlers and infants, but some children seem absolutely normal for the first two years. However, they may seem withdrawn or aggressive, as time goes by. Some toddlers and children also lose the language skills they may seem to have acquired recently. Though autism symptoms vary in each child, some of the common signs noticed in children include [6]:

Behavioral

- Unusual sensitivity to light, touch and sound, but being oblivious to pain.
- Fascination with certain parts of an object, like the wheels of a toy car.
- Constant movement.
- Getting very disturbed with changes in routines and rituals.
- Performing actions that are repetitive, like flapping hands, spinning or rocking.

Language

- Repeating words or phrases verbatim, without showing any understanding.
- Inability to begin a conversation or even keep one going.

- Speaking with a rhythm or tone that is abnormal.
- Avoiding eye contact when making requests.
- Losing the ability to say sentences or even words learned in the past.

Social

- Failure to respond to their name.
- Being unaware of other's feelings.
- Poor eye contact.
- Resistance towards cuddling or being held by someone.
- Showing a preference for being alone.

Since every child is different, the severity of these symptoms may also vary from one child to the other. As the child moves towards adolescence, the symptoms may undergo a change. In cases of mild autism, teens show less marked behavioral disturbances. They may also seem to become more engaged with others. As they grow older, such people may be able to lead a near normal life. However, this is not the case with everyone; behavioral problems could worsen in many children as they approach adolescence.

Because the symptoms of autism can vary greatly from one person to the next, there is not a single treatment that works for every person. A spectrum of interventions including behavioral and educational training, diet and nutrition, alternative medicine and therapies, and medication should be utilized and fine — turned to treat the individual. The most strongly recommended treatment option is behavioral and educational training. Early intervention and treatment is key to helping autistic children grow into productive adults.

Several educational and behavioral treatments are:

- Applied Behavior Analysis (ABA);
- speech therapy;
- occupational therapy, including sensory integration therapy;
- social skills therapy, including play therapy.

Typically, behavioral techniques are used to help the child respond and decrease symptoms. This might include positive reinforcement to boost language and social skills. This training includes structured, skill — oriented instruction designed to improve social and language abilities. Training needs to begin as early as possible, since early intervention appears to positive influence brain development.

Most autistic children respond to intervention at home as well as at school. Most autistic children respond to intervention at home as well as at school. As autistic children grow and move to different phases of childhood and adolescence, parents in collaboration with educators and physicians need to adapt the treatment to best suit the needs of their autistic child [7].

Autism is treatable but not curable. With appropriate treatments adjusted to suit the autistic child as he/she grows up, the symptoms of autism improve. Today, parents and caregivers are focused on providing the best therapies possible in order for autistic children to develop to their highest potential. Because the incidence of autism seems to be increasing at a rapid rate worldwide, enough so that the CDC has voiced

concern about its prevalence, there is more awareness of autism and more ongoing research efforts. People with autism

have a normal life expectancy and with proper intervention they can lead full lives.

References:

1. Nader R., et al. Expression of pain in children with autism//Clinical Journal of Pain. – March-April 2004. – 20, no. 2: 88–97.
2. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 5th edition (DSM-V). – American Psychiatric Association. – Washington, 2013. – 947 p.
3. Powers Michael, Psy. D., ed. Children with autism: a parent's guide. 2nd edition. – Bethesda, MD.: Woodbine House, 2000.
4. Muhle R., et al. The genetics of autism//Journal of Pediatrics. – May 2004. – 113, no. 5: 472–486.
5. Tuchman Roberto and Rapin Isabelle, eds. Autism: A Neurological Disorder of Early Brain Development. – London: MacKeith Press for the International Child Neurology Association, 2006.
6. Brock Stephen E., Jimerson Shane R. and Hansen Robin L. Identifying, Assessing, and Treating autism at school. – New York: Springer, 2006.
7. Lewis W. Play and language in children with autism//Autism. – December 2003. – 7, no. 4: 391–399.

Section 7. Sociology

*Vanina Clavdia Ivanovna,
candidate of philosophical sciences, associate professor
of Saint-Petersburg University of Trade and Business
E-mail: clavdia.v@yandex.ru*

Russian social scientists on the role of the science in social problems solution

Abstract: The article discusses the problems of defining the role of social scientists and the potential of the science in social problems solution. The analysis is carried out in the invisible dialogue context of Russian sociologists, representing different epochs (70s – 80s of the XIX and the beginning of the XXI century) on the ways of harmonization in the field of intellect.

Keywords: science, society, social problems, intellect.

*Ванина Клавдия Ивановна,
кандидат философских наук,
доцент Санкт-Петербургского института
«Торгово-экономический университет»
E-mail: clavdia.v@yandex.ru*

Русские учёные-социологи о роли науки в решении общественных проблем

Аннотация: В статье обсуждаются проблемы определения роли учёных-обществоведов и потенциальных возможностей науки в решении социальных проблем. Их анализ осуществляется в контексте незримого диалога русских социологов, представляющих различные эпохи (70–80-е годы XIX века и начала XXI в.), о путях гармонизации в интеллектуальной сфере.

Ключевые слова: наука, общество, социальные проблемы, интеллект.

Тенденции развития современного общества вызывают необходимость в творческом типе личности, обладающем развитым интеллектом личностными характеристиками (установками, качествами, ценностями), позволяющими эффективно участвовать в инновационных процессах. Творческая личность, как считают многие учёные, должна стать ключевым ресурсом экономического и социального развития. Сегодня практика сталкивается с дилеммой: либо в интеллектуальном развитии человека ориентироваться на гуманистический идеал саморазвития личности, либо отдать приоритет обществу в использовании социальных механизмов стимуляции инновационности личности по «модели социально успешного человека». При выборе первого подхода провозглашается «вечная» ценность «свободного творчества человека в духе высших сторон его существа» [9, 162]. В этой модели стремление самого человека к истине, развитию, красоте, к самореализации в творчестве осуществляется в значительной мере в спонтанной форме. При осуществлении второй модели, как показала организационная практика и в нашей

стране, и за рубежом, доминирование мотивации достижения, является, напротив, источником «снижения инновационных проявлений личности при объективно высоком её потенциале» [7, 334].

В связи с этим отмечается недостаточная разработанность в теориях креативности представлений о сложном строении мотивационной сферы творческого человека, о доминировании в этой сфере познавательной мотивации. Необходимо исследование не только структурной дифференциации, функциональных характеристик познавательных потребностей человека, но и изучение их социально-культурной природы. Последнее требует научной рефлексии в более широком контексте. Научная деятельность представляет собой сферу приложения творческих потенций человека, которые воплощаются в его теоретических достижениях, имеющих практическую направленность. В связи с этим, важное значение имеет правильное определение координат в интеллектуальном развитии человека, чтобы оно было ориентировано на реализацию формулы гармонии: наука для жизни.

Обращение к творческому наследию основоположников отечественной социологии — к работам А. П. Щапова, Н. Д. Ножина, позволяет выявить оригинальные идеи учёных по исследуемой проблеме, не утративших своей актуальности. Расширение диапазона рассматриваемой тематики возможно так же за счёт проведения незримого диалога между представителями различных исторических эпох (60 – начала 70-х годов XIX века и начала XXI в.).

А. П. Щапов характеризует главное условие, при котором познавательная потребность может выступать в качестве основного мотивационного механизма творчества. Эта потребность тогда реализуется в форме интеллектуальной инициативы, когда человеку в первую очередь интересно и важно содержание той предметной сферы, которой он занимается. Поскольку производственная среда представляет обширное поле для наблюдений, то нужно «придавать предметам, постоянно окружающим рабочего человека, такую занимательность, которая будет вызывать его на размышления... и если (работающие — К. В.) при содействии предварительного образования, смогут оценить то, что они видят, то наука обогатится неисчислимыми приобретениями» [10, 618]. Щапов формулирует антропологический, социологический закон о неразрывной связи и соединении труда умственного и физического. Его нарушение ведёт к социальным аномалиям: к противоречиям между трудом и знанием, теорией и практикой, к господству над обществом и народным разумом мистицизма. Преодоление отвлечённости науки от жизни возможно тогда, когда она, по мнению социолога, черпает материал, силы и выводы из лаборатории рабочего опыта и труда народа. Поскольку именно они могут выступать «мастерскими теоретического образования». Обращаясь к классу буржуазии, учёный даёт понять, что после удовлетворения необходимых потребностей материального благосостояния высшей разумной целью производственной работы является интеллектуальное совершенствование рабочего. И, в конечном счёте, именно благодаря объединению интеллектуальных сил «научно-рабочих поколений» наука станет обогащаться новыми истинами, открытиями и изобретениями. Интеллектуальный класс в этих условиях не будет кастовым, а будет «думающей и работающей головой общественного организма».

С идеей о гармонизации между наукой и практикой солидаризируется и другой современник А. П. Щапова — Н. Д. Ножин. Всё достоинство науки, по его мнению, измеряется её практической пользой, её живым участием в решении жизненных вопросов социального организма. Исходя из этого, он не признаёт существование подлинной науки России его времени, поскольку большинство учёных ориентированы только лишь на узкие практические результаты и свои интересы. Особенно это касается касты учёных — представителей гуманитарного знания, которая «запродавала себя сильным мира сего и отказывалась от всяких выводов и вмешательств в общественные дела» [2, 21]. В то же время наука, в представлении

учёного, — единственная область, в которой возможна творческая, созидаящая человеческая деятельность («разумная, честная, деятельно-совершенная»), — во всех других сферах общества — это чистая утопия.

Эта мысль учёного находит спустя полтора столетия своеобразное продолжение в работах нашего соотечественника А. А. Зиновьева. Он констатирует прогрессирующее сужение сфер социального бытия, в которых востребовано творчество и в которых сохраняется возможность для проявления творческих потенций человека. Жизнь современного человека детерминирована настолько, что многие свои действия он совершает автоматически, без обдумывания, почти одновременно с намерениями. Таким образом, резко сокращается опосредованность событий, действий их осмысленностью. И в то же время увеличивается количество поступков, которые человек совершает не как социально свободное, а как механически детерминированное существо. «Людям оставляется в основном то пространство, где ими будут манипулировать другие» [1, 514]. Произойдёт постепенная замена социального времени и бытия механическим. Учёный констатирует, что «наступает состояние социо — механического бытия» [1, 515]. Он считает, что главная роль сейчас в эволюционном процессе принадлежит «делателям» именно такого будущего, а не его «изучателям», т. е. учёным. Планируя, прогнозируя эволюционный процесс, творцы истории видят в нём по преимуществу материал для преобразования и затем использования в своих интересах. Однако подобного рода вторжение в механизм социальной эволюции происходит без осознания того, что ей требуется известная неопределённость, диапазон альтернатив. Это необходимо для сглаживания ущерба, приносимого социально-волевой, но отнюдь не всегда разумной активностью людей. В силу того, что основная функция «творцов истории» состоит не в познании реальности, то они не могут понять на должном уровне сущностных основ социального бытия и по категоричному заявлению А. А. Зиновьева делают всё для того, чтобы этого не понимали другие. Поскольку они являются подлинными хозяевами и распорядителями функции интеллекта, то в сферу научной деятельности допускаются только те, вспомним высказывание Н. Д. Ножина, кто лучше других служит сильным мира сего. Это неизбежно сказывается на качестве социального интеллекта. С одной стороны, имеет место прогресс в области естественнонаучного знания (по мнению А. А. Зиновьева, «к нему практически и сводится основной интеллектуальный прогресс человечества» [1, 517]). С другой стороны, требуются знания о закономерностях построения «картины социального мира», максимальное приближение к аутентичности социальной реальности, её отражение в научных представлениях, вскрывающих смысл социального бытия, и не сводимых, таким образом, исключительно к отражению только лишь межличностных коммуникаций.

Аналогично Н. Д. Ножин — учёный из другой эпохи — ставшей уже нашим историческим прошлым,

объясняет причины того, почему учёные избегают открытия «физиологических и патологических законов». Это происходит потому, что их открытие «слишком громко заявляет о возможности практических выводов, ... даёт точное определение того, что следует считать явлением здоровым для каждой ступени ... развития, и что считать явлением болезненным, вредным» [4, 75]. А. А. Зиновьев конкретизирует этот вывод, утверждая, что в современную эпоху не востребованы способности интеллекта фундаментального, который может осознать и поставить проблемы, касающиеся сущностных законов развития социального бытия. Такой интеллект «хозяевам нового мира не нужен» [1, 514]. По мнению учёного, самая примитивная часть человеческого интеллекта — компьютерный интеллект — «возведён в ранг святости и вершины прогресса» [1, 521]. Учёный считает, что «тотальное помутнение умов и тотальная дебилизация», (когда мозги могут делать всё, не понимая ничего) — наиболее вероятный сценарий будущего развития человечества. В связи с этим он делает неутешительный, полный сарказма прогноз относительно перспектив развития, как России, так и всего человечества: оно «погибнет от собственной глупости» [1, 521].

Бесспорно, значительное число учёных не солидаризируются с данной позицией. Несомненно, ими отмечаются преграды в интеллектуальном развитии современного российского общества (начиная с пресловутого недофинансирования сферы науки и образования, «утечки умов», что, в конечном счёте, ставит под вопрос перспективы эффективного развития целых отраслей научного знания и т. д.). Однако они отмечают необходимость и возможность гармонизации в интеллектуальной сфере, определяют пути решения этой проблемы. Проблема поиска гармонии обсуждается как на институциональном уровне [см., например: 8, 390–403], так и на уровне изучения структуры личности, развития интеллекта, мотивационной сферы, развития познавательного интереса и т. д. [7].

Аналогично размышлял в XIX веке Н. Д. Ножин. Он в принципе также не выступал против возможностей позитивного решения указанной проблемы о путях гармонизации в интеллектуальной среде. Во имя идеи единства и гармонии он высказывается против узкой специализации научного знания, выдвигает требование целостности воззрений в науке. Он отмечает, что «каждый момент жизни, какого бы то ни было (объекта — К. В.) определяется только всей сущностью его свойств или проявлений» [3, 54]. Исследование учёного только с позиций своей специальности ведёт к искусственному расчленению целостных явлений жизни, и для него утрачивается связь между формой, составом, свойствами объекта. А без этого «общие законы формулы жизни и её метаморфозы совершенно непонятны» [4, 74].

С выводами Н. Д. Ножина, в определённой степени, перекликаются размышления А. А. Зиновьева. С одной стороны, он отмечает наличие множества специалистов в различных сферах науки, а с другой, — трудности

отыскания такого учёного, который действительно свободен от предрассудков, от узости и ограниченности в понимании закономерностей бытия человечества. Только такой учёный способен целостно ставить вопросы и достигать, таким образом, высоких результатов в научных исследованиях. Именно при таком подходе обеспечивается реализация формулы гармонии: наука для жизни. Поскольку Н. Д. Ножин является основоположником органического направления в социологии (органицизма), то он с естественнонаучных позиций объясняет социальные явления и процессы. В отношении природы Н. Д. Ножин исходит из признания закона развития, являющегося «результатом постепенного усложнения формулы жизни». Развитие органической жизни неизбежно допускает преобладание физиологических явлений развития над патологическими, иначе невозможно было бы постепенное увеличение массы органической жизни. В отношении человечества он признаёт его «историческое разложение», хотя в скобках оговаривается, что этому высказыванию «не поверят, или, вернее, ... не поймут» [3, 51].

Причинами «разложения» являются «односложность» умственной деятельности и как следствие этого — утрата целостности воззрений. Другой причиной является разделение труда. В отличие от большинства социологов Н. Д. Ножин занимает критичную позицию: рассматривает разделение труда как следствие нарушение целостности организмов, вызванных вредным влиянием внешних неблагоприятных условий. Они, по его мнению, мешают равномерному развитию и целостности, как простейших, так и высокоразвитых организмов. «При отсутствии разделения труда вполне сходные друг с другом и органически независимые организмы не борются между собой за существование; они борются только с окружающими их внешними условиями, ... им невыгодно вредить друг другу и паразитировать на индивидуумах своего вида», — отмечает учёный [5, 177]. Общественные противоречия, по мнению Н. Д. Ножина, — это явления патологические, и они возможны только при нарушении целостности организмов, при неизбежной зависимости друг от друга односторонне развитых индивидуумов. Требование разума — целостность воззрений (обобщений) в науке, а в практической плоскости — применение их в разрешении общественных проблем. Только так можно приостановить пагубное направление развития цивилизации и возродить нарушенную гармонию между индивидуальной природой человека и его общественной организацией. Суть последней в понимании учёного — это «солидарность всех членов общества, как умственная, так и нравственная, слияние интересов всех сословий, а, следовательно, и предметов их занятий; взаимный обмен услуг между членами общества, взаимный контроль и ответственность» [2, 20].

Выводы учёных, анализируемые в статье, своеобразным образом вписываются в традиции поиска истины в контексте категории понимания. Данное понятие претерпело различные интерпретации в истории философии. Понимание

в одной из трактовок — это методологическая процедура, характеризующая теоретико-категориальный синтез внутри научного знания. Так, В. В. Розанов усматривает в понимании универсальную процедуру, присущую всем наукам и ведущую к построению цельного знания [6]. В социологии метод понимания отстаивается в теории социального действия М. Вебера. Для учёного важной является интерпретация данного метода, как рационалистического. Он включает в себя непосредственное понимание смысла действия, а также понимание, объясняющее мотивацию и смысловые связи действия в его идеальном типе. А. А. Зиновьев считает, что понятие «фактор понимания» имеет принципиальное значение при формировании различного рода общественных

учений. Он предлагает собственную теорию с единым понятийным аппаратом, организованным в целое, по правилам разработанной им логической концепции.

Осмысление в рамках научного знания самой социальной реальности претендует в той или иной степени на её понимание, раскрытие смысла, происходящих в ней значительных трансформаций. Незримый диалог представителей различных эпох сконцентрирован на узловых, болевых моментах в области интеллектуальной деятельности. Их представления о роли учёных-обществоведов и потенциальных возможностях научного знания в решение социальных проблем вносят вклад в определение формулы гармонии: наука для жизни.

Список литературы:

1. Зиновьев А. А. Фактор понимания. – М.: Алгоритм. Эксмо, 2006. – 528 с.
2. Ножин Н. Д. Наша наука и учёные: книги и издания // Книжный вестник. – 1866. – № 1. – С. 18–21.
3. Ножин Н. Д. Наша наука и учёные: книги и издания // Книжный вестник. – 1866. – № 2. – С. 51–54.
4. Ножин Н. Д. Наша наука и учёные: книги и издания // Книжный вестник. – 1866. – № 3. – С. 73–79.
5. Ножин Н. Д. Наша наука и учёные: книги и издания // Книжный вестник. – 1866. – № 7. – С. 173–178.
6. Розанов В. В. О понимании: Опыт исследования природы границ и внутреннего строения науки как цельного знания. – М.: Танаис, 1996. – 802 с.
7. Социология инноватики: теория и практика: Тез. докл. Первая международная конф. по социологии инноватики. – М.: РГИИС, 2006. – 503 с.
8. Социальная политика / под ред. Н. А. Волгина. – М.: Экзамен, 2006. – 736 с.
9. Хвостов В. М. Этика человеческого достоинства. – М.: Тип. лит. т-ва И. Н. Кушнерёв, 1912. – 168 с.
10. Щапов А. П. Общий взгляд на историю интеллектуального развития в России / Соч-я А. П. Щапова т. 2 – СПб.: изд-во Пирожкова, 1906. – 620 с.

*Subhanov Nodir,
The Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan,
Doctorate student, Director of the «Yetakchi» Centre
of Youth Tashkent, Uzbekistan
E-mail: naumenko06@mail.ru*

Social activity of youth in Uzbekistan

Abstract: In this article some aspects of the social activity of youth and social policy on creating conditions for social activity of youth in the Republic of Uzbekistan are considered.

Keywords: youth, person, social activity, political activity, social policy, new conditions, market economy.

During the years of independence there was a complete change of orientation in ideology and world outlook of the youth of Uzbekistan. That once was considered the highest value of society, was a false. The most difficult problem faced by society is the problem of forming the youth of new thinking, new attitudes and values.

It is well known that socialist ideology was based on the important role of the collective. Every citizen of the former Soviet Union was obliged to consider the socio-political interests of the country part of their personal and personal well-being of family and loved ones was on the second place.

Now in the market need to adjust to “pragmatism”, “a policy of exact calculation”, to live according to the laws and

norms of individualism, based primarily on the satisfaction of private interests, to learn that the most important thing in life is personal happiness, business success and benefit and then universal values. Very difficult was to get used and to reconstruct their thinking to the older and middle generation, who are accustomed to the fact that their ideology was determined by the state, and they were merely an obedient tool in its hands.

The collapse of the socialist system has also caused confusion among mainstream society, its intellectuals, which did not then find ways to use the new rights and freedoms.

Today in conditions of transition to new economic relations one of the strategic problems of building a new society is

the problem of formation of young generation, a new type with features of creativity, tolerance, responsibility, efficiency.

The life confronts young people with difficult questions:

- How to survive in the conditions of market relations?
- How to plan their career?
- How and through whom to achieve their goals?
- How to defend their interests and be able to influence political and economic processes in our country?

The socio-technological progress and the pace of development of thinking of the population, including young people and society determine the rate of conversion. When implementing this policy the most important task is the study and constant monitoring of a variety of youth problems, the analysis of processes dynamics of socio-political orientations.

In this regard, a sociological survey was conducted; the object of study was the socio-political activity is the engagement of youth in decision-making on actual problems of development of society and the activity for their implementation. It is defined as objective and subjective factors. Among the objective are the unity of rights and duties, freedoms and citizenship of young people, support youth initiatives, the guarantee of freedom of choice, creating conditions for the full participation of youth in the development and implementation of programmes of the social development.

Implementation of the youth policy is a priority direction of state policy, especially towards the creation of socio-economic, legal, organizational conditions and guarantees for social formation and development of youth, disclosing of its creative potential in the interests of the whole society.

It should be noted that the state youth policy in the Republic of Uzbekistan is based on the following principles:

- the care for young people, regardless of nationality, race, language, religious affiliation, social status, gender, education and political convictions;
- the continuity of national and cultural traditions, the spiritual connection between the generations;
- the guarantee of freedom of choice young people of ways of realization of their interests within the framework of the Constitution and Laws of the Republic of Uzbekistan;
- the unity of rights and duties, freedoms and civil liability [1].

The proclamation of 2008 as the “Year of youth” and in 2010 “Year of harmoniously developed generation” undoubtedly was a great event in the lives of young people. Approved by Decrees of the President of the Republic of Uzbekistan from February 29, 2008 the State program “Year of youth” and dated 27 January 2010 of the State program “Year of harmoniously developed generation” include a complex of measures for the timely solution of problems on protection of the rights and interests of youth, and deepening reforms in the system of continuous education, to ensure the demand of specialists trained by educational institutions. These programs are great opportunities to young citizens for self-realization and implementing ideas to raise the cultural level. However, in practice, in the real spheres of economy are ignoring the interests of young people, violation of rights and freedoms. Not always the work of young people receives support and is provided with legal practice.

Table 1. – Factors hindering the political activity of young people (by regions of Uzbekistan), %

	Andijan	Namangan	Fergana	Surkhandarya	Kashkadarya	Tashkent
A) the lack of political culture	72.6	67.7	56.0	54.2	69.1	44.2
B) Bureaucratic barriers preventing political opportunities	18.8	18.2	40.0	29.1	26.1	14.3
C) The conflict between the political forces	8.6	14.1	7	15.2	11.1	9.7

The state is not indifferent, and it may not stand aside and be indifferent observer of what the values of our youth is committed, that their cares than their lives. According to the President of Uzbekistan Islam Karimov: «We must understand the simple truth in the spiritual realm vacuum does not happen. We need to protect our children from harmful and alien to our mentality influences, to educate independently thinking young people with their strong beliefs and views on life, on everything that happens around them, to create in them the desire for a healthy lifestyle, respect both national and universal values. Here a special role belongs to public, non-governmental, primarily youth organizations» [2].

Despite the fact that the role and significance of youth as a direct subject of socio-political processes clearly recognized by society and the state, however, is not based on real indicators-active participation of youth in the reform processes of the political sphere (Table 2).

In this case it is necessary to take into account the traditional mentality which leads to passivity of young people, prescribes to stay out of ideological and political struggle. The political power can operate in three ways: 1) through traditions; 2) as the rational-legal authority bureaucratic; 3) on trust to the Leader.

In Uzbekistan, the cultural tradition is crucial in the management of political life of youth. The formation of legal mechanisms, freedom of speech, information, etc. regulate the relationship between the various interests and goals. The experience of modern life suggests that changes in society, policies must be implemented while maintaining traditional legitimacy in political institutions. And here arises the problem of correlation of cultural traditions to ensure the impartiality of information, openness of society, the nature of communication and the formation of a scientific world outlook, the main component of which is law knowing.

Table 2. – The participation of youth in political life of the country (by regions of Uzbekistan), %

	Andijan	Namangan	Fergana	Surkhan-darya	Kashkadarya	Tashkent
A) very low	26.9	20	18	24	22.5	21.7
B) average	44.7	45.3	34	39.1	43.1	40.9
C) very high	3.5	7.6	12.5	6.5	7.5	7.6
D) activity is observed only in places of study or work	14.2	17.1	26	12.7	16.4	19.2
E) there are barriers to youth participation	10.1	5.3	9.5	12.1	14.6	8.8

The interest of young people in political organisations, particularly political parties, rather passive — only 5.9 % of the young respondents said that they «are members of one of the political parties officially registered in Uzbekistan».

However, many of them sufficiently informed about party system of the country.

So, the question «Which political party would you like to be?» the answers were as follows (Table 3).

Table 3. – The answer to the question «Which political party would you like to be?» in %

	Andijan	Namangan	Fergana	Surkhan-darya	Kashkadarya	Tashkent
People-Democratic Party of Uzbekistan	21.1	19.7	22.0	14.1	15.5	17.0
Democratic Party «Milliy Tiklanish»	20.6	18.5	19.0	21.5	20.6	19.4
Social-Democratic Party «Adolat»	14.7	13.5	15.0	11.7	14.4	15.2
Liberal-Democratic Party of Uzbekistan	28.8	21.8	21.5	28.6	26.2	27.4
I would not want to be in one of them	14.8	26.5	22.5	24.1	23.3	21.0

Thus, the compilation and analysis of opinion polls leads to the conclusion that the majority of youth of Uzbekistan's preference for the democratic development of society and the state. Despite the fact that in everyday life are felt some difficulties, the main democratic orientation of their orientations preserved. So the polls show that 75 % of young respondents supported the idea of building a democratic state. However, quite a significant place in the minds of the youth of Uzbekistan is occupied as social values such as *socio-economic equality* among all citizens. In the opinion of the youth «a democratic society» is a society where are no too rich and the very poor citizens (so say 60 % of respondents).

Today especially actual there are tasks on the revitalization of the society and the state for the socialization of young generation, instilling in their civil qualities, the development of civil feelings. It must also effectively be combined with increased political and legal literacy of youth. There is a need to improve the legal framework of the state youth policy in Uzbekistan.

The problem of youth participation in political life is a state question. It is a process of understanding and promoting: the state and the government should help young people, but young people should participate in the affairs of the state and society.

It should be noted that the youth in formation of civil society always plays a fundamental role. And the civil society, as a system independent of the state of social institutions and relations are designed to provide conditions for self-realization of individuals and collectives, realization of private interests and needs.

That is why civil society and forms the natural foundation of political democracy without which democracy is

simply impossible or ineffective. We can recall the famous idea of I. Kant that the legal order and the constitutional state is possible only where society independent of the state has the means and sanctions in order to enforce its members certain moral and behavioral norms. And moral standards respectively increase legal.

The defining moment in the formation of civil society is the social responsibility. Its role in the coordination aspect of many forms of interrelation of interests of personality, society and the state is that responsibility as a social phenomenon defines the permissible activity of individuals, groups and organizations in society. Speaking of responsibility as an objective phenomenon of social life, it means first of all a function of a reflection in public and individual consciousness collectively of «public-appropriate» normative requirements to the personality and forms of its activity, due to the specifics of social development.

Existing in the framework of subject-object relations, responsibility associated with those who bring forth certain requirements for individuals, social communities. These requirements are binding through a system of political, legal, economic, moral norms. In other words, social responsibility, public relation integrates the various elements of the process of formation of civil society and legal state because it presupposes the conscious relation of the subject (personality, social groups) to the needs of social reality, and progress in the historically significant activity.

The responsibility means the unity of two aspects: negative and positive. The negative aspect is characterized by the presence of social sanctions designed to regulate the relationships of the individual and society. The positive aspect implies

a conscious realization of the individual's self-identity as person in the process of formation of civil society. Therefore, the development of civil society is not reduced to phenomena of a political order such as democracy and parliamentarism. The basis of this process is the priority of the rights of the individual as an independent entity. Asserting their rights, political positions, individual correlates them with their notions of the rule of law, moral and socio-political culture.

Therefore, the particular urgency is the question of implementation of the State programs "Year of youth", "Year of harmoniously developed generation", "Year of the child" and the National program for personnel training, which developed

a detailed system of gradual education of the younger generation. Especially important in this concept is the basis of the state youth policy. The question of implementation of state youth policy set by life itself. As the bet on young — old tool like the maintenance of the national spirit, and external expansion as dialogue of cultures and the undermining of value systems. And in the modern world this question becomes, that is called, in a loud voice.

The achieving these goals takes time. However, there should not miss it, because the slightest delay will violate the terms of objectives achievement and, accordingly, occurrences of Uzbekistan among the developed, civilized Nations of the world!

References:

1. Закон Республики Узбекистан «Об основах государственной молодежной политики в Республике Узбекистан» // Ведомости Олий Мажлиса. – 1992.
2. Каримов И. А. Из речи президента на торжественном собрании по случаю принятия Конституции Республики Узбекистан. – Т.: Газета «Народное слова» от 7 декабря 2007 г.

Section 8. Philology

*Bovkunova Oksana,
Oles Honchar Dnipropetrovsk National University,
Assistant, the Faculty of Ukrainian and Foreign Philology and Arts
E-mail: ov2bovkunova@mail.ru*

Elizabethan prose narrative: tendencies and perspectives

Abstract: The article reveals the main factors defining the formation of the English prose fiction in the era of Elizabeth I. Analyzing linguistic exuberance and generic experiments as the main feature of the genesis of prose narrative in Elizabethan England the author comes to the conclusion that the Renaissance artistic consciousness laid the foundations of the development of prose in the literary discourse.

Keywords: the Renaissance, English prose fiction, genre, style, rhetoric.

The Renaissance in England marked the transition from middle to modern English. It is also the period in which prose develops as a medium for fiction. Its use increased throughout the sixteenth and seventeenth centuries, especially through translation and early prose narratives. In the Introduction to his «Anthology of Elizabethan Prose Fiction» Paul Salzman talks of «the wide variety of approaches to prose narrative that flourished alongside the vigorous experiments with poetry and drama that characterize the Elizabethan period» [1, 55].

Linguistic exuberance and generic experiment were typical features of a literary discourse in the process of constitution.

Many commentators have noted the coincidence of early modern writing with postromantic, modernist and postmodern productions in reaction against the «unrelenting realism» (Paul Salzman) of the classic realist text. Roger Pooley for example emphasizes: «Many of the changes in recent fiction, even those associated with the postmodern, such as pastiche, the preoccupation with stylishness, and discontinuity, find a curious, partial echo in this earlier fiction» [2, 132].

If Elizabethan prose narratives seem refreshingly liberated from conventional constraints, it is at least partly due to prose's novelty as a literary medium; as Jonas Barish puts it «in the sixteenth century... verse was the norm, and prose the exotic intruder» [3, 148]. Thomas Malory had written the prose *Morte D'Arthur* in the previous century, but Jonas Barish argues that, despite this, prose as a language for explicitly literary works of art had barely intruded with Malory. Malory's work is based on a principle of linguistic and narrative simplification. What Eugène Vinaver refers to as Malory's «instinctive understanding of the principle of “singleness”» applies as much to his syntax as to his “unravelling” [4, 13] of the complex interlaced narrative threads of his sources, and is responsible for the “apparently effortless narrative movement” of the tales.

In the sixteenth century the situation changed. While Walter Ong regards «Tudor looseness of style» as a symptom

of «residual oralism» [5, 38] which naturally lacked the discipline of the medium of print, Jonas Barish argues that it was due rather to the effect of the humanist revival of interest in the classics and the linguistic discipline of rhetoric.

In the hands of sixteenth-century writers, it underwent a series of strenuous trials and errors, in which its possibilities as a literary medium were explored by the importing into it of techniques associated with poetry, medieval pulpit rhetoric, and classic oratory.

The synthesis of different styles in conjunction with an expanded lexical and syntactical range, the demands of print culture for texts, and the influx of translations all helped promote the development of prose. Roger Pooley sums up the complex development of English prose in this period simply: one of the central creations of the seventeenth century was an English prose which had consistently raided Latin vocabulary to expand its technical range, but which had gradually emancipated itself from a need to imitate Latin syntactic patterns.

Despite the excesses of Ciceronianism, Roger Sharrock sees the introduction of more complex syntactical structures based on Latin into English as ultimately «beneficial»: «It is easy to expose the absurdities of Ciceronianism. But... the movement was in the long run more beneficial than harmful. Early Renaissance prose was loose and rambling, and the deliberation needed to compose a periodic sentence had a salutary effect on many writers... many began to think out their sentences as an ordered progress from beginning to end of a statement; too often in early prose, like *Topsy*, the sentences just grew» [6, 39].

A. C. Partridge analyses these changes from the grammarian's view point, revealing that the differences displayed by poets and prose writers after 1500 are chiefly those of word choice and syntax; vocabulary and the structure of sentences had, in fact, become the important elements in the differentiation of styles. A syntactical development in early New English was its improved co-ordination and subordination of clauses.

Transitions within paragraphs were eased by the use of relative pronouns derived from the interrogatives *who* and *which*, as well as by a variety of new prepositions and conjunctions. Prepositional phrases took the place of the inflected cases and adverbs. «Add to these changes the increased use of auxiliaries, verbs of incomplete predication such as *can*, *may*, *shall*, *will* and *must*, and the employment of the primaries *be*, *do* and *have* in the formation of moods and tenses, and the analytical sentence structure which New English from Old English, so broadly accounted for. The period from 1350 to 1500 was the age of grammatical transition, without observers, dictionaries or grammars to make meaningful the confusion» [7, 19].

Elizabethan prose is commonly noted for its self-conscious, patterned quality.

The most notorious example is John Lyly's euphuistic style, characterised by balanced and antithetical constructions, which rely heavily on alliteration and assonance. Its diction conveys an effect of comic paradox produced partly by its syntactical complexity and partly by the juxtaposition of items from differing lexical registers as in the opening chapter of his first work — «*Euphues: The Anatomy of Wit*», which enjoyed such an immediate success on publication in 1578: «There dwelt in Athens a young gentleman of great patrimony, and of so comely a personage, that it was doubted whether he were more bound to nature for the lineaments of his person, or to fortune for the increase of his possessions. But nature, impatient of comparisons, and as it were disdaining a companion or copartner in her working, added to this comeliness of his body such a sharp capacity of mind that not only she proved fortune counterfeit, but was half of that opinion that she herself was only current» [8, 33].

In the analysis of John Lyly's style, Leah Scragg draws attention to the nature of its syntactical patterning and its derivation from an earlier Latinate style: «The corner-stone of both Lyly's brief period of literary ascendancy, and his lasting importance in the history of the Elizabethan-Jacobean stage, is undoubtedly his development of what has become known as the euphuistic style» [9, 6].

Though the mode itself is significantly older than the prose work with which it is now associated, having roots extending into medieval Latin, it was transformed by John Lyly into an instrument capable of expressing a highly complex vision. At the heart of the euphuistic mode lies the use of antithetical patterning, a sentence characteristically falling into a series of paired clauses, the second matching the first syntactically but contrasting with it in meaning, with the oppositions between the two pointed by assonance and alliteration. More distinctively Lylian is the insistent use of illustrative analogies drawn from classical mythology or the more fabulous aspects of natural history and which turn, like the prose style, on polarity or contradiction. The mode clearly lends itself to (and has its origins in) debate, and familiar debate topics form the starting point for the majority of John Lyly's works.

John Lyly's style draws attention to itself and the contrivances of its art. Philip Sidney's prose in «*The Countess of*

Pembroke's *Arcadia*» (1593) similarly employs a diction indebted to a humanistic education with its elaborate syntax, numerous dependent clauses and curious lexis.

Despite the difficulties of maintaining control over its long periods, Philip Sidney achieves an effect of ease and lightness, as in this description of Musidorus's plight after one of many misfortunes: «Musidorus (who, besides he was merely unacquainted in the country, had his wits astonished with sorrow) gave easy consent to that from which he saw no reason to disagree: and therefore (defraying the mariners with a ring bestowed upon them) they took their journey together through Laconia; Claius and Strephon by course carrying his chest for him, Musidorus only bearing in his countenance evident marks of a sorrowful mind supported with a weak body; which they perceiving, and knowing that the violence of sorrow is not, at the first, to be striven withal (being like a mighty beast, sooner tamed with following than overthrown by withstanding) they gave way unto it for that day and the next; never troubling him either with asking questions or finding fault with his melancholy, but rather fitting to his dolour dolourous discourses of their own and other folks' misfortunes» [10, 69].

In the Introduction to Philip Sidney's «*Arcadia*», Maurice Evans suggests that its ornate, rhetorical style, representing a particular non-naturalistic artistic tradition, is definitive of the *Arcadia* as «a romance, not a novel» [11, 16].

At the same time an opposite stylistic «countercycle» which tended towards naturalness and the plain style was already «in motion» before this ornate stylistic «cycle» which culminated in the scrollwork of *Euphues* and the *Arcadia*, and in the massive sonorities of Hooker's *Laws*, each a triumph of style that tended to shun, rather than court, resemblance to ordinary speech had run its course a countercycle was in motion that aimed at the exact opposite, at the repudiation of «curiosity» and a return to «naturalness».

Tentatively, first, in the cony-catching pamphlets of Greene and others, and then, more selfconsciously, in the pamphlet skirmishes between Nashe and Harvey, the Ciceronianism of Ascham and the ornateness of Lyly were arraigned, condemned, and replaced with a licentious style that affected to dispense with all artifice. The first wave of experiment tended to make prose the rival of verse. The second tended to give it a character as distinct as possible from that of verse, and (in principle) as close as possible to the spoken word. In his analysis of the development of modern English prose, Robert Adolph concludes that it was essentially a late seventeenth century phenomenon: «In the Restoration prose became prosaic» [12, 302]. He nevertheless goes back to the previous century in order to explain its development, analysing the difference between pre- and post-Restoration prose styles. Accordingly to Robert Adolph's point of view writers as different as Bunyan and Dryden understand prose as a vehicle for communicating intelligibly rather than revealing the mind of the author or speaker or showing off his command of literary devices. A writer like Defoe is close to this norm and is the

best possible evidence that great art can emerge from utilitarian presuppositions. Once the norm is established, writers like Congreve and Swift achieve fine effects by artful deviations from it. Before the Restoration there is no settled norm at all. Attempting to locate a specific point of origin for major changes in discursive practice is probably an illusory quest.

The exigencies of the times — print culture, increased literacy and use of the vernacular, less emphasis on the Classics, the rise of science, and Enlightenment thinking — all contributed to the development of a more pragmatic, less rhetorical prose style with less need or time for copiousness and redundancy associated with the needs of the orator.

References:

1. Salzman Paul. *An Anthology of Elizabethan Prose Fiction*/Paul Salzman. – Oxford: Oxford University Press, 1987.
2. Pooley Roger. *English Prose of the Seventeenth Century 1590–1700*/Roger Pooley. – London; New York: Longman, 1992.
3. Barish Jonas A. *Ben Jonson and the Language of Prose Comedy*/Jonas A. Barish. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1967.
4. Vinaver Eugène. *Introduction*/Eugène Vinaver//Malory Thomas. *Works* [ed. Eugène Vinaver] – London: Oxford University Press, 1971.
5. Ong Walter J. *Orality and Literacy: the Technologizing of the Word*/Walter J. Ong. – London; New York: Methuen, 1982.
6. *The Pelican Book of English Prose. Volume 1: From the beginnings to 1780*/ed. Roger Sharrock. – Harmondsworth: Penguin Books, 1970.
7. Partridge A. C. *Tudor to Augustan English: A Study in Syntax and Style from Caxton to Johnson*/A. C. Partridge. – London: André Deutsch, 1969.
8. Lyly John. *Selected Prose and Dramatic Work*/John Lyly [edited and introduced by Leah Scragg] – Manchester: Carcanet Press, 1997.
9. Scragg Leah. *Introduction*/Leah Scragg//Lyly John. *Selected Prose and Dramatic Work* [edited and introduced by Leah Scragg] – Manchester: Carcanet Press, 1997.
10. Sidney Philip. *The Countess of Pembroke's Arcadia*/Philip Sidney [edited with an introduction by Maurice Evans] – Harmondsworth: Penguin Books, 1977.
11. Evans Maurice. *Introduction*/Maurice Evans//Sidney Philip. *The Countess of Pembroke's Arcadia* [edited with an introduction by Maurice Evans] – Harmondsworth: Penguin Books, 1977.
12. Adolph Robert. *The Rise of Modern Prose Style*/Robert Adolph. – Cambridge, Massachusetts; London, England: The M. I. T. Press: Massachusetts Institute of Technology, 1968.

Matbek Nursulu Kurmanbekkyzy,
Candidate of Philological Science, Senior Teacher
Ibrayimova Zhibek Tungyshbaevna,
Candidate of Philological Science, Senior Teacher
Ibragimova Meruert Nurhjigitovna,
teachers of history
Nusupbaeva Saltanat Adirovna,
teachers of history,
Al-Farabi KazNU, Almaty, Kazakhstan,
the Faculty of Pre-University education
E-mail: ibragimova.meruert@mail.ru

Tuvan literary language

Abstract: This article briefly reviews spread area, history of foundation, characteristics and usage area of Tuvan language which belongs to Uyghuric group of languages.

It also studies status of the modern Tuvan language in country and its public and social function.

Keywords: state, folklore, literature, writing, phonetics, native language.

Tuvan language is the literary, national and official language for Tuvan people. Its old name is Uriankhai, but Tuvan people called it like Tuva, Tuba, tyva, Kizhi. Tuva language belongs to the Uyghuric group of the Turkic languages and it

closely related to Oguz, ancient Uyghur, Sakha languages. Tuva language is mainly spread in the Republic of Tuva which is situated in the south part of Siberia. According to 2002 census data, about 240 thousand people speak into Tuvan language.

They are indigenous citizens of the Republic of Tuva (a constituent entity of the Russian Federation) and people which live in Tuva and neighboring areas. Also Tuvans live in southern part of the Krasnoyarsk region and their low-numbered Diaspora live in China and Mongolia. In China's Xinjiang Uighur Autonomous Region live about 3 thousand 400 people, up to 27 thousand in Mongolia according to different sources.

Tuvans have been cattle-herding nomads. They have lived in yurts and hovels that they relocate seasonally as they move to newer pastures. The first information about tuvans was appeared in III century in written artifacts of China. Tuvans were subjects of the Uyghur Khanate during the VIII–IX centuries. Uyghur dominance was broken by the Yeniseian Kyrgyz in 840 AD. Tuva as constituent entity of Russia in XX century was changed its own status on several occasions. 1921–1944 years — independent Tannu Tuva People's Republic. Until October 1993 — Tuvan Autonomous Soviet Socialist Republic. From 1993 — the Republic of Tuva. According to Constitution of the Republic of Tuva which was adopted on 1993, its official language is Tuvan. Russian is the common federal language [1]. Tuva language is principally divided into four dialect groups; Western, Central, Northeastern, Southeastern. Norms of Tuva literary language was formed after 1920 year on the basis of Central dialect and folklore. On Mongolia's south-east border Tuvan-Mongolian bilingualism is spread. Also people who live in this area are used three languages: Tuvan, Russian and Mongolian.

Until 1930 Tuvan language didn't have written script so ancient Mongolian language was used as an official language and so all writings was in it. From the mid 1920 tuvans in own correspondent relationships and in publishing industry used literary Mongolian language based on ancient traditional Mongolian writing.

In 1926, the Government of Tuva People's Republic made a request for Soviet scientists to create tyva alphabet. The first Cyrillic-based alphabet for Tuvans was devised in 1924 by Buzykaev and Bryukhanov. This alphabet consists of the following letters: Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ёё, Жж, Ъъ, Зз, Ии, Ыы, Кк, Лл, Мм, Нн, Ңң, Оо, Өө, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Үү, Хх, Чч, Шш, Ъы [2]. It was the first Tyvan's alphabet. But this project didn't develop farther. The Latin-based alphabet (Common Turkic Alphabet – Yanalif) for Tuvan was introduced in 1930 year. In this work take part staff headed by A. A. Palmbah who was a professor at Scientific Committee of the Tuva People's Republic. Cyrillic-based alphabet with additional letters was created in 1941. Developed alphabetic system went into effect in 1943. It is the modified version of the Russian alphabet, with three additional letters; ө, ү, ң. In Tuvan language letter ң isn't used at the beginning of words. Tuva literary language was formed in 1930. The Cyril-based alphabet was used from 1943. Tyvan writing system from 1930 year based on Latin, from 1941 on Cyril alphabet. Tuva language has 24 vowel phonemes and 22 consonant phonemes. Vowels in Tuvan exist in three varieties: short, long and short with low pitch. Long vowels have a duration that is at least twice

as long as that of short vowels. In Tuva phonetics short, long and guttural vowels are influenced on meaning of a word. For example: at (name), aat (lull a child asleep), a't (horse). One of the main differences of Tyvan language from other Turkic languages its specific long and guttural vowels. For this reason vowel harmony, especially labialisation has very significant effect on common Mongolian and Tuvan words.

Difference of Tuvan morphology in using subjunctive forms of complex verbs and future tense suffixes as -kalak, -kelek. Modern Tuvan language has many words borrowed from Russian [3].

Linguistically Tuvan language conjugated like North East Turkic languages. It is closely related to Khakas and Altay languages. Lexis of Tuvan language is mainly based on origin Turkic words. But there is you can find many words adopted from Russian and Mongolian languages. Also some special suffixes are borrowed from Mongolian language. Besides that Tuvan language has words adopted from Tibetan, Manchu and Chinese languages.

Tuvan language is used in the different fields of economic and social life. It has rich literature which was formed in 1920–40s. Past historical period of Tuvan's social life is characterized by Tuvan-Mongolian bilingualism.

The number of schools in the mid – 1940s comparison with period Tuva People's Republic in was increased more than 30.

Until the present time in Tuvan schools mainly are taught children in their native language. Nevertheless, Russian widely used by city inhabitants. Therefore in 50-s bilingualism is begun to spread among the native citizens of Tuva. There are 3 types of secondary schools in Tuva like in other constituent entities of the Russian Federation: Tuvan School, Russian School and mixed.

Native-born children studied in Tuvan Schools. In these types of schools at 1–7 grades Standard Course of Study is held within Tuvan language (only in this language). Russian language as the subject is studied from reception class till 11th grade. Tuvan children who studies in Russian Schools have a loose command of the native language or absolutely don't know it. The language of instruction in mixed Schools is defined in depending on number of children. It can be Tuvan or Russian. According to data collected in the 2003 total number of schools in Tuva is over 167: including 34 — Tuvan, 7 — Russian, 26 — mixed.

Tuvan is the language of instruction in 60 % of preschool facilities. In other Russian or mixed preschool facilities children learn Tuvan language. In specialized and vocational colleges, also in private, republican lyceums Tuvan language is taught twice or three times a week. In the Faculty of Philology of Tuvan State University only subjects belonging to Tuvan philology are taught in Tuvan language. But in other faculties subjects aren't taught in Tuvan. Besides that, in higher education institutes all subjects are taught in Russian.

In early 2000 radio broadcasts in Tuvan language are increased from 2 till 3 hours, teleshowes are increased from 1.5 till 2.5 hours respectively, therefore these parameters equal

to 60–65 % of broadcast time. At the present day 10 periodicals are published in Tuvan, other 4 — in Russian respectively [4].

In the late 80 and early 90s tuvans pay great attention on their own cultural background. Especially the rising generation increased their activities focused on development of Tuvan language. Since that time improvement of the status of Tuvan language had became one of the main items of the agenda.

In December 1990, the law «On languages in Tuvan ASSR» was ratified. On the basis of this law, question about status of the Tuvan language was solved. Adoption of the language law was coincident with the period when Tuvans pay great attention on their own cultural background. It should also be understood that all of these events and the adoption of the Declaration of Independence had a great influence on content of the language law. As a result of this Tuvan is ratified as the state language and status of the language is recognized by Tuvan Constitution (was adopted in 1993). Under section 33 of the Constitution of the Republic of Tuva which was adopted in 1993: Tuvan is the state language and Russian is language of international communications, subject for study cultural mentality of different nations and also it is used in all federative area. It should be remembered that Russian was the state language in USSR with functions of international

communication. So it's also used in social-political and economical life of tuvans. All of these factors are influenced on practical execution of the section 33 of the Constitution of the Republic of Tuva. The major focus of this law isn't solved, because only 0.6 % of Russian population of Tuva knows Tuvan language.

For implementation of the language law it is need to introduce Tuvan language curriculum in kindergartens, schools and higher education institutions. Capital shortage and expertise scarcity don't give possibility to open courses for groups of people who are interested in studying Tuvan language.

We know that Tuvan and Russian Languages are used in equal grounds in Tuva. But their status is not fully defined. Lexical norms of Tuvan language are changed under the influence of Russian Language. For example: historically the name of the republic is Tyva (as the name of native persons who live in this area). But according to the Constitution which was adopted in 1993, Russian version of the name of the republic is introduced. As the result «Tyva» and «Tuva» officially used on equal grounds as the name of the republic.

According to the New Constitution (was adopted in 2001) official languages of the Republic of Tuva are Tuvan and Russian languages.

References:

1. Constitution of the Republic of Tuva.– 1993.
2. Mongush D.A. Tuvins alphabet and its development//Tuvan alphabet and its development//Items of improvement of the alphabets of Turkic languages in USSR. – Moscow.: Science, 1972. – P. 140–148.
3. Kazakhstan. The national encyclopedia. Senior Editor: B. Ayagan. – Almaty, 2006. – P. 609.
4. [Electronic resource]. – Available from: https://en.wikipedia.org/wiki/Tuvan_language

*Malakhov Sergey Viktorovich,
candidate of historical sciences, associate professor
E-mail: svmalakhov@mail.ru*

Three names of Paris

Abstracts: Three (of the five) names of the present-day capital of France contain such semantics as «logged, lusty, plashy». «Marshy places» and «people who live at swamps» — that's what these oikonyms most likely implied.

Keywords: toponyms of France, toponyms of Paris, coat of arms of Paris, history of Paris, coins of the Parisii

*Малахов Сергей Викторович,
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: svmalakhov@mail.ru*

Три названия Парижа

Аннотация: В трёх из пяти названий нынешней столицы Франции заложено значение «топкий, болотистый, грязный». «Болотистые места» и «люди, живущие у топей» — вот что они, скорее всего, передавали.

Ключевые слова: топонимы Франции, топонимы Парижа, герб Парижа, история Парижа, монеты парисиев.

Эта работа выполнена методом: а) подборки для каждого из рассматриваемых ойконимов блока слов из индоевропейских по преимуществу языков, релевантных им по своим фонетико-семантическим характеристикам;

б) с последующим выбором вариантов, наиболее полно соответствующих своеобразию города, нынешней столицы Франции, отражённому в других источниках. Выводы отмечены звёздочками.

I

Первое упоминание Лутеции, как называлась нынешняя столица Франции, приходится на середину I в. до н. э. и принадлежит Юлию Цезарю. Цезарь называет её городом парисиев (латинск. **Lūtētia** <вар.: **Lutecia** <**Parisiōrum**, oppidum **Parisiōrum**>), лежащим на острове Секваны <Сены> и соединённым с её берегами мостами [1, 6; 3; 7: 57–58, 119, 170, 171]. Полвека спустя Страбон замечает, что парисии живут у Секваны, на которой есть их остров и город, Лукотокия (др.-греческ. πόλις Λουκοτοκία) [2, 4; 3; 5, 185]. Птолемей (вторая половина II в.) приводит географические координаты этого города — Лукотекии (др.-греческ. πόλις Παρισίων Λουκοτεκία <вар.: Λευκοτεκία; при др.-греческ. λευκός «белый, светлый, чистый, прозрачный, соединённый с серебром»>) [3, 2; 8; 13, 104]. Большая его часть была в то время левобережной и располагалась на возвышенности, именовавшейся Лукотитийской (латинск. mōns **Lucotitius**) <Сент-Женевьев>. К III в. относится упоминание Лутиции в «Итинерарии Антонина» (латинск. **Luticia Parisiōrum**) [4, 366; 5, 175]. С начала IV в. название «Лутеция» заменяется на дорожных мильных камнях «городом парисиев» (латинск. cīuitās **Parisiōrum**). Юлиан в середине IV в. пишет о дороге ему Лукетии (др.-греческ. Λουκετία). Так, по его словам, называют кельты этот город парисиев — речной остров, обведённый стеной, с мостами по обеим его сторонам [5: 340 c, 340 d, 341 a, 256, 257]. Несколько позднее форт парисиев Лутицию (латинск. **Parisiōrum** castellum, **Luticia** nōmine) упоминает Аммиан Марцеллин [6, 15; 11: 3, 80]. К концу римского времени город назывался уже просто Парисием (латинск. **Parisius**).

II

Цезарь сообщает о нём следующее: «Лабизн... двинулся с четырьмя легионами против Лутетии. Это — город парисиев, лежащий на острове Секваны. При известии о его приближении здесь собрались большие неприятельские силы из соседних общин. Верховное командование было вручено аулерку Камулогену... Последний, обратив внимание на сплошное болото, которое имело спуск в реку Секвану и делало всю местность почти недоступной, расположился здесь и стал мешать нашей переправе.

Лабизн сначала пытался... заваливать болото фашиником и насыпью... Но потом, когда он нашел эту работу слишком трудной... выступил из лагеря... и тем же путем, каким пришел сюда, достиг Метиоседа. Это — город сенонов... также на острове Секваны... Он перевёл [здесь] войско и пошел на Лутетию по течению реки. Узнав об этом... неприятели приказали сжечь Лутетию и сломать городские мосты, а сами покинули болото у берегов Секваны и расположились против Лутетии» [1; 7: 57–58, 170, 171].

На двух рельефах столпа, поставленного на острове Лутеция <Сите> товариществом корабельщиков из общины парисиев (латинск. nautae **parisiaci**; первая треть I в.), изображены ивы и цапли [7]. Это не было случайным. Ивы предпочитают сырые, но обыкновенно не болотные места.

Ср.: окситанск. **brisa** «ива, белотал»; чешск. **rokyt (k)a** «ива, ракита» <при эвенкийск. **ōktāk** «ива, тальник»>. Цапли — заболоченные и травянистые территории. <* На рельефе изображены три цапли (а не журавля, как обычно считается) на быке и в ракитовых ветвях над ним. Такой их вид, как египетские цапли (французск. héron garde-bœuf; букв. «цапля — воловий сторож») имеет обыкновение держаться близ пасущегося крупного рогатого скота, и именно их можно наблюдать стоящими на быках или лошадях. Что касается быка, то на санскрите это слово звучит как **proṣṭha परोष्ठ**, по-таджикски — **барзагов**, хотя последнее ни о чём ещё не говорит>.

В центре нынешнего Парижа на правом берегу Сены лежит его исторический район Маре (французск. le Marais «Болото»). Лишь с IX в. эти сырые и топкие места стали использоваться под выгон, обрабатываться же — не ранее XII в. Первоначально так называлась вся затопляемая зона правобережья, много большая, чем теперешний Маре, она тянулась между рекой и её старым руслом, доходя до уровня сегодняшних Больших бульваров. Наводнения — большие и меньшие — были в этом городе нередкими гостями.

III

Лутеция: англйск. **lutose** «топкий, грязный»; др.-греческ. **ἄλυντος** «неопрятный, грязный», **ἐλώδης** «топкий, болотистый», **ἰλυώδης** «топкий, илистый»; испанск. **lodoso** «топкий, илистый, грязный», **lodazal** «топь, непролазная грязь»; латинск. **litus** «берег», **luteus** «илистый, грязный», **luteus** «золотисто-жёлтый, шафранный, ярко-красный», **rotātio/rotātus** «кружение, вращение»; лубукусу **lūtòsi** «ил, грязь» [8, a]; масаба **litoosi** «топь, ил, грязь» [8, b]; немецк. **latschig** «грязный»; нидерландск. **loodsen** «проводить (судно, кого куда)» <то же: итальянск. palude «болото, лагуна» и pilotare «проводить (судно)»>; финск. **lettosuo** «топь, болото», **ylitys** «переход, переправа»; эстонск. **ratas** «кольцо».

Лукотокия: англйск. **logged** «болотистый, пропитанный водой»; арамейск. **rgyt** «разнотравье», **rgywt** «сырость, влажность»; др.-армянск. **arcat** «серебро» արծաթ; баскск. **lohitik** «ил», **lokatz** «ил, грязь», **lokatza** «болото, топь»; болгарск. **лъгът** «луг, пойма»; венгерск. **alkudni** «торговаться»; др.-греческ. **ἀλλακτική** «прямой товарообмен», **ἐλκτος** «изогнутый, выходящий», **ἤλεκτρον** «электр (золото с серебром)», **λευκίτας** «белый»; иврит **lēhiṭemaqēh** «торговаться» להיחמק <ср.: итальянск. luogo di mercato «рынок»; тж.: латинск. legitmus «законный, должный»; французск. légitime «легитимный, общественно признанный»; иными словами, этимологически понятия законности и легитимности выглядят связанными с идеями свободы выбора и обоюдных обязательств>; икск. **ilúkútsés** «прямой товарообмен» [8, c]; др.-ирландск. **argat** «серебро»; испанск. **alagadizo** «болотистый, поёмный» <ср.: испанск. aligator «аллигатор»; французск. aligoté «алиготе» (сорт винограда, связанного с Бургундией)>, **(el) codo** «изгиб, излуцина», **(el) guadal** «болото, топкое

место», **recodo** «изгиб, излуцина», **regadizo** «орошаемый, поливной», **regatear** «торговать (ся)»; итальянск. (**il**) **acquitrino** «топь, заболоченное место»; латинск. **arcuātus** «изогнутый, сводчатый», **locatum** «соглашение, сделка»; латышск. **liekties** «изгибаться»; литовск. **lygti** «торговать (ся)»; монгольск. **лагтай** «илистый», **эрэгдэх** «ввинчивать, крутить»; оскск. **aragetud** «серебро» [9, 713]; русск. **локоть** «изгиб, излуцина»; санскр. **rakta (ka)** «красный» **रक्त (क)**, **rohita** «красн (оват)ый» **रोहित**; таджикск. **лойқадоп** «илистый»; финск. **lahdeke** «бухточка, заводь», **luhta** «пойменный луг, пойма»; французск. (**le**) **coude** «изгиб, излуцина» <ср.: др.-греческ. **κῦτος** «изгиб»; грузинск. **kut'khe** «угол» **კუთხე**; китайск. **gǒutuī** «изгиб» **狗腿**, **hétào** «излуцина» **河套**; суахили **kota** «изгиб»; чешск. **kout** «угол»; эвенкийск. **kēтаравчā** «изогнутый»; японск. **kuttō** «изгиб» **屈撓**, **rocade** «окружная/кольцевая дорога»; чешск. **loukoť** «изгиб»; эвенкийск. **олōктоми** «бresti по воде, грязи, песку»>.

И английск. **diggings** «место, местность»; арамейск. **dwk (h)** «место, местность»; армянск. **tegh** «место, местность» **տեղ**; баскск. **toki** «место, местность»; грузинск. **adgili** «место, местность» **ადგილი**; кунамск. **utuke** «место, селение» [8, d]; маори **takiwā** «местность»; секеу **dugó** «место» [8, e]; тагальск. **dako** «место, край»; хилигайн. **doók/toók** «(отдалённое) место, селение»; японск. **tokoro** «место, местность» **所**.

Парисий: аккадск. **aburriš** «на лугу»; английск. **plashy** «болотистый, сырой»; арпитанск. **praz** «луга»; бретонск. **plos** «грязный»; венгерск. **piros** «красный»; др.-греческ. **βαρις** «барка», **εὐπορος** «лёгкий для перехода», **περαιώσις** «переправа, перевоз», **πηλός** «топь, ил, грязь», **πόρος** «переправа, мост», **πράσσω** «проходить, переплывать» **πυρρός/πυρρός** «рыжий, красный»; испанск. **balsa** «болотистое место, плот», **barrizal** «болото, топь»; катукина **paras** «топь, ил, грязь» [8, f]; латинск. **burrus** «рыжеватый-бурый, красный», **palūs** «болото»; латышск. **brasls** «брод», **brist** «переходить вброд», **purvs** «болото»; литовск. **brasta** «брод», **palios** «болото», **paraistė** «у болота», **persigauti** «переправляться, перебираться», **persiirti** «переправляться (на лодке)», **purvas** «грязь, ил»; немецк. **überschiffen** «переправляться (на судне)», **übersetzen** «переправлять (ся), перевозить (на другой берег)»; португальск. **brejo** «болото, топь»; др.-русс. **бережане** «прибрежные жители»; русск. **бresti** «идти с трудом», **брусанка** «ладья»; словенск. **bresti** «переходить вброд»; тавгийск. **бээруса** «перевести, переправить»; фарси **pr az gl** «грязный» **گل از پر** <ср.: русск. брезговать «гнушаться»>; финск. **pursi** «парусная шляпка».

IV

* Значения «топкий, болотистый, грязный», как заложенные в ойкониме «Лутеция», в настоящее время преобладают в его объяснении — и не без оснований. Об этом его подтексте («грязный») в повествовании о том, как улицы Парижа стали сплошь моститься камнем, на исходе XII в. писал ещё Ригор из Сен-Дени [10: 47, 48].

* Приведённые материалы позволяют говорить о том, что эта семантика присутствует и в других названиях нынешней столицы Франции. Тождество трёх стоящих за ними форм и прямо фиксируется словарями [11]. * «Болотистые места» и «люди, живущие у топей» — вот что они, скорее всего, передавали.

* Приведённые выборки показывают, что если 1) «парисии» — слово, соответствия которому почти полностью являются индоевропейскими, то 2) у «Лутеции» они большей частью индоевропейские, 3) у «Лукотокии» же — индоевропейские наполовину, а с учётом второй его вероятной составляющей — преимущественно неиндоевропейские. И в фонетическом отношении ближе всего к последней баскское **lohitik**. * Таким образом, «Лукотокию» можно, скорее всего, считать наиболее ранним из рассматриваемых здесь имён собственных, «Лутецию» же — калькой с неё. <Похожей на перевод с древнебаскского на латинский язык. Древнебаскским в настоящее время обыкновенно считают аквитанский (каталанск. **l'aquità**, французск. **l'aquitain**) — правда, плохо известный. Его французское обозначение напоминает и одно из французских названий окситанского языка — **langue d'oc**. В этой связи ещё раз приведём слова Цезаря: «Галлия по всей своей совокупности разделяется на три части. В одной из них живут бельги, в другой — аквитаны, в третьей — те племена, которые на их собственном языке называются кельтами, а на нашем — галлами. Все они отличаются друг от друга особым языком, учреждениями и законами. Галлов отделяет от аквитанов река Гарумна, а от бельгов — Матрона и Секвана» [1, 7]>.

На месте нынешнего Сен-Дени — части Парижской городской агломерации, — что у излучины Сены на её правом берегу, во II–III вв. было селение, называвшееся Катколак (латинск. **vicus Catcolacus/Catculiacum**). До недавнего времени здесь протекали речушки, вызывавшие частые наводнения, и хватало болот [12, а]. * При немецк. **lotig** «грязный, навозный», русск. **гадкий** «вызывающий отвращение, противный», шведск. **gyttjig** «илистый» и латинск. **locus** «место, местность», этот комоним может переводиться как «очень грязное место». * На мой взгляд, фонетико-семантическое сходство с названием Локотокии свидетельствует о том, что её значение не было в этих краях потеряно; а возможно, представляет собой и образец их своеобразного юмора. * Об этом же косвенно говорит и вариант именования города, приводимый у Птолемея: «Левкотокия» — в прямую противоположность «Локотокии»; и следовательно, эти названия являются паронимичными.

Что касается «Парисия», то правильность рассчитанного значения этого ойконима подтверждается и следующим. На севере Париж граничит с ландшафтной зоной и исторической областью Пеи-де-Франс или Плен-де-Франс (французск. **Le pays de France/la Plaine de France**) [13]. Это низменная равнина между Марной, Сеной и Уазой, с высоким уровнем грунтовых вод и землями, покрытыми

илом, которые сейчас дают хорошие урожаи. * Иначе она называется Паризис (французск. le **Paris**), то есть «топкие места, сырые луга».

V

* Сопоставление фонетико-семантических материалов с данными топографического и нумизматического характера показывает, что ещё до перехода их метрополии под римский контроль её имя могло приниматься парисиями и в значении «место у речных излучин». Сена — на редкость извилистая река, но у Парижа и Руана в особенности. В приведённых выборках группа с семантикой «излука» представлена почти чисто индоевропейскими соответствиями. Фонетически ближе всего к названию «Лукотокия» при подобной её интерпретации чешское **loukot**. Именно так, Лукетий, и называли этот город, по свидетельству Юлиана, кельты.

На обеих сторонах золотых статеров парисиев (конец I тыс. до н. э.) преобладают круто изогнутые линии; на аверсах их подчёркнуто много; и две, в виде обычной и обратной латинской «эс», как правило, расположены друг против друга <* Возможно, это отражение тех федеративных (?) отношений, которые существовали между парисиями и сенонами [1, 6; 3, 119], и обычная «эс» касается вторых из них. Ср.: [14]. Тот же орнаментальный мотив — в жёлтом и охристо-красном цветах — много позже использовался в оформлении гробницы св. Дионисия в Сен-Дени (VI в.) [12, b]. В ту пору Париж по-прежнему был связан с Сансом (прежде — метрополией сенонов) и зависел от него, но только в церковном отношении.> [15, а <* Нити из бусин на его аверсе могут обозначать течение Сены — нижняя (внизу поворачивающая на СВ; Сена, если по ней подниматься, уходит здесь на ВСВ; это были территории сенонов, и здесь по оси С-Ю на монете проставлена обычная «эс») и Марны — верхняя (в этой части статера по оси ВСВ-ЗЮЗ, повторяющей направление течения Марны, вычеканена обратная «эс»; земли парисиев). Восьмиконечная звезда тогда — их Лукотокия (ср.: французск. **l'octogramme** «восьмиконечная звезда»); 16, а; 17]; обратная — большей частью в изолированной позиции и обыкновенно соединена с полуволютой в узор, напоминающий речные излучины [18 <Это чеканка парисиев — с не очень здесь внятыми обычной и отражённой «эс» на лицевой стороне, орнаментом излучины на оборотной и проч.>; 15, b; 16, b; 19]. Зеркальная «эс», но без пары, присутствует и на обеих сторонах бронзовых денег парисиев [20; 21], и на реверсах их золотых монет (конец I тыс. до н. э.) [22]. * Всё это присуще только монетам парисиев (чего, однако, нельзя сказать о кельтской выделке в целом) и маркирует их как локотокийские. * Повторяя очертания излучин Сены у лежащего там города, обратная «эс» использовалась в них, на мой взгляд, как его иероглифическое, в сущности, обозначение: «город на речных излучах», «Лукетия» (* На изображении герба Парижа середины XVI ст. в центре его положится парус, повторяющий очертания зеркального «эс» [23]).

На аверсах самых красивых статеров парисиев можно прочесть и «Λου [κετία]»/«Λου [котоκία]» (например [15, b; 19]), но через раз — и «скорее да, чем нет».

В подборках представлена и значительная группа слов с семантикой «переправа». * Что касается последних, то на правом берегу французской столицы есть квартал и мост Берси (французск. de **Bercy**), иначе — «Переправный». Ещё в начале XIX в. (тогда — вне пределов городской черты) здесь был перевоз через реку. В 30 км. от Парижа, вверх по Сене есть брод, называемый Броссом (французск. le **Brosses**) [24, 746]. А в 90 км. юго-восточнее французской столицы лежит местечко Бре-сюр-Сен (французск. **Bray-sur-Seine**). С половины I в. до н. э. эти сенонские территории находились под властью Рима, и уже тогда в Бре был мост, соединявший обе стороны Сены. Сейчас здесь проходит шоссе D 412. * То, что название его означает «переправа на Сене», на мой взгляд, очевидно.

VI

Герб столицы Франции восходит к началу XIII в. (два столетия спустя он уже мало чем отличался от настоящего) [23]. <В их рисунке тоже, на мой взгляд, читаются «Λου [κετία]»/«Λου [котоκία]», а на последнем — даже и более>. Но его общие черты определялись ещё королевским указом конца XII в.: поле герба должно было быть багряным, а кораблик в его центре — серебряным. * Что до последнего, то принимая во внимание множество с семантикой «серебро» в выборке III и I, можно допустить, что это требование имело отношение к прежним названиям города, «Лукот (ок)ия» и «Левкотекия». Предпочтения к красному и жёлтому цветам уже были отмечены здесь для Сен-Дени VI в. До этого красная охра использовалась в оформлении Столпа Корабельщиков [25; 26]. Сен-Дени принадлежала и хоругвь, которая связывалась со св. Дионисием Парижским (III в.) и с начала XII в. служила штандартом французских королевских войск. Она была багряной. К концу средневековья печать столицы Франции проставлялась на багряном воске [27]. * Один из традиционных цветов этого города — красный — мог стать им отчасти из-за фонетической близости слов с подобной семантикой (III) его исходным именованию.

Герб Парижа начала XV в. представляет собой изображение кораблика с крутыми высокими носом и кормой, плывущего под перевёрнутым треугольником паруса [23]. * Большинство золотых монет, чеканенных парисиями, содержат на оборотной стороне ту же, в сущности, композицию. * Круто изогнутый корабль или конь, корабельная цепь или грива и перевёрнутый треугольник паруса, составленный из правильных ромбов (иногда — из фрагментов произвольной формы [18]), над ними. (По свидетельству Цезаря, паруса кельтских судов шились из кож, якоря крепились цепями, а нос и особенно корма были очень высокими [1: 3, 13–14, 61, 62]. То же у Страбона, который пишет, что паруса их натянуты на цепях [2, 4; 4, 185]). * Обыкновенно это выглядит и как изображение морского конька [28], распространённого

вдоль всей береговой линии Франции. Последнее служит лишним свидетельством того, что корабли парисиев использовали ими не на одной только Сене.

Девизом столицы Франции, с середины XIX в. сопровождающим её герб, служат слова «*Fluctuat nec mergitur*». Хотя сама эта фраза на латинском языке намного более раннего происхождения. * С учётом всего сказанного её можно переводить как «[он] качается, только [воды или топи] не губят [его]».

* Такой же девиз носит ещё один город во Франции, Эмарг (окситанск. Aimaigue; французск. Aimargues; при французск. marécage «заболоченная земля, топкое место»). На его гербе — накренившийся (или плывущий) крест, половина которого на серебристой полосе (и это вода) [29; 30]. Расположенный на высоте 8 м. над уровнем моря, окружённый речками и озерами, этот город подвержен значительным и частым наводнениям [31], что многое объясняет.

Список литературы:

1. Цезарь Г. Ю. Галльская война (*Bellum Gallicum*) // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне; пер. М. М. Покровского. 3-е изд. — М.: Ладомир — Наука, 1993. — 560 с.
2. Страбон. География (в 17 книгах); пер. Г. А. Стратановского. — Л.: Наука, 1964. — 957 с.
3. Ptolemaei C. *Geographia*. T. I. — Lipsiae: C. Tauchnitz, 1843. — 284 p.
4. *Itinerarium Antonini Augusti et Hierosolymitanum*. — Berolini: F. Nicolai, 1848. — 404 p.
5. Юлиан [Ф. К.] Антиохийцам // Император Юлиан. Сочинения; пер. Т. Г. Сидаша. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. — 428 с.
6. Аммиан М. Римская история (*Res Gestae*); пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. 2-е изд. — СПб.: Алетейя, 1996. — 569 с.
7. Bernardeau S. *Le pilier des Nautes* [b, i, j] // *Panorama de l'art*. — 17.3.2015 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.panoramadelart.com/le-pilier-des-nautes> (Дата обращения: 6.1.2016).
8. Lubukusu, bxk-000, liitosi/líthòsi; Masaba, myx-000, litoosi; Ik, ikx-000, ilúkútsés; Kunama, kun-000, utuke; Sembla, sos-000, dugó; Catuquina, kav-000, paras // *PanLex. Every word in every language*. — San Francisco // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: а) <http://www.panlex.org/panlinx/ex/12208758>; <http://www.panlex.org/panlinx/ex/16696672>; б) <http://www.panlex.org/panlinx/ex/12244663>; в) <http://www.panlex.org/panlinx/ex/16711694>; г) <http://if.panlex.org/panlinx/ex/17304756>; д) <http://if.panlex.org/panlinx/ex/17433188>; е) <http://www.panlex.org/panlinx/ex/18178319> (Дата обращения: 6.1.2016).
9. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. — Тбилиси: Изд-во ТбУ, 1984. — XCVI, 1328 с.
10. Rigord. *Vie de Philippe Auguste* // *Collection des mémoires relatifs à l'Histoire de France*; par M. Guizot. — P.: Imprimerie de Lebel, 1825. — X, 463 p.
11. Lokatza // *Orotariko Euskal Hiztegia*. — Bilbo // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.euskaltzaindia.eus/index.php?option=com_oeh&view=frontpage&Itemid=&lang=eu&sarrera=lokatz&xeh=3 (Дата обращения: 6.1.2016)
12. Avant Saint-Denis: Du Néolithique ancien à l'Antiquité; Un pilier du chancel qui clôturait le tombeau // Saint-Denis, une ville au Moyen Âge // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: а) http://www.culture.gouv.fr/fr/arcnat/saint-denis/fr/1_1_origines.htm; б) http://www.culture.gouv.fr/fr/arcnat/saint-denis/fr/1_2a2_ville.htm (Дата обращения: 6.1.2016).
13. Carte de l'Île-de-France historique // Wikimedia Commons. — 2008 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/99/Ile-de-France_historique1.svg (Дата обращения: 6.1.2016)
14. Bronze à l'oiseau frappé par les Sénon // Wikimedia Commons. — 2014 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://fr.wikipedia.org/wiki/S%C3%A9non#/media/File:Bronze_%C3%A0_1%27oiseau_frapp%C3%A9_par_les_S%C3%A9non.jpg (Дата обращения: 6.1.2016).
15. Celtic Coinage. North-Central Gaul. The Parisii // *Icollector.com* // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: а) http://www.icollector.com/Celtic-Coinage-North-Central-Gaul-The-Parisii-Gold-Stater-7-16-g-19-mm-Mint-B-Class-1a-VF_i11014187; б) http://www.icollector.com/Celtic-Coinage-North-Central-Gaul-The-Parisii-Gold-Stater-7-03-g-25-mm-Mint-A-Class-5a-EF_i11014189 (Дата обращения: 6.1.2016).
16. Coins Of The Parisii // Wikimedia Commons. — 2008 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: а) https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Coins_of_Parisii#/media/File:ParisiiCoins.jpg; б) https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Coins_of_Parisii#/media/File:CoinsOfTheParisii.jpg (Дата обращения: 6.1.2016).
17. Gold quarter stater of Parisii tribe // Parisii // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.worldcoincatalog.com/AC/C1/CelticKingdoms/Gaul/Parisii/Parisii01L.jpg> (Дата обращения: 6.1.2016).
18. Gaul. The Bellovacii (?)... Gold quarter stater // Wildwinds // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wildwinds.com/coins/celtic/gaul/bellovacii/DLT_7109.jpg (Дата обращения: 6.1.2016).
19. König C. L'or, la magie des alchimistes // Futura-Sciences. — 11.1.2007 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.futura-sciences.com/magazines/terre/infos/dossiers/d/geologie-or-magie-alchimistes-686/page/8> (Дата обращения: 6.1.2016).

20. Parisii (Région de Paris) Potin au cheval//Cgb.fr – P., 2014//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cgb.fr/parisii-region-de-paris-potin-au-cheval,v55_0579,a.html (Дата обращения: 6.1.2016).
21. Parisii – Parisiens (Région de Paris) Potin au cheval//Monnaies IV//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ventesuroffres.free.fr/images/monnaies/vso/v04/v04_0606.jpg (Дата обращения: 6.1.2016).
22. Le monde celtique. Parisii (Région de Paris). Quart de statère//NumisBids. – 2014//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.numisbids.com/n.php?p=lot&sid=915&lot=7> (Дата обращения: 6.1.2016).
23. Les armoiries de Paris//M. Declerck. Les armoiries de Paris: histoire, documents. – P.: L'Harmattan, 2007. – 127 p.//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20110210113917>; <http://armoiries-de-paris.com> (Дата обращения: 6.1.2016).
24. Verdier de Pennery P. Les gués de la Seine et de l'Yonne de Nogent-sur-Seine et d'Auxerre à Paris: Contribution aux recherches archéologiques dans les régions que traversent ces cours d'eau//Bulletin de la Société préhistorique de France. – V. 56, N. 11–12. – 1959. – P. 731–748.
25. Pilier des Nautes//Wiccapedia//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wiccapedia.fr/wiki/Pilier_des_Nautes (Дата обращения: 6.1.2016).
26. Le pilier des nautes: le plus ancien monument daté de Paris//Fiche d'information du musée de Cluny. – Avril 2003//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jfbadu.free.fr/celtes/les-celtes/savoir-plus-pilier-des-nautes.php3> (Дата обращения: 6.1.2016).
27. Les armes de Paris//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philippe.bourgeois3.free.fr/Library/Sceau%20Paris%201412.jpg> (Дата обращения: 6.1.2016).
28. Cute Seahorse Clipart//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://images.clipartpanda.com/cute-seahorse-clipart-blue-seahorse-23565901.jpg> (Дата обращения: 6.1.2016).
29. Aimargues//Heraldry of the World//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ngw.nl/heraldrywiki/index.php?title=Aimargues> (Дата обращения: 6.1.2016).
30. Blason de la ville d'Aimargues//Wikimedia Commons. – 2013//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/3/31/Blason_de_la_ville_d%27Aimargues_%2830%29.svg (Дата обращения: 6.1.2016).
31. [Environs de Aimargues]//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vacances-location.net/holidays-rental/map-town/gard/aimargues.png> (Дата обращения: 6.1.2016).

*Nesterenko Olga Aleksandrovna,
Kyiv National Taras Shevchenko University,
post-graduate student, Institute of Philology
E-mail: o.o.nesterenko@gmail.com*

The specific of dialogue function of interjections in modern Chinese

Abstract: This article deals with the problem of dialogical usage of interjections in Modern Chinese. There were analyzed different types of communicative steps which include interjections.

Keywords: interjection, dialogue, dialogue speech, communicative step.

*Нестеренко Ольга Александровна,
Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко,
аспирант, Институт филологии
E-mail: o.o.nesterenko@gmail.com*

Особенности функционирования междометий современного китайского языка в диалогической речи

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы использования междометий современного китайского языка в диалогической речи. Анализируются типы коммуникативных ходов, в составе которых есть междометия.

Ключевые слова: междометие, диалог, диалогическая речь, коммуникативный ход.

Процесс коммуникации предполагает речевую деятельность, которая, в первую очередь, характеризуется ситуативностью. Коммуникативная ситуация есть частью объективной реальности, которая соотносится с речевыми и неречевыми элементами.

Как известно, междометия характеризуются отсутствием номинативного значения, поскольку выражают эмоциональное состояние, не называя его. Эти лексические единицы являются моментальной реакцией на объективную действительность, поэтому, соответственно, активно используются в процессе коммуникации. Актуальными, по нашему мнению, становятся исследования, которые рассматривают речь в социальном контексте. Именно диалогическая речь есть коммуникацией, при которой происходит непосредственный обмен информацией. Таким образом, целесообразным является анализ диалогической речи, элементом которой есть междометия современного китайского языка.

Как отмечает Е. А. Селиванова, диалог “является формой коммуникации; ситуативно обусловленным общением двух или больше человек, коммуникативные роли которых инверсируются при условии определения собеседниками цели и направления коммуникации”. Инверсией роли коммуникантов есть процесс, в результате которого адресат исполняет роль адресанта [2, 35].

В своем исследовании Е. А. Брызгунова наводит следующие особенности диалогической речи (по сравнению с монологической):

- диалогическая речь состоит с непосредственного обмена репликами, в результате чего активизируется взаимодействие синтаксиса, лексики и интонации;
- диалогическая речь характеризуется варьированием смыслового и эмоционального смыслов, а также эмоциональной реализацией интонационных конструкций [1, 59].

Сегментация спонтанной речи является одним из важных заданий в контексте анализа диалогической формы коммуникации. Разговорная речь состоит с междометных элементов, неожиданных пауз, ожиданий, которые разделяют предложение на фрагменты. В некоторых случаях последняя фраза следующего предложения и следующее предложение формируют целостные речевые интервалы.

В этом контексте Казюки Тагаки и Шуичи Итахашаи в своем исследовании, посвященном сегментации разговорного диалога, выделяют три основных сегмента:

1. пауза (или тишина);
2. междометие;
3. предложение (без паузы и междометных элементов) [4].

А. П. Чахоян акцентирует внимание на том, что особенностью диалогической речи является быстрая смена кратких реплик, которые следуют друг за другом, инициируя друг друга. Таким образом, выделяются диалогические единства, которые состоят с интенциональной реплики (вопроса) и реплики-реакции [3, 67–68].

В процессе исследования было определено, что междометия современного китайского языка способны являться частью:

1) интенциональной реплики. Например:

小王: 哎, 你们家搬进新楼已经快一年了吧? 感觉怎么样?

小李: 新房子当然舒服了。 [5, 88].

Сяо Ван: Ой, уже скоро год, как вы переехали в новое жилье? Какие впечатления?

Сяо Ли: Новая квартира, конечно, удобная.

В данном примере коммуникант используя междометие 哎 [āi], инициирует внимание собеседника (в форме оклика), вводит новую информацию, после которой следует вопрос.

2) реплики реакции. Например:

小张: 小王, 这么急, 去哪儿呀?

小王: 哎, 气死我了。前几天刚买的真丝衬衫, 没穿两天就坏了。 [5, 34].

Сяо Чжан: Сяо Ван, ты такой взволнованный, куда идешь?

Сяо Ван: Ай, злой до смерти. Несколько дней назад купил шелковую рубашку, даже два дня не поносил, а она испортилась.

В данном примере собеседник реагирует на вопрос, используя междометие 哎 [āi], чем выражает недовольство ситуацией, о которой спрашивают.

Следует отметить, что в этом контексте междометие выступает в качестве маркера эмоции и есть тематическим (начальным) элементом коммуникативной структуры.

Минимальной функциональной единицей диалога есть коммуникативный ход, который выполняет одну функцию в развитии интеракции. Поскольку междометия современного китайского языка активно используются в процессе коммуникации, целесообразно определить коммуникативные ходы, которые могут выражаться междометием или междометием в комплексе с предложением.

В процессе исследования определены такие функциональные типы коммуникативных ходов, которые реализуются междометиями современного китайского языка:

1. Инициальный (начало коммуникации). Например: 明华: 哎, 你们几个找老王谈房子的事没有? [6, 189].

Мин Хуа: Эй, вы нашли Лао Вана, чтобы обговорить квартирный вопрос, или нет?

2. Поддерживающий. Например:

安德: 哦, 原来是这样。我发现现在的社会为残疾人考虑得越来越周到了。 [5, 58].

Ан Дэ: О, так вот в чем дело. Я сейчас заметил, что общество более заботливо относится к людям с ограниченными возможностями.

3. Фокусирующий (акцент на информации). Напр.:

小王: 哎呀, 你怎么不早点儿说呢? 对了, 这是换季减价的东西, 老板能给我换码? [5, 34].

Сяо Ван: Ай, почему ты раньше не сказал? Да, это была сезонная распродажа товара, думаешь владелец мне поменяет (рубашку)?

В ходе анализа диалогической речи современного китайского языка было выявлено, что междометия реализовывают свои функции на уровне четырех основных типов диалога:

1) Диалог-вопрос. Например:

A: 你在哪儿工作?

B: 我还在读书呢。

A: 哦, 你是留学生。你汉语说得真棒! [7, 84]

A: Где ты работаешь?

B: Я еще учусь.

A: О, ты иностранный студент. Ты очень хорошо разговариваешь по китайски!

Функционально-семантический тип диалогического единства: вопрос — ответ — междометие (с комментарием). В данном случае междометие есть реакцией на полученный ответ.

2) Диалог-договоренность.

小王: 哎, 李明, 给我点儿水喝, 我都快渴死了。

李明: 你看我这人! 都忘了给你倒水了, 给你一瓶冰镇的, 解渴。 [6, 32].

Сяо Ван: Ой, Ли Мин, дай мне воды, а то я умираю от жажды.

Ли Мин: Ну я даю! Совсем забыл дать тебе воды, вот бутылка холодной воды, утоли жажду.

Функционально-семантический тип диалогического единства: запрос — междометие (с комментарием). В этом примере междометие входит в состав коммуникативного шага-инициации, подчеркивая то, что просьба-запрос очень важна.

3) Диалог-обмен впечатлениями.

强子: 马朋那个人哪儿都好, 就是脾气台 ...

铁军: 哎, 别说他了。 [6, 110].

Цянь Цзи: в Ма Пэне все хорошо, но вот характер ...

Тье Цзюнь: Ай, не говори ему.

Функционально-семантический тип диалогического единства: сообщение — междометие (с комментарием). В данном примере междометие является реакцией на информацию.

4) Диалог-дискуссия.

京生: 我是看不惯那些人, 跟这些人在一起真没意。

宝山: 嗨, 他们是他们, 你是你, 你犯不着因为他们就把个好端端的铁饭碗扔了呀。 [6, 138].

Цзин Шэн: Я не люблю таких людей, быть вместе с ними — нет смысла.

Бао Шань: Ай, они — это они, а ты — это ты, не нужно с ними иметь дело, они просто зарабатывают на хлеб.

Функционально-семантический тип диалогического единства: сообщение — междометие (с комментарием). В этом примере междометие есть одновременно реакцией на сообщение и подчеркиванием своего отношения к ситуации.

Таким образом, междометия активно используются в диалогической речи. Входят в состав инициального, поддерживающего и фокусирующего коммуникативных ходов. Междометия современного китайского языка входят в состав диалогического единства в диалогах-вопросах, диалогах-договоренностях, диалогах-обменах впечатлениями и диалогах-дискуссиях.

Список литературы:

1. Брызгунова Е. А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи/Е. А. Брызгунова. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. – 117 с.
2. Селіванова О. О. Основи теорії мовної комунікації/О. О. Селіванова. – Черкаси: Вид. Чабаненко Ю. А., 2011. – 350 с.
3. Чахоян Л. П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка/Л. П. Чахоян. – М.: Высш. школа, 1979. – 168 с.
4. Kazuyuki Takagi, Shuichi Itahashi Segmentation of Spoken Dialogue by Interjections, Disfluent Utterances and Pauses// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.asel.udel.edu/icslp/cdrom/vol2>.
5. 汉语初级强化教程.听说可本4/肖奚强, 朱敏主编. – 北京: 北京大学出版社, 2010. – 120 页。
6. 汉语口语习惯用语教程/沉建华编著. – 北京语言大学出版社 – 200 页。
7. 汉语新目标, 第一册. – 北京: 教育科学出版社, 2004. – 248 页。

Section 9. Philosophy

*Ditkovskaia Inessa Emilevna,
Siberian Federal University,
PhD, Associate Professor
E-mail: i.gailis@mail.ru*

Ethical ideals of V. F. Vojno-Yasenetsky

Abstract: This article discusses the principles of therapeutic, scientific, pedagogical and organizational medical activities of V. F. Vojno-Yasenetsky as the embodiment of his ethical ideals.

Keywords: Vojno-Yasenetsky, Ethics, Ideals, Medicine, General Medicine, Purulent Surgery, Regional Anesthesia, Scientific Work, Medical Pedagogy, Health Care Organization.

*Дитковская Инесса Эмилевна,
Сибирский федеральный университет,
кандидат философских наук, доцент
E-mail: i.gailis@mail.ru*

Этические идеалы В. Ф. Войно-Ясенецкого

Аннотация: В статье рассматриваются принципы лечебной, научной, педагогической и организационной медицинской деятельности В. Ф. Войно-Ясенецкого как воплощение его этических идеалов.

Ключевые слова: Войно-Ясенецкий, этика, принцип, медицина, лечебное дело, гнойная хирургия, региональная анестезия, научная работа, медицинская педагогика, организация здравоохранения.

В отечественной медицине фигура Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого (1877–1961) предстаёт монолитом, вызывающим неистощаемый интерес с точки зрения философии, этики, теории и практики лечебного дела.

Его научные работы начали публиковаться в медицинских журналах с 1908 года. Его имя обрело известность в профессиональных кругах после выхода из печати фундаментальной монографии «Очерки гнойной хирургии». Однако широкому кругу читателей о жизни и творчестве этого человека стало известно, примерно, через сорок лет после его смерти.

Причина заключается в том, что корифей отечественной медицины, выдающийся хирург, доктор наук, профессор, общественный деятель, был ещё и духовным писателем, епископом Русской Православной Церкви, архиепископом Симферопольским и Крымским. Такое сочетание направлений деятельности не укладывалось в рамки мышления апологетов коммунистической идеологии, следовательно, все, что делал Войно-Ясенецкий, пытались «поправить», его мышление подвергалось резкой критике, а сам он — гонениям, сопровождавшимся могучим идеологическим давлением, материальными лишениями и физическими издевательствами.

Работы, посвященные жизненному и творческому пути В. Ф. Войно-Ясенецкого стали публиковаться лишь с конца 90-х годов. Многие изданы православными организациями.

Так, В. Малягин [5], В. Марущак [6] акцентируют внимание на религиозной стороне деятельности архиепископа Луки. В емком историческом очерке Ю. А. Шевченко «Приветствует вас Святитель Лука, врач возлюбленный» [10] речь идет о жизни и творчестве целителя, однако, автор предполагает покровительство Войно-Ясенецкому небесных сил. В работах В. А. Лисичкина [2; 3; 4] используются документы из архива Русской Православной Церкви, КГБ, различных министерств и ведомств, личного архива святителя. Автор объемного исследования «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга» М. А. Поповский — русский писатель и журналист (диссидент) опирается на архивные материалы, периодические издания, мемуарную литературу, переписку, сообщения людей, лично знавших архиепископа [9]. В этой работе освещается многогранность деятельности ученого, врача, священнослужителя, общественного деятеля. В. А. Глушеников — хирург, кандидат медицинских наук — в работе «Святитель Лука — взгляд в будущее» осмысливает архивные, биографические, автобиографические материалы, связанные с работой врача, учёного, архипастыря [1].

Анализ обозначенной литературы дает емкое представление о пути, пройденном Святителем Лукой от тюрем и ссылок до Сталинской премии Первой степени.

Начало этого пути точно констатирует Ю. Шевченко: «... около 23 часов 10 июня 1923 года епископ Лука был

арестован сотрудниками ОГПУ и переведен в следственную тюрьму Ташкента [10, 310]. Затем были «Бутырка», «Таганка», ссылка в Красноярский край с «этапными остановками» в Тюмени, Омске, Новосибирске и санным путем до Енисейска, куда узник прибыл в январе 1924 г. Конечный пункт — «глухая деревушка Хая, одиноко ютившаяся на берегу реки Чуны», притока Ангары. В Хае было восемь дворов. Единственный путь сюда — по льду Енисея и Ангары (зимник) или по... воде сибирских великих рек [10, 328]. Но из-за отказа Войно-Ясенецкого выполнять нелепые требования властей (не благословлять больных, не осенять их крестом), его выслали ещё дальше — в деревню Плахино, находящуюся в 230 километрах за Северным полярным кругом.

В 1930 г. Войно-Ясенецкого снова арестован и снова выслан (на три года) в Северный край (административная единица территориального деления, куда входили Архангельская, Вологодская и Северодвинская губернии, автономная область Коми и Ненецкий национальный округ).

В 1937 г. последовал третий арест. В этот период ученый прошел «конвейер» — тринадцать суток допроса без сна. Профессор вспоминал: «У меня начались ярко выраженные зрительные и тактильные галлюцинации ... не раз меня выводили под водопроводный кран, из под которого мне обливали голову холодной водой ...» [5, 69]. Во время допроса конвейером один из ведущих следствие сам заснул. Проснувшись, избил заключенного и отправил его в карцер на несколько дней. Но Войно-Ясенецкий ложного обвинения не признавал, наветы на коллег как на сообщников отметал, фальсифицирующие обстоятельства протоколы не подписывал. И снова отправился в ссылку в Красноярский край.

И не только власти предрешающие и их прислужники третировали великого человека. Его жалили и некоторые из коллег: замалчивали научные достижения, чинили препятствия при публикациях, не приглашали на консультации, где совет корифея мог бы оказаться полезным, придирались к мелочам.

Но на протяжении всей своей жизни, несмотря ни на какие препятствия, будучи и в тюрьме, и в ссылке, Войно-Ясенецкий всегда и везде оказывал безвозмездную медицинскую помощь, писал научные труды, при возможности — учил младших коллег и постоянно занимался о совершенствовании отечественной системы здравоохранения.

И с горечью говорил о насильно отнятом у него времени. «Я учил и готов учить врачей тому, что знаю; я вернул жизнь сотням, а, может быть, и тысячам раненых и наверняка помог бы многим, если бы ... не схватили меня ни за что ни про что и не таскали бы одиннадцать лет по острогам и ссылкам. Вот сколько времени потеряно и сколько людей не спасено отнюдь не по моей воле» [9, 395–396].

При обзоре в целом жизни и деятельности этого необыкновенного человека (а, может быть, одного из самых человеческих людей) встаёт вопрос: что же освящало

его труд? что освящало его последовательную поступь к своему идеалу сквозь тернии идеологических догм и духовную ограниченность тех, кто слепо следовал этим догмам? Каковы были этические идеалы В. Ф. Войно-Ясенецкого?

... В изначальности всего, что делает человек, тем более, в творчестве, лежит желание, сформированное обычно комплексом разных причин: пример старших (чаще родителей), осмысление обстоятельств (связанных с личной жизнью общества), складывающееся убеждение.

Войно-Ясенецкий родился в глубоко религиозной семье. И, думается, будущий врач с детства знал о святых целителях, их бескорыстном служении людям, истовости православной веры (большинство приняло смерть во имя веры). Ю. Л. Шевченко называет имена и дает краткое жизнеописание свыше двадцати подвижников, включая Войно-Ясенецкого в историческом пространстве от IV до XX веков. Они не только исцеляли, но и материально поддерживали страждущих, нуждающимся давали кров. Кроме того, труд некоторых из них создал предпосылки для развития фармакологии как науки и производства [10, 7–30].

Очевидно, эти впитанные с детства сведения определили этические идеалы юного Войно-Ясенецкого: бескорыстное служение страждущим, бедным и обездоленным, всемерная и всевозможная им помощь, если требуется — в ущерб себе, непоколебимая вера в свои этические идеалы. Позже духовный идеал служения людям обретёт выразительную формулировку в его «Беседах в дни Великого поста»: «Духовная жизнь — это активная, трезвенная, волевая, к Богу и людям направленная жизнь, и здесь голосу разума и требованиям совести принадлежит первое место» [7, 83].

Ещё в гимназическую пору Войно-Ясенецкий увлекался рисованием. Посещал рисовальную школу в Киеве, участвовал в одной из передвижных художественных выставок. И решил поступать в Петербургскую академию художеств. Но не сделал этого, ибо искал наиболее быстрого выхода, так сказать на прямой путь служения народу: облегчать ли страдания крестьян, учить ли их детей в сельских школах ... Такие искания были свойственны российской интеллигентной молодёжи конца XIX века.

И, как пишет Ю. Л. Шевченко, отправился юный Войно-Ясенецкий к директору народных училищ Киевского учебного округа с просьбой о немедленном устройстве в одну из сельских школ учителем начальных классов. Директор «оказался на редкость проникательным» и сумел убедить молодого человека, что тот как врач «сможет принести простому народу стократ больше пользы, чем просто фельдшер или сельский учитель ... Так, киевский директор народных училищ, оставшийся безвестным, сумел определить окончательный выбор будущей профессии Валентина Войно-Ясенецкого» [10, 37]. Идеи киевского директора резонировали с «голосом разума» будущего целителя.

Поступление на медицинский факультет Киевского университета в 1898 году, думается, стало началом формирования принципов деятельности Войно-Ясенецкого и реализацией *первого из них: делать не то, что хочется, но*

то, что «полезно для страждущих людей» [10, 35]. Отсюда вытекает и второй принцип: *делать свое дело грамотно, точно, тщательно*. Потому получил аттестат о добротном освоении университетского курса. Совмещая первый принцип со вторым, отправился работать в глубинку.

Лечебная деятельность Войно-Ясенецкого освещена в специальной медицинской литературе по гнойной хирургии, анестезиологии, травматологии, урологии, онкологии, офтальмологии. Это те области медицины, о работе в которых Войно-Ясенецкий хорошо известно. Но интересы врача простирались и на область психотерапии. И, хотя о последнем известно немного, но и оно показывает, к сколь мощной силе восстановления здоровья обращался в своей деятельности профессор.

Третий принцип философии Войно-Ясенецкого прямо определен его этической позицией: *помогать страждущим всегда и везде, невзирая на обстоятельства*. И, как пишет Ю. Л. Шевченко, на пути из Красноярск в Енисейск январем 1924 года оперировал Войно-Ясенецкий тяжело больного в крестьянской избе. В связи с отсутствием необходимых хирургических инструментов оперировал... слесарными щипцами [10, 325]. И показательна телеграмма Войно-Ясенецкого, отправленная в начале Великой Отечественной войны Председателю президиума Верховного совета СССР М. И. Калинину: «Я, епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий, отбываю ссылку... в посёлке Большая Мурта Красноярского края. Являюсь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла, там, где мне будет доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку. Епископ Лука» [10, 459]. Это ли не исторический пример служения долгу и величайшего благородства?

Четвертый принцип: *осмысливать лечебную работу — анализировать, выявлять наиболее характерное, обобщать, делать выводы, определять перспективы*. Все это Войно-Ясенецкий воплощал в своих научных трудах.

Его первая научная статья «Случай ретроградного ущемления кишечной петли» была опубликована, как свидетельствует Ю. Л. Шевченко, в журнале «Хирургия», издаваемом известным хирургом профессором П. И. Дьяконовым, уже через пять лет после начала медицинской деятельности. Но сколь интенсивной! Лазарет Первого Киевского отряда Российского общества Красного Креста, дислоцированного в Чите (шла русско-японская война), земская больница в Ардатовском уезде, больница в Фатеже Курской области... Эта работа вооружила Войно-Ясенецкого объемным опытом [10, 117–122].

Повод же для написания статьи был печальный: больной умер на операционном столе прежде, чем ему дали наркоз, умер от остановки сердца и дыхания. Причина смерти была более глубока: нетипичный случай. Войно-Ясенецкий определил и объяснил его. А отношение хирурга к науке видно из следующих его слов: «Обещаю... изучать врачебную науку и способствовать всеми своими

силами ее процветанию, сообщая ученому свету все, что открою» [10, 117].

И открывал, и сообщал! В том же 1908 г. были опубликованы еще две его статьи. Регулярно писал и в последующие годы. Публикации стали фиксацией его лечебной работы.

Его докторская диссертация «Регионарная анестезия» (издана в Петербурге в 1915 г.) вызвала живой интерес специалистов. Отчёты о деятельности Переславской земской больницы в 1914, 1915 гг. (изданы в Переславле-Залесском соответственно в 1915 г. и в 1916 г.), отчёт о хирургической деятельности Романовской земской больницы Балашовского уезда с 20 марта 1909 г. по 9 сентября 1910 г. (издан во Владимире-на-Клязьме в 1916 г.) — в сущности, поучительные сборники задач и примеров по медицине. А монография «Очерки гнойной хирургии», впервые изданная в 1934 г., переиздавалась в 1946, 1956, 2000 гг. Она актуальна и сегодня: настольная книга оперирующих хирургов, учебник для студентов.

Всего же известно свыше 60 научных трудов В. Ф. Войно-Ясенецкого в области медицины и 10 томов религиозно-философских сочинений.

26 января 1946 года Председатель Совета народных комиссаров СССР подписал постановление «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки за 1943–1944 гг.», опубликованное в центральной газете страны, органе ЦК партии и Совета министров «Правде». В постановлении говорилось: «Присудить Сталинские премии за выдающиеся работы... Премии первой степени... Войно-Ясенеckому Валентину Феликсовичу, профессору, консультанту-хирургу эвакогоспиталей Тамбовского областного отдела здравоохранения за научную разработку новых хирургических методов лечения гнойных заболеваний и ранений, изложенных в научных трудах «Очерки гнойной хирургии», законченном в 1943 году (слово «законченном» употреблено потому, что второе издание этого труда, дополненное, ещё не могло преодолеть рогатки, чинимые разными ведомствами, и было осуществлено во втором полугодии 1946 года — И. Д.), и «Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов», опубликованном в 1944 году» [8, 1].

Пятый принцип: *передавать свои знания и опыт младшему поколению — медицинская педагогика как грань творчества*. Формирование этого принципа было закономерной реакцией на проблемы обеспеченности отечественной медицины квалифицированными кадрами.

Еще на рубеже XIX–XX веков в стране не хватало санитаров, медицинских сестер и фельдшеров, врачей. В период Первой мировой войны положение ухудшилось. Так, в Туркестане (сегодня Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан вместе взятые) насчитывалось лишь 250 врачей, катастрофически не хватало среднего медицинского персонала. В этой ситуации туркестанский комиссариат здравоохранения организовал Высшую медицинскую школу, где Войно-Ясенецкий преподавал анатомию. Занятия были настолько успешны, что в следующем

году школа была преобразована в первый курс медицинского факультета [9, 87].

В период Великой Отечественной войны резко возросла потребность в хирургах-травматологах, анестезиологах, операционных сестрах. Однако быстро воспитать квалифицированных специалистов таких профилей невозможно. И учил Войно-Ясенецкий студентов на лекциях и операциях, а молодых хирургов — на операциях. Учил на собственном примере. Ю. А. Шевченко пишет, что «ещё в 20-е годы прошлого века в целях педагогики Войно-Ясенецкий оперировал “вслух”. В ходе операции он объяснял присутствующим, будь то врачи или студенты, что находится под фасцией, которую он сейчас разрезает, какие кровеносные сосуды и нервы проходят неподалёку от места разреза, какое направление является опасным с точки зрения их повреждения и как предотвратить то или иное осложнение при проведении оперативного вмешательства» [10, 258]. А выдающийся терапевт и гематолог И. А. Кассирский писал, что операции Войно-Ясенецкого «... являлись одновременно школой для врачей... фактически по ходу операций им прочитывались целые лекции по топографической анатомии» [10, 253].

Здесь отметим, что юношеская страсть Войно-Ясенецкого к рисованию во время его профессорской деятельности в Туркестанском государственном университете воплотилась в создании уникальной, как пишет Шевченко, «коллекции пояснительных цветных рисунков по оперативной хирургии и топографической анатомии, которые использовались им в ходе чтения лекций». И далее Шевченко, ссылаясь на И. А. Кассирского, говорит, что часть этих рисунков пережила своего автора и использовалась в преподавательской деятельности медицинского факультета Ташкентского государственного университета имени В. И. Ленина ещё в конце 60-х годов прошлого века [10, 259].

Шестой принцип: вносить свой вклад в совершенствование отечественной системы здравоохранения. Конечно, «система здравоохранения» — понятие емкое. Ее совершенствование — это новые методы лечения, как собственно врачебные, так и связанные с фармацевтикой, организация медицинского образования, медико-профилактическая работа, научное обоснование и осмысление всей совокупности лечебной практики. Но все вышеобозначенное должно иметь прочную материальную базу: помещения, лечебные и учебные площади, оборудование, лекарства, перевязочные материалы. Поэтому, наряду с лечебными, образовательными и научными проблемами, Войно-Ясенецкий решал (нередко пробираясь сквозь толщу льда бездушия) и сугубо материальные.

Так, в 1909 г., работая в больнице Романовской слободы в нижнем Поволжье, не получив у чиновников необходимые финансовые средства, он купил на свои деньги микроскоп и микротом, чтобы исследовать опухоли [9, 67].

А в Переславле-Залесском, где работники земской управы, понимая врача, профинансировали реконструкцию больницы и приобретение для нее оборудования, был построен барак для заразных больных, двухэтажное здание прачечной и дезинфекционной камеры, проведен ремонт в хирургическом отделении, оборудован рентгеновский кабинет [9, 73]. Как уже говорилось, Войно-Ясенецкий стоял у истоков становления мединститута в Ташкенте. Был он причастен и к созданию медицинского института в Красноярске.

И, конечно же, трудно переоценить огромную медицинскую и историческую значимость его научного наследия.

Таким образом, деятельность Войно-Ясенецкого оказала влияние на развитие системы отечественного здравоохранения во всей емкости этого понятия.

Список литературы:

1. Глушечков В. А. Святитель Лука. Взгляд в будущее. Ростовская-на-Дону епархия. – Ростов-на-Дону, 2007. – 430 с.
2. Лисичкин В. А. Земский путь Святителя Луки: подлинные документы из архивов КГБ. – Москва: Псалтирь, 2005. – 272 с.
3. Лисичкин В. А. Крестный путь Святителя Луки: подлинные документы из архивов КГБ. – М.: Троицкое слово, 2001. – 448 с.
4. Лисичкин В. А. Лука – врач возлюбленный. Жизнеописание святителя и хирурга Луки (Войно-Ясенецкого). – М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. – 456 с.
5. Малягин В. Святитель Лука Симферопольский (Войно-Ясенецкий). – М.: ООО «Даниловский благовестник». – М.: ЗАО ИД «Комсомольская правда». – 176 с.
6. Марущак Василий, протодиакон. Святитель-Хирург: житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). – М.: Даниловский благовестник, 1997. – 416 с.
7. Мостицкая Н. Д. Литературное наследие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) как духовный ориентир формирования личности // Патриотическое служение и православное образование. Шестые рождественские образовательные чтения в Красноярске / Епархиальный отдел по религиозному образованию и катехизации. – Красноярск, 2005. – С. 83–89.
8. О присвоении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки за 1943–1944 гг. Постановление Совета народных комиссаров Союза ССР // Правда. – 27 января 1946. – С. 1.
9. Поповский М. А. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. – Paris: YMCA-Press, 1979. – 492 с.
10. Шевченко Ю. А. Приветствует вас Святитель Лука, врач возлюбленный. – С. Петербург: Наука, 2007. – 623 с.

*Zolotukhina-Abolina Elena Vsevolodovna,
Doctor of Philosophy, Professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: elena_zolotuhina@mail.ru*

*Zolotukhin Valery Efimovich,
Doctor of Philosophy, Professor,
Rostov State University of Civil Engineering*

Modern para-religious consciousness: the transformation of the image of God

Abstract: The article is devoted to the question of the modern man religiosity. Authors think that the traditional religiosity is now excluding in the modern european culture by para-religious trends namely by the striving for the transcendent being which is presented outwards the personal form and religious dogmatic interpretation. However, these trends give hope to the immortality and good luck in the everyday life.

Keywords: man, God, religion, pantheism, immanentism, para-religious trends, mediumism, mysticism, transpersonalism, magic and psychotherapeutic practice.

*Золотухина-Аболина Елена Всеволодовна,
доктор философских наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: lena_zolotuhina@mail.ru*

*Золотухин Валерий Ефимович,
доктор философских наук, профессор,
Ростовский государственный строительный университет*

Современное парарелигиозное сознание: трансформация образа Бога

Аннотация: Статья посвящена вопросу о религиозности современного человека. Авторы высказывают мысль, что традиционная религиозность вытесняется сегодня в европейской культуре «парарелигиозными трендами»: стремлением ориентироваться на трансцендентное, которое представлено вне личной формы и догматики, но способно дать надежду на бессмертие и опору в житейских делах.

Ключевые слова: человек, Бог, религия, пантеизм, имманентизм, парарелигиозные тренды, мистицизм, медиумизм, трансперсонализм, магики-психотерапевтические практики.

Нужен ли современному человеку Бог? Вопрос не праздный. Даже короткий взгляд, брошенный на сайты Интернета и на полки книжных магазинов, говорит нам, что он нужен, хотя облик его порой меняется до неузнаваемости и может ввести в заблуждение, будто мы живем в мире победившего атеизма. Наряду с теснимыми сегодня традиционными учениями и новомодным поклонением гуру немалое место в сознании представителей как западной, так и российской культуры, стали занимать идеи о высшей реальности, в которых Бог не похож ни на сурового Небесного Отца, ни на жертвенного Христа, и в которых не предполагается следования воплощенному Учителю.

В модернистско-постмодернистском социуме, где прокламируются свобода, самостоятельность и сознательный выбор собственного пути, традиционные формы поклонения, отправление культа и молитва в немалой степени замещаются пантеистическим видением трансцендентного

и стремлением самостоятельного повлиять на свою судьбу, опираясь на понимание законов надэмпирических сил.

Тенденции иного, чем прежде, видения Бога, предполагающие опору на себя, свое знание, умение, проявляются в нескольких популярных духовно-практических направлениях. Это:

- а) мистическая линия, связанная с духовными практиками, почерпнутыми как из западного эзотеризма, так и из индо-буддийской традиции;
- б) медиумические и спиритические практики;
- в) магики-психотерапевтические практики, призванные обеспечить успех и благосостояние ищущих.

Новые тенденции, прежде никогда не охватывавшие широких масс, можно назвать «парарелигиозными», потому что они, с одной стороны, не соответствуют традиционному христианству, а с другой предполагают существование высшего первоначала, с которым человек глубинно

связан и активно взаимодействует. Их также можно квалифицировать как «имманентизм», предполагающий, что Бог и мир неразделимы и пронизывают друг друга. Рассмотрим коротко отмеченные направления.

Мистический Бог-Присутствие

Мистический идеал, опирающийся на идеи и практики индо-буддийской традиции, а также европейской мистики, полагает абсолютное первоначало сердцем всего существующего, в том числе подлинной сущностью человека. Сегодня он представлен в работах А. Уотса, К. Уилбера, С. Грофа, Д. Хокинса и др. В целом, этот идеал характерен для трансперсонального движения, где мир рассматривается как загадочная «игра Бога», а человек — как тот же Бог, только забывший о том, что он играет сам с собой. Поэтому главная задача — вспомнить кто ты на самом деле, а для этого надо снять с себя шоры иллюзорных представлений: пространственно-временных ограничений, убрать груз привязанностей, иллюзию субъект-объектного разделения. Именно установка на улавливание в изменчивости эмпирической реальности проявления Первоначала, «тождественного с моей собственной сутью», дает ищущему возможность почувствовать свою вечность и неуязвимость среди любых угроз и тревог повседневности.

Первоначало при этом может быть названо Пустотой или Присутствием, это, собственно, не столь уж важно, главное, что оно не содержит отдельных «я». Мистический Бог, даже если человек никогда сам не испытал связи с ним, влечет возможным блаженством и бессмертием. Как пишет об этом К. Уилбер: «Вы сияющее Я ЕСМЬ, предшествующее всем мирам, но не чуждое всем мирам, которые вы охватываете единым взглядом, и вашей милостью будет вставать солнце...» [3, 95]. Это возможное переживание единства с Богом гораздо более привлекательно для нашего современника, ориентированного на свободу и силу, нежели подчинение суровой Божьей воле традиционного христианства.

Медиумический Творец тонких планов

Медиумизм и спиритизм (в том числе направление технических транскомуникаций) не ведут человека к творению в первоначале. Они видят запредельный мир как мир конкретных форм и знакомых образов с некоторыми изменениями параметров пространства и времени, а также стремятся к контакту с «развоплощенными душами», способными описать разные уровни сотворенных Абсолютом «тонких планов». Медиумические тексты лишь косвенно свидетельствуют о Боге, указывая на перспективу бессмертия, намекая, что «Бога не видел никто никогда», да, пожалуй, и не увидит, ибо он — незрим и не может быть сведен к очевидной форме, хотя способен являться в обликах богов отдельных культур [1]. Но и не в том дело, чтобы встречаться с ним лицом у лицу, главное — найти благое и вечное существование. Спириты описывают гармоничную посмертную жизнь в духовно-переживаемом единстве с Богом, и такие описания мы находим как у более ранних европейских авторов (А. Кардек, А. Безант), так и у авторов

США и Европы второй половины XX века и начала нынешнего столетия (А. Форд [4], В. Заммит [2] и др.).

Бог как «образ», как «лик», как «он сам» здесь практически не присутствует, хотя имеется в виду как источник всего существующего и как законодатель мира, в том числе создавший карму — закон причинности, ведущий нас через актуальную эмпирическую жизнь. В силу того, что карма рассматривается как следствие чувств, мыслей и деяний, медиумическая линия имеет, в целом, психолого-моралистический характер (по типу: будешь добр — будешь жить хорошо). Спиритическая и медиумическая линия ближе к обычному человеческому существованию, она рисует конкретные образы посмертного будущего, давая надежду на лучшее, и учит тому, какой образ жизни способен привести к хорошему самочувствию как в текущей ситуации, так и за гробом. Перспектива обнаружить себя после смерти в мире, похожем на наш, причем в гораздо более совершенном, дает душевную опору и уверенность в завтрашнем дне, даже если этот день — последний среди земных дней. Она также обещает своим сторонникам встречу со всеми умершими близкими, что обеспечивает немалый успокоительный эффект, который исходно присущ любой религии.

Бог-благодетель «магических психотерапевтов»

Психотерапия «новой волны» — это методики, в равной степени далекие как от атеизма, так и от традиционной религиозности с ее упованием на Бога и страхом перед ним. Творческую визуализацию Шакти Гавэйн, метод Хосе Сильва, аффирмации Луизы Хей и др. можно назвать, скорее, «психомгией». Весьма ярким примером такой «психомгии» выступает «Учение Абрахам» Эстер и Джерри Хиксов. «Коллективная сущность» Абрахам дает в этом учении рекомендации по поводу того, как своими силами, не чуждыми божественности, получать желаемое. Высшее первоначало описано для читателя как Благо, что, в общем-то, вовсе не противоречит европейской традиции, в которой Бог изначально выступает как Благо и Бытие. Отличие от христианского посыла состоит в том, что прижизненное личное счастье может быть получено не решением Провидения, не зависящего от нашей скромной воли, но путем собственного душевного усилия. Вопрос о «спасении души» вообще не стоит, так как душа изначально рассматривается в качестве бессмертной. Божественное благо пронизывает и наполняет обычную эмпирическую жизнь: мире всего на всех хватит! Хиксы пишут: «В основе вашего мира лежит Благо. Вы можете разрешать его или не разрешать, но Благо — основа всего. Закон Притяжения гласит: подобное притягивает подобное. И таким образом в вашем опыте разворачивается суть того, на что вы направляете внимание. Поэтому не существует ничего, чем бы вы не могли стать, чего не могли бы сделать и чем не смогли бы обладать. Таков закон» [4, 112.].

Вселенная рассматривается в учении Абрахам как вибрационная, в ней действует принцип «подобное притягивает подобное», поэтому, практикуя положительные эмоции, направленные на желаемое, индивид автоматически

это желаемое получает. Человек предстает в «психо-магическом» подходе как *самостоятельный и сознательный созидатель своего счастья*: «Вы — Сознание. Вы — Энергия. Вы — вибрация. Вы — Электричество. Вы — Источник Энергии. Вы — Творец...» [5, 46]. Никакого аскетизма! Описываемый подход культивирует желания, которые не считаются ни грешными, ни низменными, ни эгоистическими. Добросердечие и благоволение полагаются здесь как аксиома и предпосылка, и, поскольку на всех всего хватит, отнять ни у кого ничего невозможно. Щедрость и любовь «вибрационного Бога» абсолютны. В этом подходе явно слышатся мотивы каббалистической идеи о том, что «Бог создал сефиры, чтобы насладиться их», хотя учение Абрахам ничего нам не говорит о мистическом стремлении растворения в изначальном. Оно полностью сконцентрировано на земном, и Высшее предстает здесь прежде всего как источник обычного человеческого счастья и радости.

Это учение можно назвать вполне оптимистическим и гуманным, хотя и во многом утопическое. Авторы, конечно же, не гарантируют своему читателю реального обретения взыскуемых благ, но зато они убеждают его радоваться всему, что у него есть, и постоянно воспроизводить в себе позитивное отношение к реальности: как к наличной, так и к возможной. А это само по себе весьма ценно.

Завершая сюжет, можно подчеркнуть, что, что три описанные тенденции духовной жизни включают трансформированный образ Бога. При этом они четко различаются по степени своей «трансцендентности» — апеллируют к разным уровням бытия и по-разному оценивают личность человека и тенденцию к душевной и практической активности. Люди, в эмпирической жизни ведущие себя как сугубо светские, не посещающие церковь и не рассуждающие о религии, нередко по-своему религиозны, но понимают Бога совсем иначе.

Список литературы:

1. Гроф С. Космическая игра. – М.: Изд. Трансперсонального института, 1997. – 356 с.
2. Заммит В. Адвокат тонкого мира. – СПб., 2007.
3. Уилбер К. Один вкус. Дневники Кена Уилбера. – М.: Изд. АСТ; Изд. Института трансперсональной психологии; Изд. К. Кравчука, 2004. – С. 95.
4. Форд А. Человек не может умереть. – М., 2007.
5. Хикс Э., Хикс Д. Выражайте свои желания. 365 способов сделать свою мечту реальностью. – СПб., 2009.

*Khajieva Maksuda Sultanovna,
Urgench State University, doctor of philosophy, professor
Askarov Ollabergan Ikrom ogli,
The three year student of the Urganch State University
Saurov Ravshonbek Ruslanbek ogli,
The one year student of the Urganch State University
E-mail: umid_abdalov@mail.ru*

Socio-political, religious, spiritual and educational importance of oriental works

Abstract: In this article the contributions of Middle Asian scholars in middle Ages to Islam religion, its development and its scientific heritage are conveyed.

Keywords: hadith, islam, “Al-jome as sahih”, qur’an, “Sunnai Termizi”, “Xidoya”, “Siyar al-Mulu”, “Siyosatnoma”, “the Muslim creed”, “Kitab al-Mashayikh”.

Today, by some of the developed countries of the world neofashizm, separatism, religious extremism, as a democratic expansion of supposed terrorist ideas are being implemented. With their own ideas they are spoiling the minds of the thinking and aspirations of the people to threaten their homeland, native to impair the development of a variety of tricks and begins to devise schemes.

To prevent such violent actions poisoned the minds of the people, especially attention should be paid to the Middle East thinkers of the century works of social, political, moral, religious, educational value. After all, for centuries

our ancestors, who has read and follow the sacred religion should not be allowed to use their vile motives. In this regard, the President of Uzbekistan Islam Karimov “High spirituality is an invincible force” described in the book: “Another criterion is closely linked with the rise of the spirituality of the holy religion. It is well known, the beginning of human spirituality in religion as an integral part of the human ideals of truth, justice and truth and justice, which embodied the hopes and longing on sustainable principles have been enshrined in the form of ideas and opinions monolithic systems.

In particular, over many centuries deep understanding of the meaning of life taking place in the hearts of the people, national culture and way of life, values, customs and traditions, religion has been a powerful factor in maintaining the safe and should also be noted. After all, humanity, compassion, honesty, and think about the next life, goodness, kindness, mercy, as precisely these qualities that belong to the people on the ground take root and develop”.

Abu Abdullah Muhammad ibn Ismail ibn Ibrahim al-Mughira al-Bukhari, al-Jubfiy 13-day month of Shawwal 194 AH, the current score is 810 on July 20, was born in Bukhara. At the age of 11 began the study the knowledge of Hadith. Bukhar began to find mistakes of some teachers. 825–826 when the age of sixteen years, went to Hajj with his mother and brother, visited Mecca and Medina, and learned enough knowledge of the science of hadith in the Hijaz for six years. After that Imam Bukhari wandered through cities such as Baghdad, the world’s largest science centers in Damascus, Cairo, Basra, Kufato-collectthe hadith of the Prophet of Islam, Muhammad a more in-depth study.

Imam Bukhari remained a great and rich scientific heritage. He wrote more than twenty works. His “al-Adab al-Gabe”, “At-as-gum” and “At-Tariq al-kabir”, “Kitab al-falikh”, “Asom us Sahaba”, “Kitab al-Kuna” and other Among the works as the masterpiece “Al-jome as sahih” (“Trusted Collection”) consists of a four-volume work, the Islamic world and other canonical hadith collections of the most credible and made to perfection. It includes valuable insights and conclusions on the fiqh, hadith of Muhammad, the Islamic marosimchiligi, ethics, education, and in that period of history. Only 7 275 the most “authentic” hadith entered the work among the 600 thousand ones scientist collected during the lifetime. This is a rare work written about 1,200 years ago. This work, in turn, is considered to be a valuable resource after the Qur’an, Islam’s holy book.

Another great thinker and scholar Abu Muhammad al-Termizi (824–894), is known in the Islamic world as one of the great scholars. He was born in the villagenear the town of Termez (now Sherobod district of Surkhandarya region). In his childhood at-Tirmidhi was very thirsty for knowledge. He studied the works of the scholars who have worked and lived in other cities of Central Asia such as Termez, Samarkand, Merv with great interest and admiration. He participated in discussions with great Islamic thinkers.

On the spiritual heritage of scholar Uzbek President Islam Karimov described as follows: “Abu al-Tirmizi, ibn Muhammad spiritual heritage, including the «Sunnai Termizi» in the Muslim world, are highly appreciated. His program thinkers for centuries, the human and the promotion of justice and humanism during the current difficult moral and spiritual ideas, which plays an important role in solving the issues are worth noting”.

In IX–XII centuries in Maveraunnahr and Khorezm Imam al-Bukhari, at-Tirmidhi made a lot of contribution to the development of Islamic culture as insightful thinkers. In particular, the very success of medieval situation, putting at risk the lives of generations to follow example of moral courage,

of the Islamic world, “the Muslim creed,” which is the highest honor awarded 870 ATA Imam, who was born in Imam Moturudi.

President Islam Karimov in their “High spirituality — an invincible force”, describes the school of moturuduya as follows: “He founded Maturidi schools in the East such a great idea because it found that on the basis of the ideas put forward in the religion of Islam is kindness and humanity that all the believers who were in harmony with the views and aspirations of the Muslims”.

With its unique potential to create a great academic school, the home of the beautiful Ferghana Islamic huquqs-hunosligining who made the world a great representative of the name of the sacred Burhoniddin Marginoniy brings honor to the entire Muslim world for hundreds of years.

Originally born September 23, 1123 in Margilan Burxoniddin Marghinoniy scientific sophistication Rishton, Margelan, Bukhara, Samarkand and other scientific institutions in the cities of Muslim was great in theory and practice. Including, Marghilani took all our knowledge of science in the Muslim world, a great scholar artificial sharee’ah, which consists of four main courses founder of the sect and who diligently read the works of their students. This scientist has created a unique opportunity to leave the works on the knowledge of fiqh. Fiqh scientist “Bidoyat al-mubtadiy” (“Starter for initial education”), “al-Muntaha enough” (“Final Stop Learning”), “published ul-denomination” (“school district”), “Kitab al-Mazing” (“rather than science books”), “Kitab al-Mashayikh” (“a book about the discipline”) among such great works. His unique work of “Hidoya divergent fi fiqh” (“Guide in the fields of jurisprudence”) work. This book is written by scientist in Samarkand in 1178. Burhanuddin Marginoniy “Xidoya” four volumes of the book consists of 56 chapters. This work is a peculiar code of Sharia, the Islamic world today will serve as a guide for lawyers. The law, along with the author’s views and conclusions on the issues of the imams of the Hanafi sect, as well as representatives of other denominations in the comments. Property and financial relations in the game, and criminal penalties, civil rights, judicial and procedural wide range of issues.

Who lived in the XI century, scholar and minister put forward the idea of the ruler of Abu Ali al-Hasanibn Ali tone Nizomulmulk (1018–1092) in his 1091 history and culture of the East “Siyosatnoma” (or “Siyar al-Mulu”) with the work of an indelible mark left.

These scientists work as a political program of the Seljuks. The main ideas of the book is that the prime Nizomulmulk appeal kings and rulers, Sulu and compassion, the rational management of the state, the establishment of strict rules and procedures, to be honest, clean, and honestly believer officials, the improvement of the country, to ensure the welfare of its people peace and harmony will encourage customers to try.

Including the king to accept the oppressed, be just, and good natured about Nizomulmulk his work, he wrote: “The king is seen as unjust wrong two days a week, and Algeria, and

should have heard the words of affairs directly. It is important that each entry must meet. If the «kingi called him, hear the words of their career, and twice a week to punish the wrong-doers», the message transmitted to the country, think of the consequences of the evil-doers, fear and do not's".

"Codes of Temur" what a great minister and statesman Nizomulmulk respectful memorial, wrote: "For example, the Minister of Meliksah Seljuk down Nizomulmulkni career. Appointed were covered with a foot of good quality. Instead, below the breed a bad person appointed as Prime Minister. This minister in charge of tribal affairs, was wrong and disorders judge authority to the desire of buildings destroyed enemy". Nizomulmulk management of state affairs, described his qualities as an example: "I heard Nizomulmulkning had a little bad beat a lot of good work habits. He said one of his parents

at the time of going to hajj said: «Melikshah, in the service of the state, good works, and carrying out God's servants to coincide with the pilgrimage was to help»".

"Codes of Temur" I can understand that the definition given at the time of his Nizomulmulk attention to the interests of the public administration ra'iyat. The Ministry of nearly 30 years, the Seljuk rulers honest labor Nizomulmulkning "Siyosatnoma" and its socio-political, historical, spiritual, ta'rbiyaviy the importance of world literature, has been living for almost a thousand years.

Aspects of public life, in turn, be an example and a lesson for stories "Siyosatnoma" the author of the members of the community, loyalty, justice, and urges the elbows come in the way of justice, wisdom and courage to take a job with the roads.

Section 10. Economics and management

*Gaidutskiy Ivan,
PhD in Economics, researcher at management
and marketing faculty, research laboratory
of national technical university of Ukraine
"Kyiv Polytechnic Institute"
E-mail: ivan.gaid@gmail.com*

The global approach to investments into sustainable low-carbon development: introducing Global Anti-Carbon Fund

Abstract: The role of global and international environmental funds in the financing of sustainable low-carbon development has been analysed. It was found that the main shortcoming of the activities of such funds is the lack of stable funds, making stable and sufficient funding on anti-carbon events impossible. The establishment of the Global Anti-Carbon Fund based on the necessity and stability of income base (through the introduction of an anti-carbon global tax) as well as on the target budgeting of anti-carbon programs and projects has been proposed. The main principles of the Global Anti-Carbon Fund establishment and activities that determine its fundamental difference from the Global Environmental Fund, Green Climate Fund and other international environmental funds.

Keywords: sustainable development; low-carbon development; Global Anti-Carbon Fund; Global Anti-Carbon Fund principles; anti-carbon programs and projects.

The most complete and comprehensive research of the problems related to the threatening human impact on climate has been provided in the Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future [5]. The following foreign scientists paid much attention to such problems in their studies: R. Hahnel [6]; P. Ekins [1]; A. Pigou [2]; J. Hoerner [3]; C. Porter [4]; R. Welford [8].

The most significant problem of existing environmental global and international funds is that they do not have a stable, mandatory and systemic revenue base. Consequently, there is no approved stable system of funding (budgeting) for anti-carbon programs and projects. As in the Kyoto mechanisms, such funds stipulate the division of countries into two categories: donors and recipients, where the division is based not on the volume or intensity of carbon emissions but on the country's allocation to the category of developed or developing countries. However, such an approach has shown its serious flaws both in Kyoto mechanisms and in global and international funds.

Hence it is clear that the Green Climate Fund as well as the Global Environmental Fund is unable to provide adequate funding for the implementation of the global anti-carbon policy. This is due to the fact that the Green Climate Fund was in fact established on the same principles as the Global Environmental Fund and to a large extent is its duplicate. Obviously, such purposes require a special global fund that would operate on the basis of inclusiveness, mandatory and systematic revenue generation, and financing of anti-carbon

events. Moreover, such a fund's functions must be not only purely financial, accumulative and budget functions, but also regulatory ones. To this extent it is appropriate to recall that E. Azroyants highlighted the need to create a fundamentally new international body capable of providing supranational regulation of macroeconomic processes in the early twentieth century [7, 337–338]. In 2009, the Club of Rome adopted the Amsterdam Declaration, which emphasizes the need for finding a new way of world development based on the conformity with global and environmental challenges in the field of environmental protection.

The Global Anti-Carbon Fund may play the role of an institution that would meet the modern globalization and radicalization requirements for anti-carbon policy. In such a case, the innovation should be not only in the name but also in the new principles of the creation, organization, availability of financial resources, and the organization of their effective use. Organization of creation and activity of such a fund on a global scale can significantly help mobilize sufficient financial resources to invest into sustainable low-carbon development. Therefore it would be possible to really implement the decisions of the international organizations established at the United Nations with a purpose to ensure the reduction of greenhouse gas emissions and resist negative climate changes.

To understand the relevance and necessity of the Global Anti-Carbon Fund establishment, the global challenges facing the world community should be taken into account.

First. Carbon emissions increase is approaching a critical point, beyond which climate stability may become uncontrolled. Meanwhile, the existing climate policy remains ineffective. It is eminently evidenced by the fact that even during the period of the Kyoto Protocol, the world carbon emissions in relation to GDP have grown more than within the same period before its adoption.

Second. The expiration of the Kyoto Protocol and lack of an internationally approved policy for the nearest future indicate the possibility of further deterioration of the situation in this sphere in the post-Kyoto period. Even the Kyoto period climate policy, which is not sufficiently radical and global, began to retrain and slow down losing its dynamics and efficiency. The extension of the Kyoto Protocol for another 5 years meant the continuation of the not very successful policies and practices in anti-carbon sphere.

Third. The global nature of human impact on climate and of the effects of carbon emissions shows that this problem cannot be solved by individual countries or regions, or at the expense of certain categories of countries, and even more so without the participation of the countries producing the most emissions. Funding of the anti-carbon energy conversion and modernization of the economy requires large amounts of capital, which is beyond the scope of possibilities of separate, even large, countries or TNCs.

The establishment of the Global Anti-Carbon Fund requires the solution of two fundamental issues: working out the mechanisms of fund income forming and effective utilization of its funds for sustainable low-carbon development.

When forming the profitable part of the fund, the choice of the parameters of binding criterion is essential. Here, it is advisable to proceed with the basic paradigm of the global anti-carbon policy: namely the relationship between the economic growth (GDP) and carbon emissions reduction. At the same time, carbon emissions should serve as the basis for the fund establishment. After all, these two values should correlate with each other. This correlation should be directly proportional: more emissions — larger payments to the

fund, fewer emissions — less payments to the fund. The fund should create a powerful cost load on countries and companies producing most carbon emissions and at the same time serve as an effective financial support for economic entities (countries and companies) that successfully reduce emissions.

The main macroeconomic indicator (GDP) can be the reason for the Global Anti-Carbon Fund to reduce the load on the economy. This can be achieved by the initial binding of the revenue of the Fund to GDP during a certain stable period, e.g. five years. Due to such an approach, GDP growth within a certain period will not cause a review of the fund load on the economy of countries and companies. Therefore, for such a period the GDP growth (as opposed to carbon) is released from the Global Anti-Carbon Fund pressure on a given economy. Thus the methodology of formation of the Fund includes the reducing carbon emissions advancing the GDP growth.

This conceptual approach to the creation of the Global Anti-Carbon Fund implements a new paradigm of financial support to the modern climate policy, which comes down to two basic principles.

First. “The Polluter” pays, but not just pays the money to the fund but is also forced to energy conversion (energy saving, energy modernization, and energy innovation) of its economic activities through such fiscal mechanisms.

Second. “Cleaner” receives funding, earns on it and thus develops low-carbon economy spending the money received from the Fund as well as the private capital attracted, exclusively to energy conversion of economy and low-carbon development.

To date, to ensure the effectiveness the problems should be segmented and specific international organizations should focus on their solution. At present, such a concrete and pressing problem is to prevent climate change by reducing greenhouse gas emissions. This problem is specific, measurable and achievable through adequate management of the relevant process. This objective can be achieved through the establishment of the Global Anti-Carbon Fund by signing the Global Anti-Carbon Agreement.

References:

1. Ekins P. Theory and Practice of Environmental Taxation//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.Green-taxreport.co.uk/read-chapters-online/11-theory-and-practice-of-environmental-taxation?showall=1>
2. Pigou A. The Economics of Welfare, 1920 – 783 p.
3. Hoerner J. Andrew and Benoit Bosquet. Environmental tax reform: the European experience. – Center for a Sustainable Economy, 2001. – 94 p.
4. Porter C. Efficiency Up, Emissions Down as U.S. Moves to Low-Carbon Economy//[Electronic resource]. – Available from: <http://iipdigital.usembassy.gov/st/english/article/2013/10/20131028285291.html#axzz41Uba08Hk>
5. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future. – Oxford: Oxford University Press, 1987. – 399 c.
6. Hahnel R. Green Economics: Confronting the Ecological Crisis/R. Hahnel. – New York: ME Sharpe Inc., 2010. – 280 p.
7. Азроянц Э. Глобализация: катастрофа или путь к развитию/Азроянц Э. – М.: Изд-во «Новый век», 2002.
8. Welford R.J. Environmental Strategy and Sustainable Development: The Corporate Challenge of the 21st Century Routledge. – London, 1995.

*Chupina Irina Pavlovna,
Russian state vocational pedagogical University,
Professor, Department of Economics,
Doctor of economic Sciences, Professor
E-mail: irinacupina716@gmail.com*

Product competitiveness as one of the key categories of market economy

Abstract: This article discusses the problems of standardization and certification of products as a component of product competitiveness. To keep up with global economic processes and to compete with leading foreign exporters and importers of agricultural raw materials and food the agro-industrial complex will allow innovation development and the development of recognized methods and means of competition. The competitiveness of the agro-industrial complex depends on the degree of food independence; internal food market balance in supply and demand, rapid technological, investment and reproduction; improve the quality of agricultural products; social stability and rising living standards.

Keywords: agricultural competitiveness, agricultural production, standardization, certification.

*Чупина Ирина Павловна,
доктор экономических наук,
профессор Российского государственного
профессионально-педагогического университета
E-mail: irinacupina716@gmail.com*

Конкурентоспособность продукции как одна из ключевых категорий рыночной экономики

Аннотация: В данной статье рассматриваются проблемы стандартизации и сертификации продукции как составляющей конкурентоспособности продукции. Не отстать от мировых экономических процессов и наравне конкурировать с ведущими зарубежными экспортерами и импортерами сельскохозяйственного сырья и продовольствия агропромышленному комплексу позволят инновационное развитие и освоение признанных в мире методов и средств конкуренции. Конкурентоспособность агропромышленного комплекса зависит от степени продовольственной независимости; внутренней продовольственной сбалансированности рынка по спросу и предложению, быстрого технологического, и инвестиционного воспроизводства; повышения качества сельскохозяйственной продукции; социальной стабильности и роста уровня жизни населения.

Ключевые слова: аграрная экономика, конкурентоспособность, сельскохозяйственное производство, стандартизация, сертификация.

Выпуск продукции высокого качества в условиях рыночной экономики существенно влияет на темпы промышленного развития, эффективность использования финансовых, трудовых и материальных ресурсов, успехи внешней торговли.

Показатель качества продукции — это количественная оценка одного или нескольких свойств продукции. Основные показатели качества продукции отражены в стандартах (международных, национальных, отраслевых) предприятий и технических условиях.

Для оценки качества продукции используется система показателей, которая включает следующие группы:

1. Обобщающие, характеризующие общий уровень качества продукции: объем и долю прогрессивных видов изделий в общем выпуске, сортность (марочность) продукции, экономический эффект и дополнительные затраты, связанные с улучшением качества.

2. Комплексные, характеризующие несколько свойств изделий, включая затраты, связанные с разработкой, производством и эксплуатацией.

3. Единичные, характеризующие одно из свойств продукции. Они подразделяются на показатели: эргонометрические, позволяющие определять удобство и безопасность эксплуатации изделий. Они характеризуют систему человек — изделие — среда и учитывают комплекс гигиенических, антропометрических, физиологических и психологических свойств человека; эстетические, характеризующие способность продукции удовлетворять потребность в красоте; патентно-правовые, характеризующие удельный вес отечественных изобретений в данном изделии и другие.

В экономике возникли проблемы государственной и международной стандартизации, качества товаров и услуг, сертификации изделий и технологических процессов. А это привело к необходимости создания и проведения единых

процедур оценки качества продукции путем ее сертификации на основе использования международных стандартов.

Стандартизация и сертификация стала основой управления качеством, инструментом не только технологической, но и экономической деятельности. А это требует специальных знаний в данной области как среди потребителей, так и среди большого числа производителей товаров и услуг. Отсюда вытекает настоятельная необходимость приобретения базовых знаний, умений и навыков в области стандартизации, метрологии, управления качеством продукции.

Не отстать от мировых экономических процессов и наравне конкурировать с ведущими зарубежными экспортерами и импортерами сельскохозяйственного сырья и продовольствия агропромышленному комплексу позволят инновационное развитие и освоение признанных в мире методов и средств конкуренции.

Мотивами инновационной деятельности предприятий является стремление увеличить объем продаж, снизить издержки, расширение доли рынка, переход на новые рынки, повышение конкурентоспособности продукции и фирмы, экономическая безопасность и финансовая устойчивость предприятия, максимизация прибыли и др. На развитие инновационной деятельности влияют различные группы факторов: экономические, технологические, политические, правовые, организационно-управленческие, социально-психологические, культурные. Одни факторы способствуют инновационной деятельности, другие — препятствуют.

Наиболее характерными показателями нововведений являются такие показатели, как абсолютная и относительная новизна, приоритетность и прогрессивность, уровень унификации и стандартизации, конкурентоспособность, адаптивность к новым условиям хозяйствования, способность к модернизации, а также показатели экономической эффективности и экологической безопасности.

Основными факторами конкурентоспособности национального агропромышленного комплекса выступают: уровень инвестиций в науку и новые технологии; уровень инвестиций в «человеческий капитал»; уровень благоприятных экономических условий для инноваций; либерализация внешнеэкономических связей; формирование открытой экономики, основанной на правилах международной торговли; высокое качество продукции, соответствующее международной сертификации; экономическая свобода хозяйствования; государственные гарантии по защите капитала собственности и ресурсов сельскохозяйственных предприятий.

В росте эффективности производства и формировании конкурентоспособной продукции ключевую роль в настоящее время играют новые интенсивные или высокие технологии, поскольку почти на 80 % качество и конкурентоспособность создаются в сфере производства, то есть в процессе технологического формирования свойств продукции, в результате чего она приобретает потребительскую стоимость. И только немногим более 20 % качества создается в процессе доработки сельскохозяйственной

продукции, расфасовки, упаковки, хранения и т. д. Поэтому курс на повышение конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции требует переориентации инвестиций в технологии в тесной связи с инвестированием науки и развития «человеческого капитала».

В современных условиях прогресс экономики АПК определяется как уровнем науки и образования, так и большим комплексом организационно-производственных и технических условий, обеспечивающих аккумуляцию, анализ и использование информации, создание и распространение новых знаний в целях развития технологий. Это находится в прямой зависимости от скорости инновационных процессов, которые формируют темпы реализации новых технологических решений.

В конечном итоге конкурентоспособность национального АПК определяется способностью страны проводить самостоятельную аграрную политику и эффективное экономическое соревнование на внутреннем и внешнем рынках. Конкурентоспособность агропромышленного комплекса зависит от степени продовольственной независимости; внутренней продовольственной сбалансированности рынка по спросу и предложению, быстрого технологического, и инвестиционного воспроизводства; повышения качества сельскохозяйственной продукции; социальной стабильности и роста уровня жизни населения.

Главными направлениями в развитии конкурентоспособности агропромышленного комплекса должны быть: максимальное привлечение в аграрную сферу всех видов капитала; наращивание инвестиций в национальную науку и образование; переход на высокоинтенсивные технологии; создание высокопроизводительной системы машин; формирование нового рыночного менталитета и экономического мышления сельских товаропроизводителей; усиление роли капитала; целенаправленное улучшение экономической среды; ускорение перехода сельскохозяйственного производства на информационные технологии.

Повышение конкурентоспособности продукции зависит от следующих условий:

- согласованности повышения конкурентоспособности с целями и направлениями макроэкономической политики государства;
- направленности аграрной политики на решение ключевых задач конкурентоспособности продукции во взаимосвязи с формированием рынков продовольствия и целенаправленным улучшением экономических показателей развития АПК;
- поиск внутренних резервов товаропроизводителей по снижению затрат на производство продукции;
- активизация работы в области маркетинга и маркетинговых исследований, состояние действующих и новых рынков сбыта сельскохозяйственной продукции.

Анализируя вышесказанное можно отметить, что конкурентоспособность является одной из ключевых категорий рыночной экономики, которая по отношению

к товару определяется как его характеристика, отражающая отличие от товара-конкурента по степени соответствия конкретной потребности и по затратам на ее удовлетворение. Конкурентоспособность по отношению к предприятию означает потенциальную и реальную

способность предприятия проектировать, производить и реализовывать в тех условиях, в которых им приходится действовать, товары, которые по «ценовым» и «неценовым» характеристикам в комплексе более предпочтительны для потребителей, чем товары конкурентов.

Список литературы:

1. Гамова В. В. Закупка товаров – важнейший элемент коммерции в условиях рынка. – Владивосток: Изд-во ДВГАЭУ, 2012. – 87 с.
2. Давыдов И. О. Теоретическое исследование процесса функционирования системы управления конкурентоспособностью продукции//Российское предпринимательство. – 2008. – № 8, Вып. 1(116). – С. 71–74.
3. Малхасьян Л. С. Количественная оценка конкурентоспособности продукции//Российское предпринимательство. – 2011. – № 11, Вып. 2(196). – С. 184–188.
4. Парамонова Т. Н. Конкурентоспособность предприятия розничной торговли. – М.: КноРус, 2011. – 317 с.

Section 11. Science of law

*Zhanabilova Assel Bulatkazyevna,
Jalal-Abad State University,
faculty of Law
E-mail: notakama@mail.ru*

Revisting implementation of a lateen model of notariate into national law systems

Abstract: Importance of research of world experience in area of formation and development of a notariat are caused by political and legal reforms in our country and activization of the relations on the international scene. Proceeding from it in this article we will consider institute of a notariat, its emergence and functioning in the leading European countries for the purpose of increase of efficiency of the legal reforms which are carried out in Kazakhstan, large-scale updating of the national legislation.

As for such classical branches of the right as civil, criminal and procedural, by consideration of possibility of an innovation and legal reforms in these spheres it is always useful to make a start from the comparative analysis of similar transformations in other countries. In this case we speak about a legal regulation of those problems which arose in development of notarial activity and in this foreshortening studying of experience of the foreign legislation in this direction is very important.

Keywords: implementation, legal system, international union of a notariat.

*Жанабилова Асель Бултаказыевна,
Жалал-Абадский государственный университет (ЖАГУ),
соискатель, юридический факультет
E-mail: notakama@mail.ru*

К вопросу об имплементации латинской модели нотариата в национальные правовые системы

Аннотация: Важность исследования мирового опыта в области становления и развития нотариата обусловлены политико-правовыми реформами в нашей стране и активизацией отношений на международной арене. Исходя из этого, в данной статье мы рассмотрим институт нотариата, его возникновение и функционирование в ведущих европейских странах, с целью повышения эффективности проводимых в Казахстане правовых реформ, широкомасштабного обновления национального законодательства.

Что касается таких классических отраслей права, как гражданское, уголовное и процессуальное, то при рассмотрении возможности нововведения и правовых реформ в данных сферах всегда полезно отталкиваться от сравнительного анализа подобных преобразований в других странах. В данном случае мы говорим о правовой регламентации тех проблем, которые возникли в процессе развития нотариальной деятельности и в данном ракурсе очень важным является изучение опыта зарубежного законодательства в данном направлении.

Ключевые слова: имплементация, правовая система, международный союз нотариата.

Именно Европа считается родиной нотариата как правового института, а точнее романо-германская правовая система, как одно из уникальных достижений правовой культуры Древнего Рима и послужившая в дальнейшем моделью для всех континентальных европейских стран. Распространение нотариата явилось следствием римской гегемонии в определенный исторический период [1, 31].

Постепенно данный институт прошел процесс адаптации к различным государственно-правовым, став в последствии эффективным инструментом правовой защиты в сфере гражданского оборота и отличительной чертой развитых европейских государств в эпоху Просвещения и способствовавший экономическому прогрессу. Как известно, в период своего правления Наполеон провел

ряд реформ, коснувшееся и нотариата (Кодекс Наполеона 1804 года). Был закреплён европейский институт нотариата как образец для стран романо-германской правовой семьи. В дальнейшем рецепция европейской модели нотариата коснулась почти всех стран мира, вне зависимости от вида политического режима или формы правления, и остался своеобразной гарантией правовой защиты. Латинский тип нотариата медленно формировался в странах с тоталитарным режимом, однако постепенно получил свое признание в странах Восточной Европы и странах постсоветского пространства, одновременно с признанием прав и свобод личности и развитием право-защитной системы.

Одним из несомненных достоинств нотариата является его универсальность. После окончания II мировой войны, получила свое развитие сотрудничество между нотариатами разных стран, и в 1948 году был учрежден Международный союз нотариата, созданный для сотрудничества между странами с целью развития и координирования нотариальной деятельности, повышения правового статуса и обеспечения независимости нотариуса в интересах личности и общества в целом. Международный союз проецирует как представительство нотариата в международных организациях, где опыт юристов-практиков в разнообразных областях гражданского права может быть весьма полезным. Структурно Международный союз нотариата состоит из 5 комитетов: комитет международного сотрудничества нотариусов, комитет по делам Америки, комитет ЕЭС, комитет по делам Европы и Средиземноморья, комитет по делам Африки. Руководит Международным союзом нотариата Совет во главе с Председателем. Вопросами американского нотариата занимаются два заместителя, в качестве наставника для европейских стран и всех других стран выступает третий заместитель [2].

Что касается нотариусов европейских стран, то правовой статус и задачи, стоящие перед ними совпадают, так как они одновременно являются должностными лицами и лицами свободной профессии, их основная деятельность — придавать юридическую силу соглашениям граждан и юридических лиц. Однако при всей универсальности института нотариата, вполне закономерно, что существуют различия в плане организации нотариата, полномочий нотариусов рассматриваемых государств. При этом в некоторых странах организация нотариата схожа, например, на одном и том же Законе Вантоза базируется система нотариата Бельгии и Франции, хотя французская нотариальная система более развита [3, 197].

Организация нотариата в иных странах имеет свои специфические отличия, допустим в Португалии нотариат ближе к государственной службе.

Если рассматривать функциональную деятельность нотариусов, то в большинстве европейских стран есть определенные вопросы, относящиеся к исключительной компетенции нотариусов, а в частности, составление актов, связанных с созданием юридических лиц. Хотя в тоже

время в некоторых правовых системах нотариусы не имеют право заниматься частным предпринимательством.

Если провести сравнение французского нотариата с нотариатами других стран Европы, то заметим, что его исключительная компетенция имеет существенные ограничения. Одновременно ему же предоставляются большие возможности для развития в условиях рыночной конкуренции (допустим, совместная нотариальная деятельность, компетенция нотариуса распространяется на всю территорию государства, то есть, не привязана к конкретному региону).

При всем разнообразии и отличительных признаках в структуре и нотариальных действиях, в целом институт нотариата во всех странах европейского сообщества базируется на общих принципах: статус нотариуса как должностного лица, право на удостоверение юридических актов, функции советника, составление проектов договоров.

На данный момент страны европейского сообщества не ставят цель — создание единого правового пространства, так как в целом унификация европейского права ограничена только сферой торгового права. Предполагается сохранение своеобразия отдельных государств в области семейного, имущественного права, права собственности и недвижимости.

Свобода передвижения граждан, перемещения товаров и услуг в рамках евро-азиатского пространства (Европа и СНГ) возможны будут именно благодаря институту нотариата. Указанные свободы сами по себе не могут быть гарантированы и реализованы без определенных правозащитных механизмов, главным элементом которого является нотариат. Так это не возможно без помощи юристов, хорошо знакомые со специфическими особенностями правового регулирования в различных европейских странах и странах СНГ, способных находить ответы на вопросы, которые будут чаще возникать при создании обществ, уступке предприятий, оформлении документов о наследстве.

С учетом актуальных задач совершенствования института нотариата в Республике Казахстан представляется необходимым проанализировать особенности нотариальных систем в отдельных европейских странах с целью определения возможностей использования их опыта.

Как общественный служащий и представитель свободной профессии выступает нотариус в правовой системе Италии. Такие качества присущи ему вследствие недостатка профессионализма с одной стороны, и наличия в его функциональной деятельности частно-правовых элементов, свойственных для представителей свободной профессии, а именно:

1. Конкуренция;
2. Самофинансирование;
3. Отсутствие постоянных клиентов;
4. Несение персональной ответственности за противоправные деяния в процессе осуществления своей деятельности;
5. Допустимость заниматься иными видами деятельности.

Дисциплинарная сторона деятельности нотариуса как представителя свободной профессии регламентируется общими положениями контракта об интеллектуальной деятельности, регулируемой гражданским кодексом.

Наша задача состоит в том, чтобы дать общее определение понятия «нотариальная деятельность», в рамках которой можно было свести все ее разнообразные аспекты, выделяемых в различных исследованиях авторитетных ученых и главным препятствием которых остается сложность и изменчивость самой деятельности, комбинированный характер института нотариата (сочетание публичного и частного элементов).

С другой стороны, как верно заметил В. Баррата, среди множества предлагаемых определений невозможно найти общую формулу, которая охарактеризовала бы полностью данный вид деятельности как в отношении субъекта, участвующего в ней, так и касательно результата деятельности ее [4, 189].

Результатом поиска общего определения нотариата явилось принятие определения профессии нотариуса на I международном конгрессе латинского нотариата в 1948 году в Буэнос-Айресе, (Резолюция IV). «Нотариус — это специалист правового характера, как общественный деятель, принимающий и интерпретирующий воли сторон, придающий ей законную форму, составляющий письменный документ для осуществления данной цели и придания ему юридической силы», указано в резолюции.

Однако, квалифицируя нотариуса как общественного служащего, мы ни в коем случае не можем утверждать, что принятому им акту он придает общественное доверие, так как данное следствие исходит из деятельности общественного служащего. Нотариальное посредничество касается любых видов волеизъявлений.

А с другой стороны, в принятых, на международных заседаниях, определениях не удастся выразить комплексное и интеллектуальное представление о нотариальной деятельности, так как термины «правовой деятель», «толкователь», «заверитель» акцентируют наше внимание исключительно на одной из сторон функциональной деятельности нотариуса [5, 398].

К вышеизложенному мы добавим утверждение В. Барратта, согласно которому, содержанием деятельности нотариуса является осуществление правовой помощи (содействия) интересам частных лиц, цель которой — исполнение воли, изложенной нотариусу. Особое значение здесь приобретает формальное составление нотариального акта публичного характера, засвидетельствование [6, 202].

Здесь мы более детально остановимся на такой деятельности, как засвидетельствование, в процессе которой присваивается публичное доверие, то есть приобретает официальный характер документам, а нотариус осуществляет свою деятельность от имени государства, который по завершении своей профессиональной услуги ставит печать со своим именем на гербе республики. В данной

ситуации нотариус обладает полномочиями привилегированного свидетеля.

Также данный вид деятельности подчиняется и другим нормам, регулирующим процесс сохранения актов сначала в нотариальной конторе и только затем под ответственность нотариуса в Нотариальном архиве округа, а также всем нормативам по надзору [4].

На данный момент засвидетельствование как вид нотариальной деятельности приобрел наибольшее значение с появлением норм, требующих все большего вмешательства самого нотариуса, например, установление коммунального налога на рост прибыли на недвижимое имущество, новации в семейном праве. И, наконец, нотариус наделен обязанностью все возрастающего контроля над соблюдению норм закона, потому здесь он выступает не как заверитель, а как создатель договорного документа [7, 220].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, мы считаем, что насколько бы ни старались расширить сферу деятельности нотариуса в социальном смысле, но она не может иметь более широкие границы, чем те, которые установлены законодательством и любая постановка вопроса об определении границ является проблемой позитивного права, как самого главного, признаваемого юристами и наименее спорного права.

Исходя из того, что нотариусы выполняют социально значимую роль в жизни общества, их деятельность находится под строгим государственным контролем. Нотариальная деятельность в Италии контролируется различными государственными органами. Надзор над всеми нотариусами, нотариальными советами и архивами осуществляет Министерство юстиции. В пределах своей юрисдикции осуществляют надзорную деятельность генеральные прокуроры Республики при апелляционных судах и прокуроры Республики. Надзор за сохранением чести и достоинства при выполнении профессии, за поведением нотариусов, стажеров, соответствием их квалификационным требованиям проводит Нотариальный совет. В целях постоянного контроля проводятся плановые и чрезвычайные инспекции. Последние назначаются Министерством юстиции, что соответствует итальянскому нотариальному законодательству [8, 170]. Плановые инспекции проводятся в первый семестр биеннале, согласно извещению, врученному нотариусу, в назначенный в соответствующий период времени. Предметом инспекционной деятельности является удостоверение того, что в соблюдаются положения закона при составлении и сохранении актов, регистров, в процессе взимания и уплаты налогов законодательству [8].

Теперь обратимся к французскому опыту создания института нотариата. Нотариальные профессиональные органы были сформированы таким образом, что они были созданы с учетом территориально-судебного деления страны. Так нотариальные палаты действуют в пределах юрисдикции того или иного судебного департамента. На уровне апелляционных судов функционируют региональные

Советы. На общенациональном уровне действует Высший совет нотариата [9, 209].

Нотариат как корпоративная организация имеет свои специфические особенности, в корне отличающие ее от профсоюза предпринимателей, или организаций иных свободных профессий. Специфичность заключается в том, что нотариальные органы могут наложить дисциплинарное взыскание на своих членов, а также на финансирование совместных действий идут значительные взносы. Так департаментские палаты осуществляют дисциплинарный контроль за процессом выдачи заключения по кандидатам на должность нотариуса Министерством юстиции. Детально проверяются моральные, личностные, профессиональные качества кандидатов, рассматриваются размеры ссуды, которую кандидат хочет получить в депозитной кассе на приобретение конторы под свою нотариальную деятельность, анализируются договоры нотариальных контор. Также департаментские палаты обеспечивают годовую проверку бухгалтерской отчетности в целях контроля за финансовой деятельностью нотариальных контор, регулируют взаимоотношения между нотариальными конторами и профессиональные отношения участников объединения контор. Касательно последнего палаты издадут специальные правила, касающиеся нотариусов, ведущих объединенную деятельность. За малейшее нарушение профессиональных этических правил, регулирующих деятельность нотариата, палаты применяют санкции. Однако дисциплинарные полномочия палат носят ограниченный характер и налагаемые ими взыскания относятся к первому уровню: призыв, соблюдать порядок, порицание.

Санкции более серьезного характера, например, временное лишение права на занятие нотариальной деятельностью, отстранение от должности, запрет повторного нарушения, относятся к компетенции суда большого процесса [10, 209]. Что касается мер, затрагивающих личные права нотариусов, то этот вопрос регулируется непосредственно судами. При всем том, что дисциплинарные полномочия такого характера ограничены, но они очень эффективны. Недавно суды получили также право временного отстранения нотариуса от должности (как временное отстранение от должности государственных служащих).

На территории, находящейся под юрисдикцией апелляционного суда, действуют Региональные Советы. Они помогают создавать общие службы, услугами которых пользуются все нотариальные конторы региона. К ним относятся службы документации и профессиональной подготовки. Региональные Советы обладают дисциплинарными полномочиями и принимают участие в профилактическом контроле «второго уровня» за деятельностью контор путем проведения инспекций.

В 1941 году был создан Высший совет, представляющий нотариат на уровне Министерства юстиции Франции. Это не высший орган в системе нотариата, так как он не обладает дисциплинарными полномочиями. Он

контролирует деятельность нотариусов, проводя внеплановые инспекции. Им создаются такие службы, как службы прогнозирования перспективного развития, связи с общественностью, научно-исследовательские. Тем самым Высший совет выступает как орган управления нотариатом.

Также по вопросам подготовки проектов правовых реформ Правительство консультируется с данным органом, передавая проекты законов на изучение в Институт правовых исследований.

Наряду с законодательно предусмотренными профессиональными органами, нотариат использует в своей деятельности профсоюзы, широко пользуется свободой объединения, чтобы создавать иные организации профессионального характера. Профсоюз нотариусов как автономное образование, всегда занимает нейтральную политическую позицию, при этом объявив себя как конкурент Высшего совета, профсоюз стал проникать во все официальные структуры. Он имеет своих представителей в трудовых комиссиях Совета, зачастую сотрудничая с другими регламентарными органами.

За последнее время встал вопрос о создании специальной службы хранения документов, так как за последние годы число хранящихся в архивах документов значительно возросло.

Деятельность центров публичной продажи недвижимого имущества поддерживается нотариальной службой по наследованию недвижимости. По поручению Высшего совета нотариата данная служба формирует компьютерную базу данных, которая содержит информацию о рынке недвижимости. Сведения базы, используемые в процессе проведения экспертиз недвижимого имущества, дают возможность проследить все изменения, происходящие на данном рынке.

Таким образом, анализируя правовой статус нотариусов Франции, мы пришли к выводу, что для института нотариата свойственны такие характерные черты, как: первое свойство — правовой статус, прежде всего, ориентирован на предоставление дополнительных гарантий клиентам нотариуса, а не на защиту интересов последнего; промежуточное положение между государственной службой и свободной профессией — является вторым специфическим свойством исследуемого института.

Нотариус — это должностное лицо, законодательно уполномоченное удостоверить юридические акты. При выполнении публично-правовых функций, нотариат контролируется государством и исполняет те обязанности, что и государственные службы.

Для итальянской и для французской правовых систем характерно, что нотариус — это профессия, право которой заниматься основано на специальном разрешении, и одновременно находящееся под прямым и жестким контролем Министерства юстиции. Контроль начинается со стадии подбора кандидатур в нотариусы и постоянно осуществляется в течение непосредственной деятельности нотариальных контор. На должность нотариусы назначаются приказом министра юстиции, после составления личного

дела кандидата, подлежащего передаче под контроль прокуратуры и Министерства юстиции.

Право в безапелляционном порядке назначать или отстранять кандидатуру в назначении на должность нотариуса принадлежит Министерству юстиции.

Прокуратура со своей стороны также постоянно осуществляет наблюдение за нотариальной деятельностью, сообщая о результатах проводимых дисциплинарными палатами проверок. Прокуратура уполномочена принимать непосредственно обращения граждан, инициировать осуществление всех видов контроля за нотариусами.

Место проживания нотариуса должно совпадать с тем же департаментом, где дислоцирована его контора, что необходимо для непрерывного оказания нотариальных услуг населению. За исключением случаев, когда это противоречит нормам закона, в целом нотариус не вправе отказать в совершении нотариального действия. При этом он не ограничен свободой выбора клиента, несмотря на то, что нотариус обязан совершать действия в определенном месте. Так, клиент и контрагент могут иметь своих нотариусов, каждый в отдельности, и попросить их участвовать в совершении нотариального действия. В этом случае удостоверение сделки происходит в присутствии обоих нотариусов. Это случай конкуренции. Если же территории деятельности двух нотариусов различны, сделка происходит в районе того нотариуса, который компетентен на данной территории. Другой нотариус приходит в его контору с целью консультирования и помощи своему клиенту при заключении договора. Это случай соучастия. Важно отметить, что ни конкуренция, ни соучастие для клиента не влекут дополнительных расходов, так как итоговая сумма вознаграждения делится между нотариусами [11, 210].

Отметим, что и в плане дисциплины правовой статус нотариуса во Франции приближен к положению государственного служащего. На нотариусов и государственных служащих распространяется власть администрации в дисциплинарном плане при нарушении ими своих профессиональных обязанностей. Законом определены условия, при которых наступает дисциплинарная обязанность, а также процедура и способы обжалования. Это обусловлено необходимостью обеспечения нормального функционирования нотариата, соблюдения прав, свобод личности. Нотариус лично отвечает за все риски, связанные с его деятельностью, так как не получает никакого вознаграждения от государства. При этом он функционирует как должностное лицо, одновременно являясь представителем свободной профессии. Двойственная природа института нотариата объясняется самой юридической природой данного явления, частной собственностью на средства нотариальной деятельности, режимом налогообложения и правом населения свободно выбирать своего нотариуса.

Нотариальная контора является частной собственностью, так как нотариус лично финансирует куплю конторы, отвечает за все связанные с его функциональной

деятельностью. Все указанное свидетельствует о полной независимости нотариуса при отправлении своих профессиональных обязанностей.

Обязанность нотариуса хранить в тайне полученные сведения в ходе осуществления им профессиональной деятельности, также подчеркивает свободный характер его профессии. Данная обязанность носит абсолютный характер, и даже суд не может освободить его от данной обязанности.

Своеобразный дуализм правового положения нотариуса обусловлен, прежде всего, тем, что он полностью несет ответственность за все действия, совершаемые им в ходе нотариальной деятельности. Именно максимальная правовая защита интересов населения является приоритетным в деятельности нотариата, и как следствие — особый характер это ответственности. Установление личности и дееспособности сторон, проверка полномочий, определение целевого назначения имущества и тому прочее — это те условия, соблюдение которых гарантирует со стороны нотариуса точность и правильность всех сведений, относящихся к удостоверяемому акту.

Любая ошибка влечет наступление ответственности со стороны нотариуса. Соответствие его деятельности букве и духу закона исключают составление со стороны нотариуса недействительного договора.

Механизм правового регулирования охватывает все стороны жизнедеятельности общества, поэтому ответственность нотариуса постоянно повышается.

За нотариусом, в последнее время, судебная практика закрепила новую функцию — он обязан сообщать своему клиенту о целесообразности заключения того или иного договора. Это накладывает на нотариуса ответственность в каждом случае, когда он о возможных последствиях совершаемых нотариальных действий не сообщил прежде клиенту.

Коллективный характер профессиональной ответственности нотариусов является наиболее эффективным. Так, при составлении договора, которые нотариус представляет сторонам для подписания, и подписывает данный документ, на каждую из сторон возлагаются определенные обязательства.

Клиент имеет право на обращение в суд с целью защиты своих законных интересов в случае не выполнения нотариусом своих обязательств. А в частности, потребовать возместить ему убытки, перекрываемые страховой профессиональной ответственности и системы солидарной ответственности нотариусов [12, 390]. Таким образом, французский нотариат является институтом, обеспечивающим гарантированную правовую поддержку деятельности коммерческого характера посредством удостоверения сделок.

Как высококвалифицированный профессионал в области права, уполномоченное должностное лицо, удостоверяющий акты и как независимый юрисконсульт действует нотариус в Швейцарии. В некоторых случаях законодательство допускает вмешательство нотариуса

в интересах тех, кого это конкретно касается и в интересах всего общества в целом. Для большинства заявлений и контрактов необходимо вмешательство нотариуса. Это дает преимущество любому лицу, прибегающему к услугам нотариуса, так как он получает юридически целесообразные советы и строгую логичность при подготовке актов. Каждый получает уверенность в том, что акт, составленный нотариусом, соответствует нормам закона и юридически гарантирован полностью [13, 161].

Самой высокой гарантией, обеспечивающей уровень швейцарского права, является удостоверенный, или нотариальный акт. Эта гарантия исходит из ст. 9 Гражданского кодекса Швейцарии, которая гласит, что доказать обоснованность своей претензии должен тот, кто оспаривает содержание удостоверенного акта.

Ни одна из других форм заявлений или договоров не достигает такого уровня безопасности, как удостоверенный акт, изначально являющийся верным.

Как представитель свободной профессии, нотариус принимает непосредственное участие в семейных делах частных лиц, предприятий в сфере гражданского оборота, налогообложения, административного права, международного частного права и предпринимательского права. К услугам нотариуса часто прибегают государственные учреждения и органы, что позволяет избежать им ошибок, осложнений и бесполезных расходов с помощью своевременно полученного совета [14, 232].

Итак, нотариус гарантирует правовую защиту на предварительной стадии практического использования договорных соглашений и тем самым предотвращает возникновение возможного спора, в то время как судьи

достигают этого уже по факту спорной ситуации между участниками соглашения.

Свободный латинский нотариат отличается от государственного тем, что он независим, но при сохраняющейся ответственности со стороны государства за его дееспособность, наблюдении и возможности воздействовать на него со стороны органов юстиции. Отсюда следует, что латинский нотариат наиболее оптимален с позиции его дееспособности, как своеобразной формы компромисса между передачей нотариату властных публичных полномочий по осуществлению задач государства и исполнением этих задач профессиональным, свободным и функционирующим под собственную экономическую ответственность нотариусами. Нотариально составленные документы имеют особую доказательную силу официального характера, что закреплено процессуальными нормами, и способствуя тем самым разгрузке судебных и ведомственных производств [15, 407].

Как отмечает Ахашева, способность латинского нотариата адаптироваться к изменениям в социально-политической сфере и сфере гражданского оборота, обусловили ее жизнеспособность [16, 23]. Именно данная модель на сегодняшний день получила свое развитие в казахстанской правовой системе.

За последнее время наша страна активно включается в работу этой влиятельной международной организации. Казахские нотариусы постоянно расширяют свои профессиональные связи с зарубежными коллегами, идет интенсивный обмен делегациями стран членов Союза, способствующее упрочению демократических традиций в Казахстане.

Список литературы:

1. Иванов Б. П. Преподавание права в древнем Риме: Очерк по истории римской юриспруденции. – Казань, 1913. – 31 с.
2. Международный союз Латинского нотариата // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://notariat.ru>
3. Ловато Г. Нотариус как общественный служащий и свободный профессионал в нотариальных системах латинского типа. – Милан, 1955. – 197 с.
4. Баратта В. Юридическая природа нотариальной функции. – Рим, 1962. – 189 с.
5. Аннерс Э. История европейского права. – Москва, 1994. – 398 с.
6. Баратта В. Нотариальная деятельность и формы ее проявления. – Рим, 1956. – 202 с.
7. Юридическая природа нотариальной деятельности. Нотариат в современном обществе и его функции. – Палермо, 2006. – 220 с.
8. Нотариальный закон Итальянской Республики. – Рим, 1952. – 170 с.
9. Грекова И. Нотариат Франции. – Москва, 1986. – 209 с.
10. Алексеев И. А. Прокуратура Франции и обеспечение соблюдения режима законности. – Москва, 2004. – 209 с.
11. Саликов О. Нотариат Франции. – Москва, 1989. – 210 с.
12. Разумов К. А. Пороки воли как основа недействительности сделок: Сравнительно-правовой анализ и международная унификация. – Москва, 1979. – 390 с.
13. Scheurer R. Fac-similé transcription de reconnaissances de comptes et de minutes d'actes notariés. – Bern, 1989. – 161 p.
14. Гаджиев Г. А. Защита основных экономических прав и свобод предпринимательства за рубежом. – Москва: Манускрипт, 1995. – 232 с.
15. Конституция и законодательство Французской Республики. – Москва, 1958. – 407 с.
16. Ахашева А. К. Теоретико-правовые проблемы становления и развития нотариата в Республике Казахстан. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – Бишкек, 2010. – 23 с.

Levanaku Andj,
PhD Candidate in Law,
Assistant Professor, European University of Tirana
E-mail: andja.1989@yahoo.com

Albanian jurisdiction in relation to european jurisdiction protecting human rights in Albania

Abstract: The Constitution of the Republic of Albania is the fundamental law that guarantees the human rights in Albania. Human rights in their universal, abstract sense in relation to the positive right are superior rights and define the availability and the borders of positive rights in a country. Also, they define the legitimacy of the state's power. Human rights in Albania are guaranteed not only by the Constitution, but also by the European Convention of Human Rights.

Keywords: human rights, Convention, Constiution, fundamental freedoms.

Human rights and fundamental freedoms contain the essential criteria for the position and the role of the man on one side and on the other side they represent the state of democracy of the system. These are the instruments for the restriction of the state's power and banning of arbitrary. The scale of their defense and guarantee show the development and civilisation of a society. These fundamental freedoms are the freedom of expression, freedom of thought, conscience and religion, freedom of association and peaceful assembly etc. These freedoms turn into fundamental freedoms when they are sanctioned in the Constitution or in Declaration and Charters of rights of constitutional importance [1, 57]. The Constitution of the Republic of Albania sanctions the real guarantees through which the fundamental rights will be guaranteed. Some articles contain rules that create various juridical institutions, in order to guarantee in practice the implementation of human rights. The Constitution foresees four jurisdictional mechanisms of guarantees. Besides the three scales system of the common courts it foresees the constitutional jurisdiction of the Constitutional Court of the Republic of Albania. The Constitution foresees that it will be the last court that will judge the demands of individuals protecting their right to a fair trial [4, 42]. Thus the decisions of the Constitutional Court which are *erga omnes*, turn into a real guarantee for defending the individual's legal interests. So the constitutional jurisdiction is sanctioned from the Constitution of the Republic of Albania as one of jurisdictional guarantees for the protection of human rights and fundamental freedoms. Jurisdiction is "the concretizations of laws", stressing the moment in which the law from static and passive, become concrete and efficient [2, 10]. Judicial jurisdiction serves to protect the constitutional human rights, freedoms and legal interests. This is clearly sanctioned in the article 42 point 2 of the Constitution of the Republic of Albania, where it is foreseen: In the determination of his rights and obligations or of any criminal charge against him, everyone is entitled to a fair and public hearing within a reasonable time by an independent and impartial tribunal established by law. This article is similar to the article 6 point 1 of the European Convention of Human Rights. Having into consideration the

content of this article is clear that the judge of everything concerning the protection of rights, of the constitutional and legal interests or the judge of every criminal offence in the Republic of Albania undergo a judicial control done by the court. This is a real guarantee protecting human rights and fundamental freedoms in Albania. Foreigners are subject of the fundamental freedoms and rights in Albania like Albanians. This is sanctioned in the Constitution of the Republic of Albania in the article 16. While in the article 18 it is foreseen: All the people are equal before the law. Also it states: Human rights and obligations foreseen by the Constitution are the same for the Albanian citizens and as well as for the foreigners, that live in the territory of the Republic of Albania, with the exception of the cases which the Constitution links in a special way the exercises of certain rights with the Albanian citizenship. The global function of jurisdiction that is displayed in the reason of law is the defense of rights. With the defense of right we understand the reaction towards their violence, or a reaction to ban or eliminate negative effects as much as possible. An essential characteristic of jurisdiction is the instrumentalization, because jurisdiction serves as an instrument, as a means for defending the human rights. Thus it is an instrument used to make effective the person's rights [2, 15]. The defense of rights contains the substance of jurisdictional activity and is the global function of jurisdiction. This is sanctioned in the Universal Declaration of Human Rights proclaimed by the General Assembly of the United Nations on 10th December 1948, as well as from the European Convention for the protection of Human Rights and fundamental freedoms ratified from the Council of Europe in Rome, 4th November 1950 and entered into force on 3rd September 1953. The Universal Declaration of Human Rights is the first instrument of human rights that is put out by an international universal organization as United Nations are. The Universal Declaration declares that: All the human beings are born free and equal in dignity and rights. These are known as natural rights. The Declaration proclaims two wide categories of rights, on one side the political and civil rights and on the other side as a necessary accomplishment, the economical and social — cultural rights. Both categories

contain a unity that is a base for realizing the rights and freedoms in practice. In the content of the European Convention for the protection of Human Rights and Fundamental Freedoms comparing with the Universal Declaration, a great importance is given to the defence of fundamental freedoms and rights of man than their affirm in the Convention, which is an effective instrument because of obligatory character of its regulations from the international right point of view, but mainly through its complex mechanism of its control of implementation in the internal level and especially international one. It puts guarantees for freedoms that were affirmed together from all states, members of Council of Europe. As well as for the social rights the Convention not only proclaims the rights and freedoms, but cares as well for the security and respect of given obligatory form states that sign. The European system for defending and promoting the human rights is the most effective system. It offers high standards for the rights and their implementation. The claimants, either the states or individuals should address directly to the European Court of Human Rights. In this way the procedure is simplified enough [3, 224]. The Committee of Ministers will play the role of observing of implementation of Court decisions. The fact that will be stressed is the protocol no. 11 that exclude the possibility of doing amendments that will restrict the implementation of protocol [3, 225]. The special importance of this is as accepting the protocol states will affirm without condition the obligatory jurisdiction of European Court of Human Rights. So the other states that will ratify the Convention in the future will accept the new version with changes that protocol 11 has brought. 6 For an individual to bring the sue to the European Court of Human Rights complaining for the Albanian state must fulfil the foreseen criteria in the article 34, 35 of the Convention. The Court may receive application from any person, nongovernmental organisation or group of individuals claiming to be the victim of a violation by one of the contracting parties. The Court may only deal with the matter after all domestic remedies have been exhausted. For example, in Albania it is the Supreme Court that gives its decision then the case may be judged from European Court of Human Rights. While for the right to a fair trial the matter must be judged by

the Constitutional Court of the Republic of Albania. Another condition is to sue the matter to the European Court within a period of six months from the date on which the final decision was taken [5, 35]. The European Court gives the final decision on the contractual pairs which are obliged to implement it. So through the obligatory jurisdiction of European Court of Human Rights is possible that affirmed in the European Convention of Human Rights gain an effective international protection. Albania has ratified the international acts for protecting the human rights and above all the Constitution of the year 1998 calls directly in the Constitution, the Convention making it its part. This is foreseen in the article 17 that mentions that legal restrictions of the human rights must not overpass in no case the legal restrictions foreseen in the Convention. The decisions of European Court of Human Rights are obligatory for Albania. It may happen that Albania not only can interpret the laws for human rights but also can change the native laws aiming the harmony towards international obligations for human rights.

In conclusion the effective and concrete protection of human rights, fundamental freedoms and legal, constitutional interests of people is the global function of jurisdiction sanctioned in the main legal documents in power. From the other side the jurisdictional activity disciplined by legal norms contain a system that balances the material right with procedural right. These two systems are well-coordinated. Substantial norms protect rights and interests, and sanction certain human manners that bring juridical consequences. In this way these norms have configured the subjective rights which include a protection of certain interests that is juridical protection. If material norms are broken the procedural norm is activated. The procedural norm disciplines the subjects activity. Thus they discipline the jurisdictional activity having into disposal the instruments, the effective doing of the protection of rights. The European system of protecting the human rights is the most advanced regional system. The essence of European order is made by human rights, rule of law and democracy. The Albanian judicial Court together with European jurisdiction that is exercised from the European Court of Human Rights are a functional and real guarantee for protecting the human rights in Albania.

References:

1. Aurela Anastasi. *E drejta Kushtetuese*. – Tiranë, 2004.
2. Salvatore Satta. *Diritto processuale civile*. – Padova, 1992.
3. Arben Puto. *E drejta ndërkombetare publike*. – Tiranë, 2010.
4. Constitution of the Republic of Albania, approved by law no. 8417, dated 21.10.1998 and changed by law no. 9675, dated 13.01.2007; no. 9904, dated 21.04.2008; no. 88, dated 18.09.2012.
5. European Convention of Human Rights.

*Shvets Olga Valerievna,
candidate of philology,
Admiral Ushakov State Maritime University
E-mail: olgashvets74@gmail.com*

*Simonova Olga Vasilievna,
candidate of history,
Admiral Ushakov State Maritime University
E-mail: simonovaolga16@mail.ru*

*Zlivko Alla Pavlovna,
candidate of law,
Admiral Ushakov State Maritime University
E-mail: alla_zlivko@mail.ru*

Transport safety in the modern world

Abstract: The problem of ensuring the safety of the transport system in terms of the integration processes of the present and the degree of involvement in them of the Russian Federation is examined in the article. National and international laws and state programs for the development of the transport system are analyzed for the purpose of improving transport policy.

Keywords: transport, security, transport policy, government program, legislation, terrorism

*Швец Ольга Валерьевна,
кандидат филологических наук,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф. Ф. Ушакова
E-mail: olgashvets74@gmail.com*

*Симонова Ольга Васильевна,
кандидат исторических наук
Государственный морской университет
имени адмирала Ф. Ф. Ушакова
E-mail: simonovaolga16@mail.ru*

*Зливко Алла Павловна,
кандидат юридических наук
Государственный морской университет
имени адмирала Ф. Ф. Ушакова
E-mail: alla_zlivko@mail.ru*

Транспортная безопасность в современном мире

Аннотация: Авторами исследованы проблемы обеспечения безопасности транспортной системы в условиях интеграционных процессов современности и степенью вовлеченности в них Российской Федерации. Проведен анализ действующего отечественного и международного законодательства и государственных программ развития транспортной системы. Выявлены проблем и определены пути совершенствования транспортной политики.

Ключевые слова: транспорт, система безопасности, транспортная политика, государственная программа, законодательство, терроризм.

Интересы национальной безопасности определяют основные цели, стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства, в том числе в области транспорта и транспортной безопасности. Императив безопасности транспортного процесса сегодня дополняется

требованием обеспечения антитеррористической безопасности на транспорте.

В структуре национальных интересов РФ особое место занимают интересы национальной безопасности страны, неотъемлемой составной частью которой являются

интересы транспортной безопасности. На формирование национальных интересов Российской Федерации в транспортной сфере большое влияние оказывают как положение России в мировом сообществе, так и внутриполитическая обстановка в стране [5].

Следует отметить тот факт, что надежное обеспечение транспортной безопасности стало сегодня для многих стран мира, одной из самых актуальных задач. Это обусловлено рядом факторов:

- терроризмом и диверсиями на транспорте (массовое использование террористов-смертников и транспортных средств как орудие диверсии) [4];
- активизацией национальных и транснациональных форм организованной преступности, специализирующихся на незаконных внешнеэкономических операциях, контрабанде, нелегальной миграции, использующих транспортные артерии в своих преступных целях;
- тесным переплетением терроризма с международным наркобизнесом — главным его финансовым источником, поэтому необходимо обеспечить противодействие незаконному обороту наркотиков, и пресечь контрабанду оружия, боеприпасами, взрывчатыми веществами, средствами осуществления диверсионных актов;
- непрерывным ростом иных форм неправомерного вмешательства в функционирование транспортного комплекса (блокирование транспортных путей, транспортных средств, хищения и хулиганство на транспорте и т. п.), что приводит к авариям и дестабилизации его работы. Указанные процессы часто сопровождаются у нас и в ряде других стран усилением общей криминогенной обстановки на транспорте, тенденциями сращивания государственных и криминальных структур в транспортной сфере, недостаточно эффективными действиями правоохранительных органов [2];
- нарастанием на российском транспорте числа аварий и других чрезвычайных ситуаций, обусловленных не только нарушением правил эксплуатации технических систем, но и физическим состоянием самих этих систем — высокой степенью износа и их техническим несовершенством.

Транспортная безопасность может быть достигнута проведением единой государственной политики в области обеспечения транспортной безопасности на основе устойчивого развития экономики [3].

Необходимым условием успешной интеграции, является качественное развитие транспортного комплекса, способное привести к снижению издержек в экономике и повышению конкурентоспособности отечественного производства, к формированию конкурентоспособных международных транспортных коридоров, обязательной характеристикой которых является международный уровень транспортной безопасности.

К сожалению, как показывает практика, за последние годы в России сильно увеличилось количество авиакатастроф, большинство из которых случилось по вине отказа техники и ошибки пилотов.

Конкуренция в мировой экономике и транспортной сфере обостряется. В этих условиях соответствие уровня транспортной безопасности международным стандартам становится тем признаком, отсутствие которого лишает Россию возможности использовать свои огромные преимущества, которые дает ей уникальное территориальное расположение на Евразийском континенте.

В условиях превращения внутрироссийских транспортных коммуникаций в органическую часть международных транспортных коридоров, связывающих Европу и Азию, формирования единого мирового рынка товаров, транспорт приносит России огромную экономическую выгоду. Более того, успешное функционирование международных транспортных коридоров будет способствовать усилению политического влияния России, как в Европе, так и в Азии.

Превратить указанную возможность в действительность поможет комплекс мер, к числу которых относятся:

- создание новых, а также расширение и модернизация существующих транспортных путей, соединяющих Европу и Азию, в первую очередь Транссиба;
- техническое перевооружение транспортного комплекса, внедрение новейших транспортных технологий, направленных на повышение технической надежности транспортировки пассажиров и грузов и их своевременную доставку, расширение пропускных и проводных способностей транспортных магистралей, улучшение качества транспортного сервиса и т. п.;
- повышение уровня безопасности на транспорте, приведение его в соответствие с требованиями международных стандартов транспортной безопасности, усиление борьбы с хищениями на транспорте и т. п. [1].

Успешное претворение в жизнь этого комплекса мер важно и для упрочнения гражданского мира и национального согласия, территориальной целостности, и, как следствие, нейтрализации причин, способствующих возникновению политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма, социальных и межэтнических конфликтов, а значит и терроризма.

В связи с последними событиями в мире, велика вероятность того, что, возрастание пропускных способностей транспортных магистралей, повышение технической надежности транспортировки грузов, улучшение транспортного сервиса будет сопровождаться также и ростом попыток со стороны террористических организаций и транснациональной организованной преступности незаконно использовать транспортные коридоры для контрабанды оружия, взрывчатых веществ, наркотических веществ, неконтролируемой миграции. Все это приведет к нарастанию угроз для национальной безопасности, интересам многих стран мира, в первую очередь — европейских государств.

Необходимое условие решения данной проблемы — максимальное укрепление транспортной безопасности Российской Федерации, обеспечение необходимого

уровня безопасности на транспортных магистралях страны в соответствие с уровнем международных стандартов.

Состояние транспортного комплекса и уровень его защищенности — прямо и косвенно — оказывают влияние и на другие составляющие национальной безопасности: научно-техническую, информационную, экологическую, и другие. В современных условиях транспортные коммуникации объединяют и связывают страны; транспортная деятельность создает миллионы рабочих мест и формирует спрос на продукцию десятков отраслей; развитие транспортного комплекса и достижение транспортной безопасности уровня международных требований создает предпосылки для получения Россией выгод и преимуществ в сфере экспорта транспортных услуг и усиливает ее политическое влияние в мире; транспортная система является важнейшим фактором национальной безопасности.

В развитии транспортной сферы и обеспечении надежной безопасности в равной степени заинтересованы личность, общество и государство.

Система правового регулирования транспортного права состоит из конституционных положений, ряда специализированных транспортных уставов и кодексов, принятых в форме федеральных законов и детально регламентирующих транспортные отношения, а также подзаконных нормативных правовых актов и характеризуется значительным наличием императивных норм, широким применением норм международного права, а также принципом иерархии системы.

В связи с актуальностью проблемы обеспечения безопасности транспортной деятельности, необходимо ужесточить уголовную ответственность должностных лиц транспортных организаций за соблюдение транспортного законодательства.

Следует совершенствовать международно-правовые основы регулирования межгосударственной

транспортной деятельности. В частности, во Всеобщей транспортной конвенции, целесообразно предусмотреть механизм для мирного урегулирования хозяйственных споров в транспортной сфере деятельности, учредив специальный орган международного правосудия [4].

Успешной интеграции российского транспортного комплекса в мировую систему транспорта будет способствовать прогрессивное развитие и использование инновационных решений, например, использование системы ГЛОНАСС, призванной обеспечить безопасность груза и водителя. В целях обеспечения безопасности транспортной системы необходимо приведение транспортной безопасности России к уровню международных стандартов; внедрению системы мер по предупреждению и пресечению преступлений на транспорте, включая терроризм и т. д.

Таким образом, развитие транспортной отрасли экономики и повышение уровня транспортной безопасности могут быть обеспечены: при условии участия России в разработке общей стратегии развития сети международных транспортных коридоров, проходящих по европейским и азиатским направлениям, в рамках формирования новых транзитных магистралей континентального значения. Безопасность международной транспортной системы не может быть полностью обеспечена без активной государственной поддержки транзитных проектов на международной арене, формирования выгодных международных альянсов. Одним из важных условий является техническая модернизация и совершенствование экономических режимов в воздушных транзитных коридорах, проходящих через воздушное пространство государств, а также разработка при участии субъектов Российской Федерации проектов создания и развития транзитных коридоров, дополняющих базовые международные транспортные коридоры.

Список литературы:

1. Алиев Э. М. Влияние транспортного фактора глобализации на устойчивое развитие государств в контексте современного международного права // Международное публичное и частное право. – 2007. – № 2.
2. Иванцова Н. В., Калачян К. Ю. Каким должно быть наказание за транспортные преступления // Законность. – 2012. – № 9. – 45 с.
3. Симонова О. В. Таможенная и транспортная политика России после вступления в ВТО. – Germany, Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing. – С. 22–23.
4. Шве́ц О. В. Расширение форм терроризма в современном мире // Наука и образование в XXI веке сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 34 частях. – 2013. – С. 154–156.
5. Шве́ц О. В., Воблая И. Н. К вопросу о необходимости использования PR-технологий в формировании имиджа государства // В мире научных открытий. – 2015. – № 5.8(65). – С. 3149–3165.

Contents

Section 1. Demographie und Ethnographie	3
<i>Abramov Sergey Michajlowitsch</i>	
Demographischen Prozesse in der Fiktion (das Beispiel der Werke von A. Bely, A. Blok, I. Brodsky)	3
Section 2. History and archaeology	9
<i>Gaidin Sergey Tikhonovich, Burmakina Galina Aleksandrovna</i>	
The history of regulation of the use of wildlife resources in the Yenisei Province in pre-soviet period.	9
<i>Deordieva Anzhela Nikolaevna</i>	
Socio cultural portrait of members of cadet organizations of Don region during the First world war	13
<i>Kartashova Maria Vyacheslavovna</i>	
The structure of the crafts in the Russian Empire	15
<i>Mehdiyeva Ayten Ali</i>	
The Maiden Towers of Azerbaijan and Estonia: similar and characteristic features	18
<i>Sekirin Andrey Aleksandrovich</i>	
The history of the emergence and spread of sectarianism and the Old Believers in the Voronezh and Kursk provinces in XVII – the beginning of XIX centuries.	21
Section 3. Linguistics	24
<i>Anochina Svetlana Petrowna</i>	
Existenzäusserungen im wissenschaftlichen Text	24
<i>Aukhadiyeva Zauresh, Sagimova Aiyhankyz</i>	
Locative meaning of prepositional and nominal combinations of German	26
<i>Bashmakova Irina Stepanovna</i>	
Categorization of mythical type knowledge by English idioms with anthroponym	29
<i>Dabyltayeva Raikhan Esbergenovna, Sadykova Aida Kenesbekovna, Aushakhman Assel Talgatovna</i>	
Corpus-based translation tools: a new paradigm in translation	32
<i>Lyubymova Iuliia Serhiivna</i>	
Potential complement as the core zone of functional-semantic microfield of potentiality in modern Chinese	35
<i>Rahimova Sarafat Matjusupovna, Husinova Laylo Nasarbaj kisi</i>	
Grundlagen der Kommunikationsmöglichkeiten	38
<i>Smirnova Anastasija Olegovna</i>	
Quantitative analysis of lexical means in rendering the concept “fear” from German language to Russian (on the basis of novel “Fear” (“Die Angst”) by St. Zweig)	40
Section 4. Pedagogy	45
<i>Ajibayeva Aynura Jakshymbekovna</i>	
Management of pedagogical staff as component of quality management of training of future elementary school teachers.	45
<i>Artyukhina Alexandra Ivanovna, Velikanova Olga Fedorovna, Tretjak Svetlana Vladimirovna,</i> <i>Chumakov Viacheslav Igorevich, Velikanov Vasilii Viktorovich, Ivanova Nina Vasilievna</i>	
Interactive teaching methods in the development of situational readiness of a specialist.	48
<i>Gurov Valery Nikolaevich, Lyutova Gulnara Rishadovna</i>	
Monocities Bashkortostan: private educational organization in the context of formation of a professional orientation of older teens through more general developmental programs	50
<i>Laptev Ivan Grigoryevich</i>	
Role playing English flute in the revitalization process of musical development of younger students	53
<i>Fruktova Yana Stanislavovna</i>	
Fundamentality of curriculum content in the professional training journalists while obtaining the “Bachelor’s” degree on the basis of competence approach	55

Chumak Larisa Vladimirovna

Integrity of training-attestation development complex of professional skills of foreign literature teachers in the system of postgraduate education 60

Section 5. Political science..... 63

Bočáková Olga

Intergenerational solidarity 63

Kubičková Darina

Relations between generations 65

Section 6. Psychology 68

Kovaleva Natalia Borisovna

Mediagermenevtika as a resource of personality development 68

Shuriyeva Aislu Baurzhanovna, Iztleuova Samanta Shekernayevna

Autistic disorder in childhood. 70

Section 7. Sociology..... 73

Vanina Clavdia Ivanovna

Russian social scientists on the role of the science in social problems solution. 73

Subhanov Nodir

Social activity of youth in Uzbekistan 76

Section 8. Philology..... 80

Bovkunova Oksana

Elizabethan prose narrative: tendencies and perspectives..... 80

Matbek Nursulu Kurmanbekkyzy, Ibrayimova Zhibek Tungyshbaevna,

Ibragimova Meruert Nurhijigitovna, Nusupbaeva Saltanat Adirovna

Tuvan literary language 82

Malakhov Sergey Viktorovich

Three names of Paris 84

Nesterenko Olga Aleksandrovna

The specific of dialogue function of interjections in modern Chinese..... 89

Section 9. Philosophy 92

Ditkovskaia Inessa Emilevna

Ethical ideals of V.F. Vojno-Yasenetsky..... 92

Zolotukhina-Abolina Elena Vsevolodovna, Zolotukhin Valery Efimovich

Modern para-religious consciousness: the transformation of the image of God..... 96

Khajieva Maksuda Sultanovna, Askarov Ollabergan Ikrom ogli, Saurov Ravshonbek Ruslanbek ogli

Socio-political, religious, spiritual and educational importance of oriental works..... 98

Section 10. Economics and management..... 101

Gaidutskiy Ivan

The global approach to investments into sustainable

low-carbon development: introducing Global Anti-Carbon Fund..... 101

Chupina Irina Pavlovna

Product competitiveness as one of the key categories of market economy..... 103

Section 11. Science of law..... 106

Zhanabilova Assel Bulatkazyevna

Revisiting implementation of a lateen model of notariate into national law systems 106

Levanaku Andj

Albanian jurisdiction in relation to european jurisdiction protecting human rights in Albania 112

Shvets Olga Valerievna, Simonova Olga Vasilievna, Zlivko Alla Pavlovna

Transport safety in the modern world..... 114